Р. ПАЛЬМ ДАТТ

НОВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ РЕФОРМИЗМ

СОЦИАЛИЗМ И ПРОЖИТОЧНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ЕФ. БЕРЛОВИЧА

★

19 · П Р И Б О Й · 28

R. PALME DUTT

SOCIALISM AND THE LIVING WAGE

Ленинградский Областлит № 13901.
$10^1/_2$ л. Тираж 4 000. (А, 11. 27104/Пр.)

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Книга тов. Пальм Датта написана около года тому назад. За это время обстановка успела довольно значительно измениться. Изменения, если говорить только об Англии, произошли главным образом по двум линиям: во-первых, появилось кое-что новое в английской экономике и, во-вторых, значительно более четко формулирует сейчас свои задачи английская коммунистическая партия. Поэтому не все положения книги тов. Пальм Датта одинаково бесспорны.

Мы обращаем внимание читателей на некоторые пункты, требующие сейчас поправок и дополнений.

1. В анализе кризиса английского хозяйства автор очень близко подходит к точке зрения «абсолютной безвыходности». Автор категорически отрицает возможность капиталистической реорганизации английской промышленности, вернее наиболее отсталых ее отраслей.

Так, например, в главе второй § 8, тов. Пальм Датт пишет: «Для всех, кто имеет глаза, чтобы видеть, история уже объявила с полной очевидностью, что только диктатура рабочего класса может реорганизовать английскую промышленность».

В такой абсолютной форме тезис этот неверен. Неверен вообще, так как «абсолютно безвыходных положений не бывает», как говорил Ленин в обстановке значительно более ослабленного капитализма, чем тот, который мы видим сейчас. [1] Неверен этот тезис в абсолютной форме и примени-

[1] В. И. Ленин, „Доклад на II конгрессе Коминтерна", 19 июля 1920 года. Собр. соч., т. XVII, стр. 263.

тельно к английскому хозяйству. Как бы ни были велики трудности рационализации английской промышленности, рационализация эта, хотя и медленно, но производится фактически. На ряду с основным приемом, практикуемым английскими капиталистами для выхода из затруднений (нажим на условия труда,) на ряду с этой рационализацией в кавычках мы наблюдаем также факты подлинной рационализации (на основе картелирования, технических улучшений и т. д.). Такие факты даны опытом 1927 — 28 года, которого автор не имел возможности учесть.

За всем этим сохраняют свою силу все указания автора на обстоятельства, очень сильно затрудняющие рационализацию английской промышленности.

2. Но именно вследствие того, что упадок английского хозяйства идет не так прямолинейно, именно потому, что база соглашательской политики и реформизма, хотя и сильно подорвана, но не уничтожена целиком, — именно поэтому, борьба против реформизма приобретает особую важность. И здесь необходимо наиболее четкое отмежевание коммунистов от Рабочей партии и Независимой рабочей партии не только в идейном, но и в организационно-тактическом отношении.

Новая тактика английской компартии по отношению к Рабочей партии в основном определена решениями 9 пленума ИККИ[1] и подтверждена VI всемирным Конгрессом Коминтерна.

Тов. Пальм Датт касается вопросов тактики компартии лишь мимоходом. Но мы встречаем у него формулировки, страдающие некоторой расплывчатостью. Говоря, например, о борьбе рабочего класса за власть, за социализм, тов. Пальм Датт заявляет:

[1] См. сборник „Новая тактика английской коммунистической партии". Гиз, 1928 год.

«. . . Рабочим нужно рабочее правительство, основанное на рабочих организациях и способное сделать свою волю обязательной для капиталистов».

Это может быть истолковано, как лозунг рабочего правительства макдональдовского типа, то есть, как лозунг, отвергаемый ныне Коминтерном, английской компартией и тов. Пальм Даттом в том числе. [1]

В главной своей части книга тов. Пальм Датта полностью выдержала испытание времени. Изложение и критика программы и тактики Независимой рабочей партии, разоблачение «левых», как пособников и укрывателей правых — все это на протяжении времени, прошедшего с опубликования книги тов. Пальм Датта на английском языке, получило многочисленные и яркие подтверждения.

Считаясь с необходимостью сделать книгу более доступной для широкого круга читателей, издательство дает перевод книги тов. Пальм Датта в несколько сокращенном виде.

---

[1] Исчерпывающим дополнением к книге может служить превосходная статья тов. Пальм Датта „Проблемы новейшего периода в Англии“. („Коммунистический Интернационал“, №№ 29 — 30).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Непосредственная цель этой книги — рассмотреть так называемую политику «прожиточной заработной платы», которую Независимая рабочая партия выставляет в настоящий момент в качестве способа преодоления экономического кризиса Англии и в качестве линии прогресса для рабочего движения. (Эту политику иногда называют также политикой «социализма в наши дни».)

Для достижения этой цели было необходимо изучить круг вопросов, более широкий, чем непосредственная тема книги. Необходимо было рассмотреть с тщательным вниманием настоящее экономическое положение Англии и вытекающие из него задачи борьбы рабочего класса. В частности было обращено внимание на условия упадка капитализма в Англии, а также на теорию и практику «возрождения» — американизация, снижение заработной платы, рационализация, фордизм, переход от тяжелой к легкой промышленности и т. д.; в этой связи было обращено внимание на особые задачи профсоюзной борьбы в настоящий период: профсоюзная политика в период упадка, политика заработной платы, уроки борьбы углекопов и всеобщей забастовки и т. д.; а также на основные политические задачи борьбы рабочего класса в период упадка капитализма.

Могут возразить, что я трачу слишком много труда и времени для опровержения легковесной политики, которую Независимая рабочая партия изображает в сотне непоследовательных статей, памфлетов по 10 страничек или — даже в наиболее длинном «научном» изложении — в брошюрке в 50 страниц. Но чтобы разобраться в затронутых этой лите-

ратурой вопросах, требуется гораздо больше времени и труда, чем для того, чтобы мечтать и плести приятные вымыслы. Оправдание для такого пространного обсуждения вопросов, связанных с политикой прожиточной заработной платы, заключается как в характере самих вопросов, так и в роли Независимой рабочей партии.

Независимая рабочая партия все еще занимает важную позицию в английском рабочем движении. В ее ряды входит большая часть бюрократии Рабочей партии и профсоюзов. Ее политика фальшивых «левых» фраз и практической поддержки реформистской бюрократии во всех реальных вопросах служит главным предохранительным клапаном для бюрократии против действительного полевения рабочих и составляет поэтому основное препятствие для успеха рабочего класса.

Кроме того, вопросы, связанные с этой политикой, имеют общее значение в настоящий период. Иллюзии возрождения капитализма, возможного периода благосостояния для рабочего класса, мифы о фордизме и об Америке, магические панацеи в роде отмены бедности при помощи финансовых мероприятий, кредитных трюков, перераспределения национального дохода и всяких других мыслимых способов, за исключением завоевания промышленности рабочим классом — все это носится в воздухе и не только пропагандируется, но проникает насквозь «рабочую» и «социалистическую» литературу в тысяче различных форм. Тенденции, которые мы здесь рассматриваем, интернациональны; они не свойственны исключительно английской Независимой рабочей партии, они принимают одну форму в более тонкой псевдо-марксистской фразеологии Бауэра или Гильфердинга, другую в грубом торгашестве германских профсоюзных лидеров и, наконец, третью в неопределенной утопичности Независимой рабочей партии. Но в конце концов все эти формы заключают в себе одно содержание — службу капитализму под флагом социализма.

Наконец, хотя форма этой книги полемическая, можно надеяться, что ее содержание может иметь положительную, созидательную ценность для изучения настоящего периода и для борьбы рабочего класса в Англии. Бухарин в своей «Политической экономии рантье» говорит:

«Процесс развития пролетарской идеологии есть процесс *борьбы*... путем критики враждебных взглядов, мы не только непосредственно отражаем нападение врага, но и оттачиваем свое собственное оружие; прокритиковать противоположную систему — это значит, прежде всего, продумать свою.»

Идеология Независимой рабочей партии вбирает в себя всю путаницу, весь устарелый хлам, все иллюзии средних классов, замаскированный империализм, пацифистские сказки, конституционализм, утопизм и пораженчество, которые все еще загромождают путь рабочего класса в Англии. Только разбив эту идеологию, сможет рабочий класс расчистить свой путь, а коммунизм — стать теорией и практикой английского рабочего класса.

Р. П. Д.

Июль 1927 года.

I.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И ВОПРОС О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ.

Всеобщая забастовка и борьба горняков поставили рабочих лицом к лицу перед большими вопросами.

Борьба миллиона горняков за голый прожиточный минимум окончилась поражением. Капитализм объявил, — и вся мощь государственной машины подтвердила эту декларацию, — что прожиточной заработной платы для рабочих при существующих условиях быть не может.

Сейчас грозят новые атаки, атаки на профессиональную организацию, на политические права, на продолжительность рабочего дня и на заработную плату. Все это сопровождается разговорами об экономическом «возрождении», о «новой эре» в промышленности, о новых методах организации и техники, о подражании американскому процветанию и т. д. Но реальность, скрывающаяся за этими разговорами, для рабочих означает ухудшение условий труда. Семь лет под ряд рабочим навязывалось понижение ставок заработной платы и удлинение рабочего дня. Семь лет не прекращается массовая безработица. И сейчас настойчиво ставится вопрос: что произойдет из всего этого? Где этот процесс остановится? Что делать? Капитализм и реформизм отвечают на это, что нынешний кризис представляет временное явление, своим происхождением обязанное мировым причинам, действия которых неустранимы; что единственное разрешение можно найти в гармонии между капиталом и трудом, увеличив и удешевив производство; что рабочие должны пойти на жертвы, содействуя капиталистической реорганизации (хотя богатство капиталистов и производительные силы достигли величайших размеров в истории); это необходимо для борьбы с иностранной конкуренцией и т. д.

Этот ответ становится все более и более неадэкватным по мере того как продолжительность кризиса наводит на мысль,

что мы имеем здесь дело с более глубокими причинами, неотъемлемо присущими всей социальной и экономической структуре капитализма и требующими для своего устранения коренных перемен. Взгляд, будто увеличенное и удешевленное производство, в пределах капитализма, сможет разрешить кризис, игнорирует тот факт, что усиленная конкуренция одной страны может лишь повести к усилению конкуренции других стран и таким образом к усилению мирового кризиса в общем итоге. Выход, предлагаемый капитализмом и реформизмом, заводит лишь в тупик.

Этой ситуации соответствует кризис, наблюдаемый в рабочем движении. Кризис рабочего движения соответствует капиталистическому кризису и затрагивает в самом корне положение реформистского руководства. Рабочее движение становится лицом к лицу перед коренными вопросами на каждом шагу (всеобщая забастовка, задачи рабочего правительства, акт о трэд-юнионах). Обнаруживается все углубляющийся разрыв между реформистским руководством и авангардом рабочих по мере того как требования классовой борьбы становятся более настоятельными, а негодность реформистского руководства в борьбе становится с каждым разом все очевиднее. Разрыв этот обнаруживается в рабочей партии в коренных политических вопросах, а также в трэд-юнионах по вопросам повседневной борьбы и заработной платы. Для настоящего периода характерно, что текущие повседневные вопросы приобретают революционное значение и являются как бы первой остро сознаваемой формой более глубоких проблем.

Реформистские вожди заявляют, что при существующей промышленной депрессии борьба невозможна; что рабочие должны соглашаться на всякое снижение зарплаты в «интересах промышленности», что рабочие должны содействовать капиталистической реорганизации в роде той, которая предложена докладом Сэмюэля, и т. д. На этом основании они дезертировали в борьбе горняков и нарушили свои собственные обещания во время всеобщей стачки и после нее, совершенно так же, как они дезертировали на каждом этапе борьбы рабочих против наступления капитала за последние семь лет.

Какова должна быть рабочая политика в настоящее

время? Ныне реформистские вожди проповедуют промышленный мир, как шаг к процветанию. Они участвуют в банкетах промышленного мира; они входят в правительственные миссии, направляемые в Америку и в колонии; они заседают в правительственных комитетах; они проповедуют новые методы возрождения и реорганизации, «новую эру» в промышленности. Иными словами, они проповедуют послушное принятие того самого капитализма, который придавил рабочих и привел к нынешнему экономическому упадку и краху. Но в рядах рабочего класса мы видим совершенно иной процесс в ответ на пропагандируемую вождями идею промышленного мира и «новой эры». Для рабочих, придавленных рядом капиталистических атак, ухудшением условий труда, безработицей и репрессиями, эта проповедь вождей звучит издевательством.

Рабочие все более возмущаются капиталистическими условиями, все более приближаются к объединенной борьбе против господства капиталистов. Мы видели это на примере всеобщей забастовки и борьбы горняков. Рабочие все более сознают, что нынешний капитализм не дает им никакой надежды на приличное существование, а сулит лишь снижение заработков, удлинение рабочего дня, широко распространенную безработицу, отчаянные жилища и в перспективе войну. Несмотря на рост богатства и производительных сил, умноженных новыми изобретениями за последние десять лет более чем когда-либо, борьба за существование становится труднее; и капиталисты заявляют, что уровень жизни рабочих необходимо еще более снизить в силу мнимой необходимости экономических законов.

Таким образом, вопрос о заработной плате затрагивает сейчас самое сердце капитализма. Неспособность капитализма дать прожиточную заработную плату ведет прямым путем к борьбе за социализм.

«Прожиточная заработная плата» была лозунгом в борьбе горняков в 1926 г. Выставляя требование прожиточной заработной платы в условиях упадочного капитализма, когда капиталисты и сами рабочие вожди отрицают экономическую возможность прожиточной заработной платы, рабочие фактически бросают революционный вызов основам капитализма нынешнего периода; они со все большей созна-

тельностью идут, таким образом, к борьбе за завоевание власти и за социалистическое переустройство промышленности. Упадочный капитализм, оставаясь в рамках системы частной собственности, не в состоянии платить прожиточную заработную плату всем рабочим. Экономическая проблема в настоящее время неизбежно ставит во весь рост политическую проблему классового господства, как это показала всеобщая забастовка. Прожиточная заработная плата является лишь ближайшей целью, которая организует массу рабочих против капиталистов. По мере развития борьбы, этот лозунг должен уступить свое место более широкому лозунгу: «Правительство рабочих и социалистическая реорганизация промышленности».

Новое руководство, вырастающее ныне в борьбе рабочего класса, находит свое сознательное выражение в коммунистической партии и в боевом левом крыле трэд-юнионов, организованном, как движение меньшинства. Только коммунисты и боевое левое крыло заявляют, что рабочие должны и могут бороться против капиталистического наступления; что соединенными силами, под новым боевым руководством, они могут принудить капиталистов к отступлению, что единственный путь, ведущий рабочих вперед в нынешний период капиталистического упадка, — это непосредственная атака на прибыли капиталистов, без всякой оглядки на так называемые «интересы промышленности»; что только завоевание рабочим классом власти и реорганизация промышленности могут разрешить экономический кризис.

Но здесь появляется на сцену новая школа реформистов, которая пытается приспособиться к новым условиям и заменить обанкротившуюся старую школу. Этот новый реформизм хочет примирить реформистскую в основе программу капиталистической реорганизации с видимостью боевой политики, с лозунгом прожиточной заработной платы. Новая школа проповедует возможность прожиточной заработной платы в реорганизованном капитализме. Эта утопия должна осуществиться при помощи ряда законодательных и административных изменений в капиталистическом обществе. Изменения эти должны оживить промышленность развитием внутреннего рынка, обеспечить капиталистам прибыли невиданных размеров и т. д. Перед

нами, таким образом, пропаганда капиталистической реконструкции. Но в то же время делается попытка скрыть эту пропаганду капиталистической реконструкции под лозунгом «прожиточной заработной платы», под лозунгом, за которым рабочие шли в борьбе против капитализма и который ныне реформисты хотят использовать как лозунг капиталистической реорганизации.

Органом этой новой реформистской пропаганды является Независимая рабочая партия.

Независимая рабочая партия, которая проповедывала пораженчество в действительной борьбе горняков за прожиточную заработную плату (подтверждение этому мы найдем в нижеследующих главах), выступает с административным проектом прожиточной заработной платы при капитализме. Постепенно все реформистское руководство подхватывает эту пропаганду обманчивых надежд в противовес классовой борьбе.

Для рабочих прожиточная заработная плата является непосредственной целью в борьбе против капитализма, но не конечной целью. Конечная цель — это уничтожение наемного рабства путем завоевания власти, экспроприации класса капиталистов и социалистическая организация промышленности. Прожиточная заработная плата — это боевое требование, которое в лучшем случае может быть лишь частично осуществлено боевыми силами рабочих в повседневной борьбе между капиталистами и рабочим классом, но она не есть социальный идеал или система.

Для Независимой рабочей партии прожиточная заработная плата является целью внутри капитализма: она представляется осуществимой социальной системой, сочетающей капитализм со сносным существованием для рабочих и дающей средства для последующего мирного и безболезненного перехода к социализму. Эта новая реформистская пропаганда не является исключительной принадлежностью Независимой рабочей партии или Англии. Подобного типа пропаганда непрерывно ведется германскими социал-демократами, которые активно поддерживают капиталистическую рационализацию в Германии, внушая в то же время надежды — неосуществившиеся надежды — на более высокую заработную плату, как результат рационализации. При этом они ссы-

лаются на обычный аргумент: развитие внутреннего рынка, образец, данный фордизмом, и т. д. Итак, этот тип пропаганды представляет собою характерную форму нынешнего реформизма вообще.

Новый реформизм соответствует настоящему периоду капитализма и отражает его в себе. После войны капитализм пытается восстановить себя при помощи реорганизации или «рационализации»: он концентрирует производство, уничтожает менее производительные предприятия, интенсифицирует труд, ограничивает производство и поднимает цены при помощи монополии, понижает заработную плату и удлиняет рабочее время, распускает излишних рабочих и т. д. Все это не что иное, как попытка дать упадочному капитализму отсрочку за счет рабочих, за счет дальнейшего снижения их жизненного уровня. «Социалистические» трубадуры этого процесса, новые реформисты типа НРП,[1] поддерживают обманчивые надежды на улучшение жизненных условий вследствие реорганизации капитализма, благодаря международным трестам и т. д. Этой пропагандой они хотят отвлечь внимание рабочих от насущных задач классовой борьбы.

Коммунистическая партия всеми силами борется против этой пропаганды обмана, которая представлена в Независимой рабочей партии Брейльсфордом, Уитли, Мэкстоном и другими.

На нижеследующих страницах мы рассматриваем некоторые примеры этой пропаганды. В качестве источников мы используем исключительно официальные публикации Независимой рабочей партии.

[1] Независимая рабочая партия. (Примеч. к переводу.)

II.

КАПИТАЛИЗМ И ПОНИЖЕННАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

В настоящее время капитализм достиг той точки, когда он может продвигаться вперед лишь при условии непрерывного нападения на уровень жизни рабочих.

Понимание этой ситуации представляет собою начало всякой сколько-нибудь серьезной попытки взяться за текущие проблемы, стоящие перед рабочим классом.

§ 1. НАСТУПЛЕНИЕ НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ.

Факт наступления на уровень жизни рабочих достаточно ясен для всех. В промежутке между 1921 и 1926 гг. рабочие по существующим вычислениям потеряли свыше 5 миллиардов фунтов вследствие снижения заработной платы (правительственные данные, охватывающие лишь половину всего числа наемных рабочих в стране, показывают в итогах потери около 2 900 миллионов фунтов). Это падение фонда заработной платы не покрывается гораздо более медленным падением стоимости жизни; около половины всего уменьшения следует отнести на счет реальной заработной платы. За тот же период прибыли промышленных компаний, как видно из цифр «Экономиста», из года в год непрерывно возрастали (средний дивиденд на обыкновенные акции составлял 8,4% в 1922 г., 9,3% в 1923 г., 9,8% в 1924 г., 10,3% в 1925 г. и 11,3% в 1926 г. Мы имеем в действительности бо̀льший рост, который скрыт грандиозным разводнением капитала, резервами и т. д.); в то же время доходы от всех видов капитала, приносящих фиксированный процент, как-то: привилегированные акции, облигации, правительственные боны и военные займы, а также разные виды ренты, автоматически повысились вследствие возврата к золотому стандарту, увеличившего ценность

фунта. Таким образом доходы капиталистов возросли, в то время как реальные заработки рабочих понизились. Данные о сборах подоходного налога, об оставленных наследствах и другие подобные цифры приводят к тому же выводу: растущее сосредоточение богатства в руках класса капиталистов и обеднение трудящихся масс народа, другими словами, рост классовых противоречий.

Процесс этот не представляет исключительного свойства послевоенных лет, хотя он в настоящее время и усилился. С самого начала нынешнего столетия реальная заработная плата в среднем понижалась. Бюро расследований Рабочей партии вычислило, что в промежуток между 1900 г. и 1925 г. реальный доход рабочего класса, т. е. заработная плата, отнесенная к ценам, понизился на $^1/_5$ или на 20%. Итак, в то время как в XIX столетии реальные заработки в общем и целом, хотя и медленно, повышались — повышались они гораздо медленнее, чем росло богатство капиталистов, вследствие чего доля заработной платы в народном доходе постоянно понижалась, — XX столетие не только относительно ухудшило положение рабочих, но показало также непрерывное падение реальной заработной платы в абсолютных размерах. Так называемый «прогресс» XIX столетия для рабочих достиг своего предела. Капиталистическое богатство возросло. Возросли и производительные силы. Даже физический объем производства, несмотря на военные разрушения, возрос и в настоящее время уже значительно превосходит уровень 1900 г., но в то же время не только понизилась доля рабочего класса в возросшем богатстве: даже абсолютно ставки заработной платы стали падать; и капиталисты объявляют, что они и в дальнейшем должны уменьшаться в силу необходимости «экономических законов», ради «спасения промышленности» и т. д.

Что означает этот процесс, какими силами он вызван? Могут ли эти силы быть уничтожены в пределах капитализма, или они неотъемлемо присущи всему процессу его развития? Таковы, очевидно, ближайшие вопросы, которые требуют рассмотрения, когда мы подходим к проблеме рабочей политики заработной платы, прожиточной заработной платы и социализма.

Для пропаганды «прожиточной заработной платы», кото-

рую ведет Независимая рабочая партия, и для ее программы характерно, что она не делает попытки посчитаться с действительностью. Вместо того она исходит из мнимого «этического принципа», который считает принятым и приемлемым одинаково для капиталистов и для рабочих.

Так, официальная разъясняющая книга о «Прожиточной заработной плате» на первой же странице провозглашает:

> Что промышленность должна платить всем занятым в ней «прожиточную заработную плату», это в нашу эпоху стало *этическим принципом, принятым как одна из основ нашей цивилизации. Ни одна капиталистическая партия не осмеливается оспаривать этот принцип.* Вместе с тем этот принцип побудил рабочее движение к самым упорным и страстным усилиям в его истории. Ради защиты этого принципа, *когда шахтовладельцы бросили ему вызов,* миллионы рабочих выступили на поддержку горнякам и пошли на риск и лишения, связанные со всеобщей стачкой. («Прожиточная заработная плата», стр. 1.)

В этом исходном утверждении содержится квинт-эссенция путаницы и противоречивости, которые свойственны всем взглядам Независимой рабочей партии. Поэтому стоит остановиться на более тщательном анализе этого утверждения.

Что здесь утверждается? Прожиточная заработная плата является «этическим принципом». Принцип этот «принят как одна из основ нашей цивилизации». «Ни одна капиталистическая партия не осмеливается его оспаривать». Тем не менее тут же упоминаются некие социальные бунтари, называемые «шахтовладельцами» и осмелившиеся «бросить вызов» этому принципу. Тут не указано, вся ли «наша цивилизация» выступила, чтобы покарать этих нарушителей. Упоминается лишь, что воспротивилось рабочее движение. О результатах умалчивается.

В момент, когда миллион горняков отбрасывается к отчаянному жизненному уровню, лежащему более чем на 30% ниже скудной довоенной заработной платы; в момент, когда 10 миллионов рабочих, по исчислению авторов этой же книги (стр. 32), в среднем получают в неделю менее 2 фунтов, — перед лицом всех этих фактов они хладнокровно

*

устанавливают, что принцип прожиточной заработной платы принимается «как одна из основ нашей цивилизации».

Книга, о которой идет речь, писалась в 1926 г.; заключение ее помечено сентябрем 1926 г. В это время все силы правительства, все силы государства, все силы трех официальных парламентских партий, а также все силы Генерального совета и самих вождей НРП были пущены в ход, чтобы заставить горняков принять снижение заработной платы, которая и без того была ниже прожиточной. Воля капитализма была подкреплена орудием голода, судом, исключительным положением, полицией и войсками и заключением тысяч рабочих в тюрьмы. В сентябре борьба достигла своей критической точки. И в этот момент с хладнокровием говорят о принципе прожиточной заработной платы: «ни одна капиталистическая партия не осмеливается оспаривать его».

«Когда шахтовладельцы бросили ему вызов». В этом придаточном предложении мы встречаем единственное упоминание о наступлении капитала. Однако, не объясняется, как это могло случиться, что «ни одна капиталистическая партия не осмеливается отрицать этот принцип», и в то же время «шахтовладельцы бросили ему вызов».

Но подлинно ли поступили так одни лишь шахтовладельцы? Разве правительство Болдуина выступило против них? Напротив, наступление шло из точки высшей концентрации сил капитализма и руководилось непосредственно государственной машиной. Но если это верно, если нападение шло со стороны всех сил капитализма и государства, и если атака эта по всеобщему признанию означала вызов принципу прожиточной заработной платы, если вызов этот увенчался успехом, то что же остается от всех этих положений: «принятые основы нашей цивилизации», «ни одна из капиталистических партий не осмеливается оспаривать их» и проч.?

Но это типичное нагромождение лжи, лицемерные уговаривания, затасканные идеалистические фразы и внутренние противоречия представляют истинный исходный пункт и основу всей аргументации. Этой сознательной слепоте и путанице прежде всего необходимо противопоставить голые факты.

При капитализме заработная плата определяется не «этическими принципами», а экономическими силами и относительной силой классов. Американский углекоп получает свыше 6 фунтов в неделю, английский свои 2 фунта, а индийский свои 5 шиллингов не в силу «этического» основания, но в силу определенных экономических и исторических причин, к числу которых принадлежат также и относительное богатство американского империализма, и постепенное отступление упорно сопротивляющегося, правда, рабочего класса Англии, и колониальная угнетенность, и неорганизованность рабочих Индии.

Исторический и «моральный» элемент несомненно входит как фактор в определение заработной платы, в изменяющееся понятие «уровня жизни» в разных странах. Но он является лишь выражением охарактеризованных экономических и классовых сил, он не представляет собою независимой сверхэкономической творческой силы.

Тот факт, что в современных передовых капиталистических странах старый способ установления заработной платы при помощи «свободной конкуренции» на рынке уступил место утонченной системе регулирования, будь то с вмешательством государства или без него, — этот факт не означает, что старая борьба исчезла, уступив место господству «разума». Это означает лишь, что прежняя распыленность классовой борьбы сменилась современным концентрированным столкновением классов. Та основа борьбы, на которой происходят повышения и понижения заработной платы, существует попрежнему и в более гигантских формах, чем когда-либо, как показывает история последних промышленных конфликтов. Капитализм готов, как показал локаут горняков, когда у него есть на то достаточно сил, придавить массу рабочих и довести их до точки, лежащей ниже какого бы то ни было признанного минимума «уровня жизни», несмотря на все современные «этические», «цивилизованные» формы и фразы.

Современный британский капитализм все более и более теснимс безжалостно накопляющимися силами упадка: увеличение производительной способности в мировом масштабе и сокращение мирового рынка, выступление на авансцену новых и более высоко развитых капиталистических госу-

дарств, ослабление имперских позиций, утрата финансовой гегемонии, бремя долгов, налогов и инфляции капитала, техническая отсталость, порожденная перегородками частной собственности и т. д. Будучи не в состоянии противодействовать этим силам, британский капитализм неизбежно все более и более понижает уровень жизни рабочих. Для него это единственное средство удешевить продукцию и удержать свою позицию на мировом рынке.

Политика капитализма ярко выражена в словах В. Л. Хиченса, председателя крупного акционерного общества «Кэммель, Лэрд и К°».

> В настоящее время уровень заработной платы в нашей стране нельзя устанавливать, исходя из критерия некоторого идеального жизненного уровня. Ставки должны устанавливаться с оглядкой на иностранные рынки и на заработную плату, которую платят наши конкуренты. Предприниматели и рабочие должны собраться вместе и посмотреть, что может быть сделано, чтобы понизить наши издержки производства в соответствии с требованиями наших внешних рынков. Они должны попытаться производить дешевле.

Практическое выражение эта политика получила в знаменитых словах Болдуина: «Заработная плата всех рабочих должна быть понижена». Хотя сам Болдуин и опровергал приписываемые ему слова год или полтора спустя после того, как они были сказаны, они тем не менее публично подтверждались министрами его кабинета. Равным образом они повторяются во всех публичных декларациях видных государственных деятелей, дельцов и финансистов, а также в многочисленных резолюциях и манифестах Ассоциации торговых палат, Национального союза фабрикантов, Федерации британской промышленности и подобных учреждений.

§ 2. МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ.

Чем объясняется, что современная политика британского капитализма неизбежно является политикой понижения жизненного уровня рабочих? Чем объяснить, что в пределах капитализма какая-либо иная политика или программа

практически невозможна? Почему постепенное повышение жизненного уровня рабочих Великобритании в XIX веке, явившееся базой всей старой политики либерализма и реформы в рядах рабочего класса, — почему оно в XX веке уступило место ухудшению и росту конфликтов, вследствие чего старая политика реформы, приноровленная к условиям XIX столетия, представляется в настоящее время бессильной и изжившей себя? Когда мы ставим этот вопрос, мы на деле поднимаем проблему развития капитализма в империализм, т. е. проблему современного периода трестов и финансового капитала, эксплуатации мира, соперничества великих держав, обострившейся торговой конкуренции и погони за концессиями, искусственного ограничения производства, растущих противоречий и упадка. Но для наших целей мы можем ответить на этот вопрос простой ссылкой на непосредственные факты британского капитализма, которые наиболее ярко отражают и вскрывают упадочный характер современного капитализма вообще.

В XIX столетии (вплоть до последней его четверти) британский капитализм фактически пользовался мировой монополией в промышленности и торговле, и на этой основе зиждилась его финансовая гегемония. Открывались просторы, казалось бы, для неограниченного расширения. По мере того как накоплялся капитал, промышленность можно было расширять; колонии и Америка поставляли сырье; весь мир предоставлял рынок. Капитализм двигался по восходящей линии. Имелись кризисы, регулярно возвращавшиеся по так называемому промышленному циклу (временное перепроизводство вследствие анархического характера капитализма); но эти довоенные кризисы не уничтожали общей восходящей линии; как показал Маркс, они сами являлись частью механизма подъема и таким образом существенно отличались от нынешнего послевоенного кризиса, который относится к эпохе капиталистического упадка и имеет гораздо более глубокие причины, нежели промышленный цикл.

На этой старой основе эксплуатации мира и промышленной монополии британский капитализм мог обеспечивать относительно высокий уровень жизни рабочим Великобритании, главным образом квалифицированному меньшинству

рабочих, примерно таким же способм, как это делает сейчас американский империализм по отношению к своим рабочим, хотя на этот раз период повышения будет значительно короче. В результате этого улучшения жизненных условий появилась политика либерального реформизма или сотрудничества с капитализмом, подобно той, которую мы видим сейчас в Америке. «Отсутствие социализма» в XIX веке считалось такой же специфической национальной характеристикой Великобритании, какой это отсутствие считается в XX веке в отношении Америки.

В настоящий момент всякому ясно, что позиция Великобритании изменилась коренным образом. По всему миру выросли новые капиталистические державы. Начиная с последней четверти XIX столетия, они в возрастающей степени колебали и подрывали британскую монополию и таким образом разрушали базис «прогресса» и реформизма. Маркс и Энгельс предсказывали этот процесс, но самодовольные государственные деятели викторианской эры и не менее самодовольные либерально-рабочие лидеры, шедшие у них на поводу, а впоследствии поверхностные фабианские антимарксисты не были в состоянии разгадать хода истории. Уже в 80-х годах Германия и Соединенные штаты сильно теснили Великобританию в области железной и стальной промышленности и машиностроения; с тех пор выдвинулась на авансцену Япония; Франция развилась после войны в индустриальную страну; Канада, Австралия, Индия, Южная Африка шли вперед быстрым шагом. В результате мы видим рост производительных сил, обостренную конкуренцию и сокращающийся рынок сбыта в основных отраслях промышленности.

Обострение конфликтов между империалистическими государственными трестами стало господствующей чертой первой половины XX столетия. Первым открытым взрывом этих конфликтов явилась первая мировая война 1914—18 гг., в которой британский капитализм пытался дипломатическими и военными средствами раздавить своего главного антагониста, германский капитализм. Но война не смогла разрешить конфликт, она лишь расширила его; она ускорила развитие новых промышленных стран; и в то же время разгром германского капитализма, проведенный с величай-

шей строгостью и силой, все же, как обнаружилось, оказался лишь временным. Германский экспорт, составлявший в 1913 г. 113% британского, понизился в 1922 г. до 42%. Но уже в 1925 г. он достиг 60%; в ненормальных условиях 1926 г. он поднялся уже до 80%, и на него вновь жалуются обеспокоенные британские промышленники и коммерсанты.

Но война была не случайным катастрофическим непредвиденным «источником» нынешнего кризиса, как учат буржуазные экономисты и политики. Сама война была последствием развивающегося кризиса и лишь в громадных размерах увеличила его масштаб и темп.

Во-первых, война ускорила упадок европейского капитализма, и специально британского капитализма, своими разрушениями, дезорганизацией и новыми разделениями, которые она создала, бременем долгов, которые она оставила за собой.

Во-вторых, война ускорила выдвижение новых капиталистических держав за пределами Европы. Продукция промышленности Соединенных штатов с 1914 до 1924 г. возросла с 24 до 43 миллиардов долларов или на 78%, а экспорт увеличился с 2,4 до 4,3 миллиардов или на 87%; австралийская промышленная продукция увеличилась с 1913 г. до 1923 г. с 161 до 348 миллионов фунтов или по номиналу на 116%; канадская за то же время — с 1 393 до 2 781 миллионов долларов или на 99%; южно-африканская с 1915 г. до 1920 г. с 40 до 98 миллионов фунтов, а японская с 1913 г. до 1919 г. возросла с 747 до 2 630 миллионов иен. Все эти возрастания значительно превосходят те поправки в ценности продукции, которые должны быть сделаны для перевода на золотые цены. Во всех упомянутых случаях мы видим рост, превосходящий общий рост мировых цен (около 50%). С другой стороны, за то же время европейская промышленная продукция в золотых ценах уменьшилась; промышленная продукция Великобритании в ценах 1913 г. понизилась на 12 — 20% (исчисления лорда Уэйра для 1921 — 26 гг., дебаты в палате лордов 14 декабря 1926 г.), на 13% по исчислению «Лондон энд Кембридж Экономик Сервис» для 1925 г.; британский же экспорт промышленных изделий, по ценам 1913 г., понизился на 27% (комиссия Бальфура). Все это означает непрерывную транс-

формацию положения Европы вообще и Великобритании в частности.

В-третьих, война и экономическое ослабление Европы усилили классовую борьбу в Европе, открыли путь к победоносной революции в России, побудили колониальные страны к борьбе за независимость и к отказу от роли пассивных источников сырья и рынков. Это повело к дальнейшему ослаблению капиталистической Европы, что в свою очередь вызвало усиление классовой борьбы.

Все эти факты создали длительный экономический кризис европейского капитализма и специально капитализма британского: неспособность использовать производительные силы, безработица; обостренная конкуренция; искусственное ограничение производства; отчаянные попытки модернизировать и удешевить продукцию, затрудняемые тем бременем, которого европейский капитализм не может с себя сбросить (военные долги, репарации, результаты инфляции, национальные перегородки и т. д.); из всего этого следуют повторные атаки на жизненный уровень рабочих, как единственное средство спасти положение. Европейский капитализм исключил из порядка дня даже такие ограниченные степени «прожиточной заработной платы», какие в состоянии обеспечивать более молодые страны, подобно Австралии, и отчасти Соединенные штаты. Таковы неизбежные проявления капитализма в его последних стадиях, и потому перед рабочим классом Европы все ближе и ближе ставится проблема революции. Временная стабилизация капитализма в Европе основана на ухудшении условий жизни рабочих, на удлиненном рабочем дне и усиленной эксплуатации. В пределах капитализма нет других выходов при современных мировых условиях.

§ 3. ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ИЛЛЮЗИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.

В настоящее время принято говорить, что технический прогресс даст средства для разрешения нынешнего кризиса; что новые силы, развязанные прогрессом электрохимии, новые процессы научно-организованного массового производства станут источником нового процветания. Процветание

это потопит все вопросы о размерах заработной платы в волне повышающегося жизненного уровня, который, быть может, даже и превысит быстрый прогресс XIX столетия. Эту точку зрения отстаивают не только капиталисты. Часто ее можно найти и в пропаганде рабочей партии — иной раз в форме «опасения», что такое развитие заменит собою социализм.

Такой взгляд обнаруживает полнейшую неспособность понять характер нынешнего кризиса, как кризиса *капитализма*, а не промышленного кризиса вообще. Нынешний кризис не есть кризис бедности, неспособности производить; это кризис неспособности капиталистов организовать производство при наличии такого роста производительных сил, которому тесно в пределах капиталистического права собственности. Перед нами не *технический*, а *социальный* кризис. Рост производительных сил не только не разрешает, а еще более обостряет проблему, что хорошо известно каждому промышленнику.

Возросшие производительные силы, новейшие технические изобретения, расширенная и концентрированная организация массового производства — все это вызвано и ускорено обострившейся конкуренцией и все это в свою очередь еще более усиливает конкуренцию и кризис.

Современное положение рисуется почти тождественно всеми видными представителями капитализма. Председатель британского министерства торговли заявил в 1925 г.:

> Каждая страна располагает сейчас значительно большими производственными возможностями, чем прежде, но каждая живет в значительно обедневшем мире. (Сэр П. Кенлифф-Листер, выступление в палате общин, 6 июля 1925 г.)

Ему вторит германский канцлер Лютер в своем обращении к ежегодному конгрессу промышленности и торговли в 1926 г.:

> Основной феномен военного и послевоенного периода — это рост производительной способности всего мира, выходящий далеко за пределы спроса. (Рейхсканцлер Лютер, «Таймс», 29/IV — 26 г.)

Параллели этим утверждениям можно найти у любого оратора и в любом журнале по финансовым и промышлен-

ным вопросам. В ноябре 1926 г. немецкий промышленник Феликс Дейч оценивал производственные возможности мира на 40 — 50% выше довоенных; производство, однако, все еще едва только приближалось к довоенному уровню. Этим дана мера мирового капиталистического упадка.

Разумеется в рациональном, организованном экономическом строе (социализм) рост производительных сил приводил бы к росту изобилия, сокращению работы и к увеличению досуга. Но в анархическом строе (капитализме) рост производительных сил ведет к усилению кризиса, к удлинению рабочего времени и понижению жизненного уровня рабочих, чтобы таким образом итти навстречу обостряющейся конкуренции и войне, как единственному «разрешению».

Характерная черта путаницы, господствующей среди реформистов, которых буржуазные экономисты водят за нос: в новейших гигантских успехах техники, сопутствующих современному периоду, они видят возможность «возрождения» капитализма. Так Сноуден говорит о «второй промышленной революции»:

> Я не согласен с утверждениями некоторых наших социалистических друзей, что капиталистическая система очевидно пришла к краху. Я считаю, что мы сейчас переживаем нечто очень подобное той промышленной революции, которая происходила около 120 лет тому назад. Тогда наступил век пара.
>
> Сейчас мы вступаем в новый век электричества и химии. Дальнозоркие капиталисты видят это и пытаются приспособить эксплуатацию этих великих сил к интересам частной прибыли и частной собственности. *Если им удастся сделать это, то капиталистическая система получит новую и очень продолжительную отсрочку.*

Повторяем, такого рода идеи в настоящее время очень распространены среди большинства реформистов. Они вполне основательно считают, что единственную возможность опровергнуть все более подтверждающуюся революционную оценку ситуации дало бы возрождение и усиление капитализма. Но они не замечают, что прогресс техники не только не дает решения, а напротив, обостряет всю про-

блему капитализма и на деле является высшим революционизирующим фактором.

Существуют ли какие-нибудь основания допускать возможность повторения прогресса XIX века, возможность второй промышленной революции, спасающей капитализм? Достаточно самого непродолжительного серьезного рассмотрения реальных факторов, обусловивших промышленную революцию и последовавший за нею прогресс в XIX веке, чтобы увидеть, что этих факторов в настоящее время более не существует. Нынешнее положение коренным образом отличается от положения в эпоху промышленной революции, происходившей 150 лет тому назад.

Промышленная революция происходила на сравнительно ранних ступенях развития капитализма. Капитализм шел вперед в одной стране, окруженной капиталистически неразвитым миром. Индустриализация развивалась в этой единственной стране, которая вследствие этого пользовалась фактической монополией. В течение XIX столетия были налицо обширнейшие пространства для гигантского расширения земледелия и производства сырья; вытеснение старого ремесленного производства во всем мире доставляло, как казалось, неограниченный рынок. История XIX столетия была историей эксплуатации и завоевания всего мира капитализмом. Лишь на более поздних ступенях началось быстрое развитие промышленного капитализма в других странах, почувствовалась ограниченность колониальных источников сырья и рынков сбыта, началась серьезная конкуренция, создались препятствия к быстрому продвижению вперед.

В настоящее время новые процессы и новые формы концентрированного производства приходят в мир, состоящий уже из развитых и резко враждебных друг другу империалистских держав. Они развиваются в полдюжине или дюжине центров и одновременно хотят распространиться по всему миру. Всякое удешевление производства при помощи методов, дающих целые потоки продуктов, обостряет проблему рынков и ведет таким образом к попыткам ограничить производство, государственным ли вмешательством или частными монополистическими соглашениями приводит к закрытию предприятий, к безработице и избытку рабочей силы, к интенсивной сверхурочной работе остающихся в

производстве, в виду обостренной конкуренции. Таким образом всякий прогресс производительных сил в период упадка капитализма дает на время преимущество той или иной стране, идущей в данный момент впереди, но в конечном итоге лишь обостряет существующие антагонизмы и усиливает кризис.

Чем более развиваются новые силы, тем более они взрывают связи и оковы частной собственности. Лишь диктатура пролетариата может организовать растущие производительные силы.

§ 4. УПАДОК БРИТАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА.

Этот усилившийся антагонизм и конкуренция в капиталистическом мире, вследствие которых стало невозможным полное использование современных производительных сил иначе как через единственный путь «разрешения», через войну, сам по себе уже носит черты упадка. Но сильнее всего эти силы давят на британский капитализм. Британская капиталистическая промышленность унаследовала структуру, приспособленную к условиям мировой монополии, которая более не существует; британская промышленность более, чем промышленность какой-либо иной страны, несет на себе бремя исторически накопившихся феодальных рент, устарелых мертвых прав собственности, обязательств перед держателями бон и т. п. Ее оборудование безнадежно отстало от оборудования более молодых соперников; она относительно менее организована; все еще могущественные традиции старой аристократии квалифицированных рабочих препятствуют быстрому изменению методов работы (против этих традиций трудно возражать до тех пор, пока они являются единственной гарантией от снижения уровня жизни); преобладающее влияние интересов мирового финансового центра и имперских интересов, построенных на промышленных прибылях XIX столетия, ныне наносит ущерб интересам туземной промышленности; более того, оно приводит к созданию более доходных промышленных предприятий за границей и в колониях, предприятий, прямо конкурирующих с английской промышленностью.

Вследствие всего этого британский капитализм в новых условиях неизбежно оттесняется с переднего плана. Бри-

танская торговля и промышленность отмечают резкий упадок, в то время как конкуренты продвинулись вперед. Бальфуровская комиссия торговли и промышленности обнаружила, что в 1923 г. (а это наиболее благоприятный год в период депрессии) британский экспорт промышленных товаров достигал 73% экспорта 1913 г.; в том же году французский экспорт промышленных изделий составлял 117% от экспорта 1913 г., экспорт Соединенных штатов достигал 148% по сравнению с 1913 г. Таким образом Англия отодвинулась назад на 27%, в то время как Франция продвинулась вперед на 17% и Америка на 48%. Эти яркие цифры, число которых можно было бы увеличить во много раз, достаточно иллюстрируют процесс.

Экономический кризис британского капитализма тянется непрерывно с зимы 1920 г. до 1927 г. В течение пятилетия 1921 — 1926 гг. продукция по данным лорда Уэйра равнялась приблизительно 80 — 88% довоенной. (Выступление в палате лордов, 14 декабря 1926 г.) Если вспомнить, что население возросло на 10%, что значительно возросли производительные силы, то мы увидим, что фактический упадок, вскрываемый этими цифрами, значительно больше. Если принять средний рост производительных возможностей хотя бы в 20% и взять самую высокую оценку нынешней продукции, то фактическое сокращение британского производства по сравнению с довоенным составит более чем одну треть.

Упадок Великобритании далее отягчается еще тем, что отмеченное здесь снижение продукции распределяется очень неравномерно по отдельным отраслям. Так, второстепенные отрасли промышленности и отрасли, производящие по преимуществу предметы роскоши, расширились (автомобили, искусственный шелк, химические изделия, отели и крупные магазины). В то же время основные отрасли промышленности сильно сжались (уголь, железо, сталь, машиностроение, судостроение, текстиль). В этом проявляется одновременно и изменение условий и все более паразитический и рантьерский характер британского капитализма. Профессиональная перепись 1921 г. при сравнении с переписью 1911 г. обнаруживает ту же картину. В настоящее время бо́льшее количество рабочих, чем до войны, занято в производстве меньшего объема. Это не значит, вопреки

мнению лорда Уэйра и его соратников, что рабочие стали «ленивы»: напротив, известно, что гонка и интенсификация труда в мастерских никогда не были сильнее. (Пью, секретарь конфедерации железоделательной и стальной промышленности, в 1925 г. следующим образом характеризовал эффект восьмичасового рабочего дня: «Количество занятых рабочих на 34% ниже довоенного, выпуск же продукции на одного рабочего повысился на 37%».) *Снижение производства показывает, что производительные рабочие выбрасываются на мостовую, в то время как все большая доля рабочей силы нации используется в непроизводительных паразитических профессиях.* «Личные услуги» составляют в настоящее время 12% всего занятого населения. На каждую тысячу лиц, имеющих занятие, приносящее доход, в Англии и в Уэльсе приходится лишь 489 человек, занятых в «производстве, ремонте и общественных услугах». Менее половины рабочего населения таким образом занято в непосредственном производстве. Среди отдельных профессиональных групп наиболее обширна, — являясь основной «промышленностью» современной Великобритании, — группа «торговля и финансы», в которой занято $2^1/_4$ миллиона. Округляя цифры, можно сказать, что 6 миллионов населения живет валютными операциями, спекуляцией, продажей, рекламой и разветвленной финансовой эксплуатацией мира и империи. Третьей по величине — третьей основной отраслью «промышленности» современной Великобритании — является группа «личные услуги» (услуги кому? Разумеется, не рабочим, которые составляют $^4/_5$ населения). Она насчитывает свыше 2 миллионов работающего населения в одной лишь Англии и Уэльсе, а для всей Великобритании число это поднимается до $2^1/_4$ миллионов, из которых приблизительно $1^1/_2$ миллиона представляют «личные домашние услуги». При всем этом не принимается в расчет непроизводительный груз безработных, охватывающих свыше миллиона лучших рабочих, производительных рабочих промышленности. Эта картина упадка не имеет себе равной во всей истории капитализма, а представляемая ею тенденция неизбежно усиливается в современном капитализме. Таковы плоды развитой ступени империализма для метрополии.

§ 5. ИМПЕРИАЛИЗМ И АНГЛИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Упадок капиталистической Великобритании не означает, что класс капиталистов становится беднее. Несмотря на всю депрессию и на разговоры о «разорении», капиталисты умеют удерживать свое богатство и свои доходы на более высоком уровне, чем когда-либо, что обнаруживается статистикой. Мы уже упоминали, что таблица «Экономиста», дающая балансы промышленных компаний, показывает растущий средний уровень чистой прибыли в течение всего кризиса: 8, 9, 10, 11%. Ценность наследств, облагаемых специальным налогом, является полезным указателем размеров частных имуществ в изучаемый период. И ценность эта непрерывно возрастала следующим образом: 1920/21 г. — 72 млн фунтов стерлингов, 1921/22 г. — 402 млн ф. ст., 1922/23 г. — 431 млн ф. ст., 1923/24 г. — 441 млн ф. ст., 1924/25 г. — 461 млн ф. ст. В виду того, что покупательная сила денег за то же время возросла на 40%, действительный рост богатства капиталистов в период кризиса оказывается еще значительно большим.

Но современный британский капитализм удерживает свое богатство такими средствами, которые основаны преимущественно не на расширении и прогрессе британской промышленности, а являются прямо враждебными интересам британской промышленности и самой возможности жить для масс британского населения. Этот факт лежит в основе обострения классовой борьбы в Англии, которую не могут обойти никакие проповеди, равно как и никакие «планы», оставляющие неприкосновенной капиталистическую собственность и фактическую власть над производством в руках класса капиталистов.

Какими же средствами удерживает британский класс капиталистов свое богатство в период упадка? Из множества средств мы отметим два или три наиболее важных и наиболее характерных для нынешнего периода упадка. Все они, как мы увидим, связаны с имперской позицией Великобритании.

Первое средство — это ограничение производства и вымогательство монопольных цен на основе этого ограничения. Эта возможность была использована повсюду, где ей благо-

приятствовали обстоятельства: будь то господство над тем или другим сырым материалом (каучук и схема Стивенсона являются ярким примером), будь то более высокая степень квалификации рабочих (тонкие ткани и специальные машины), будь то господство над тем или иным рынком (Индия, отчасти также доминионы вследствие системы предпочтительных тарифов, колониальная империя, ряд стран-вассалов). Так, например, «Таймс» пишет:

> Повидимому некоторые отрасли промышленности смогли достигнуть известной прибыли при таком уровне цен и при таком объеме производства, *который не дает возможности целиком занять рабочую силу данной отрасли промышленности.* («Таймс», 23/II — 25 г.)

Факт этот подтверждается данными о ценах. Бальфуровский обзор иностранных рынков сообщает, что в 1923 г. британские экспортные цены были на 90% выше цен 1913 г., в то время как общий уровень мировых цен превышал цены 1913 г. лишь на 55%, цены же на товары британского импорта были лишь на 50% выше. Эта разница между 90% и 50% отражает монополистическую и имперскую позицию Великобритании.

Вторым средством является растущая роль Англии, как финансового, а не промышленного центра мира. Процесс этот связан с экспортом капитала; интересы финансистов отражаются в возврате к золотому стандарту, который был прямо враждебен непосредственным интересам британской промышленности, но благоприятствовал интересам инвестирующей публики, банков, держателей бон и международных финансистов. Мера роста удельного веса финансовых интересов в противовес туземной промышленности дана ростом «невидимого» экспорта (доходы от помещенных за границей капиталов, от финансовых комиссий, фрахтов и других услуг) в отличие от видимого экспорта товаров. Д-р Сноу в докладе королевскому Статистическому обществу в 1926 г. указал следующее: в то время как до войны в 1913 г. 80% импорта оплачивалось экспортом товаров, в 1923 г. эта цифра понизилась до 78%, в 1924 г. до 70% и в 1925 г. до 66%. По этому поводу он замечает:

> Невидимый и видимый экспорт в известной мере конкурируют друг с другом, как источники оплаты импорт

> и в настоящих условиях невидимый экспорт одерживает верх. *Быть может мы бы предпочли, чтобы 12 человек было занято выделкой обуви для экспорта, чем один страховой маклер зарабатывал* 5 000 фунтов комиссии в год на иностранных сделках; но факты показывают, что те, у кого мы покупаем, предпочитают невидимый метод оплаты видимому, и с этим фактом мы должны считаться.

Столкновение между интересами финансово-империалистических кругов современной английской буржуазии и интересами трудящейся массы нации едва ли можно обрисовать яснее.

Третьим растущим источником дохода, тесно связанным с первым, является развитие и расширение промышленного производства за границей и в империи, главным образом на основе труда низко оплачиваемых рабов в Азии и в Африке или в обанкротившихся полуколониальных странах Европы. Но тот же эффект достигается и в новых индустриализирующихся доминионах благодаря их таможенным барьерам. Чистый доход от иностранных инвестиций показывает, по исчислениям министерства торговли, непрерывный рост: 1923 г. — 200 млн ф. ст., 1924 г. — 220 млн ф. ст., 1925 г. — 250 млн ф. ст., 1926 г. — 270 млн ф. ст. Все согласны с тем, что эти цифры преуменьшены: уже в 1925 г. редактор финансового отдела «Таймса» указывал, что действительная цифра, вероятно, превосходит 300 миллионов фунтов стерлингов; а председатель правления Вестминстерского банка из опыта 1926 г. пришел к заключению, что действительная цифра невидимого экспорта «должна быть значительно выше всех сделанных до сих пор оценок».

До войны главная часть вновь инвестируемого капитала непрерывно уходила за границу, в размере около $^{4}/_{5}$. Война и ее ближайшие последствия затормозили этот процесс; но уже в 1921 г. большая часть капитала опять ушла за границу. В 1921 г., согласно обзору «Мидлэнд Банка», из 216 миллионов фунтов нового капитала 116 миллионов пошло за границу; в 1922 г. из 236 млн 136 млн пошло за границу, в 1923 г. из 204 млн 136 млн пошло за границу, в 1924 г. из 223 млн 134 млн пошло за границу. Эмбарго на иностранные и колониальные займы в течение большей

части 1925 г. (в виду восстановления золотого стандарта) понизило сумму вывозимого капитала до 87 млн из 219 млн, но в 1926 г. она возросла до 112 млн из 253 млн.

Действительные размеры английского капитала, заинтересованного в непосредственной эксплуатации чужих стран, значительно больше, чем показывают эти цифры; эти цифры относятся лишь к публично объявленным эмиссиям капитала непосредственно для заграницы; при этом значительное число зарегистрированных в Англии компаний, имеющих управляющий центр в Лондоне, действительные же интересы и сферу операций за границей, оказываются в рубрике туземных предприятий. Значительный свет проливается на этот вопрос анализом «Экономиста» (1 января 1927 г.), который делит новые эмиссии капиталов на следующие группы: а) займы британского правительства; б) займы иностранных и колониальных правительств; в) займы британских колониальных и иностранных общественных учреждений; г) железные дороги; д) рудники, финансы, изыскания и т. д.; е) каучук, нефть, и ж) прочие, обозначаемые как «преимущественно туземные отрасли промышленности». Этот остаток, охватывающий преимущественно туземные отрасли промышленности, показывает 58 миллионов из общей суммы 389 миллионов в 1921 г., 69 млн из 573 млн в 1922 г., 64 млн из 271 млн в 1923 г., 70 млн из 209 млн в 1924 г., 89 млн из 232 млн в 1925 г. и 81 млн из 230 млн в 1926 г. Общий итог для преимущественно туземных отраслей промышленности равен, таким образом, 431 миллиону фунтов из 1 904 миллионов фунтов, или *менее чем 23%*. Второстепенная роль туземной английской промышленности ясно обрисована этими цифрами.

Не менее разительно указание, что рост уровня прибыли все более имеет своим источником производство за границей. И эти прибыли более чем уравновешивают падение прибылей туземной промышленности. Так, например, в условиях кризиса, в четвертом квартале 1926 г., «Экономист» отмечает, что прибыли 440 промышленных компаний возросли на 3,8% по сравнению с предыдущим годом. Однако *рост этот целиком основан на прибылях «некоторых предприятий, как-то: нефть, каучук, чай и нитраты. Судьбы этих компаний не отражают прямо положения британской про*

мышленности». Если же отбросить эти предприятия, то получится фактически падение уровня прибыли на 3,7%. Из общей суммы прибылей в 38 миллионов фунтов 9 миллионов или почти $^1/_4$ получены группой нефть, каучук и чай.

Таким образом британские капиталисты во все большей мере получают свое богатство и доходы чисто паразитическим способом. Здесь не может быть даже речи о номинальном управлении предприятием и производством. Источником прибыли является дань колониальной империи.

§ 6. РАЗРЫВ МЕЖДУ ИНТЕРЕСАМИ БРИТАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА И ИНТЕРЕСАМИ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Подчас пытаются доказать, что этот процесс заграничных инвестиций и финансового участия в промышленном развитии новых стран приносит пользу туземной промышленности, что таким образом обеспечиваются для нее заказы и рынки сырья и сбыта, а это в свою очередь соответствует интересам рабочего класса метрополии. Аргумент этот всегда ошибочен, если иметь в виду длительные интересы рабочего класса в целом, каковы бы ни были временные преимущества, достигаемые на этом пути отдельными его отрядами. Действительным интересам рабочего класса наносят ущерб тяготы империализма, вооружений и войн; далее, интересы рабочих страдают вследствие разделения рабочего класса на прослойки, что неизбежно при империализме. Наиболее же вредно разделение между рабочими метрополии и рабочими колоний, которых используют друг против друга (белых против цветных рабочих и т. д.). Но и с более узкой точки зрения аргумент этот не замечает того, что империализм достиг нового кульминационного пункта в области окончательной *индустриализации* новых областей. А при таких условиях этот близорукий оппортунистический аргумент становится неприменимым.

Близорукая аргументация не замечает следующего: в то время как более ранние ступени империализма, для которых характерно развитие железных дорог и экспорта машин, повидимому, гармонически связаны с судьбами туземной промышленности, более поздняя стадия, до которой мы в настоящее время дошли, стадия непосредственной инду-

стриализации и экспансии новых стран, прямо угнетает промышленность метрополии, оставляя место лишь для второстепенных отраслей промышленности и для паразитического обслуживания собирающего дань класса империалистов. Этот процесс прямым путем ведет к «экономической неизбежности» понижения заработной платы в основных отраслях промышленности, дабы они могли конкурировать.

Небольшое количество примеров поможет уяснить этот процесс. Возьмем в первую очередь текстильную промышленность, а затем машиностроение. Пример из области текстильной промышленности касается Австралии:

> Многие *английские текстильные фабриканты*, предвосхищая будущие возможности и борясь с существующими трудностями, уже *перенесли свою деятельность в Австралию*, поместив капиталы в австралийские компании. Достаточно упомянуть хотя бы следующие имена: Гаунт, Сольтс, Петонс и Болдуин, Кельсолль и Кэмп. Мы видим, что ведущие фирмы английской текстильной промышленности признали этот шаг мудрым.
>
> Довольно большое количество австралийских текстильных компаний регулярно выплачивает дивиденды в размере 10% и более, откладывая в то же время ежегодно значительные суммы в резерв. *Они избегают при этом расходов на фрахты, посредничество и т. п., с чем связана доставка сырого материала в Англию, а также импорт фабрикатов из Англии.*

В 1923/24 г. английский текстильный экспорт в Австралию оценивался в 25 миллионов фунтов или 40% всего британского экспорта в Австралию. Однако теперь английские текстильные фабриканты рассчитывают на бóльшие прибыли, если перенесут производство прямо в Австралию. Но огромные прибыли английских текстильных лордов означают безработицу и медленное разорение для ланкаширских рабочих: текстильные лорды обращаются к этим самым рабочим с предложением нести жертвы в виде сокращенной недели и пониженных ставок, ссылаясь на «плохие дела».

Следует отметить, что заработная плата в Австралии выше, чем в Англии. Перенося производство в Австралию, английские фабриканты выигрывают не на заработной плате, а на сокращении других издержек.

Следующий пример касается страны с низкой заработной платой. Весною 1926 г., в то самое время, когда было отвергнуто требование рабочих машиностроительной промышленности о повышении заработной платы, накануне нападения на горнорабочих, появилось объявление о новой эмиссии в Лондоне: машиностроительные заводы Шкода в Чехо-Словакии выпустили $7^1/_2{}^0/_0$-ные облигации на сумму $2^1/_2$ миллиона фунтов. Выпускная цена составляла 95, и таким образом фактический доход равнялся $8^0/_0$. Основа для такой гигантской эмиссии в момент кризиса машиностроения достаточно ясна, если сравнить уровни заработной платы. Согласно официальным данным Международного бюро труда заработная плата машиностроителей была следующая: для монтеров в Чехо-Словакии 32 шиллинга, в Лондоне 62 шиллинга; для рабочих в Чехо-Словакии 19 шиллингов, в Лондоне 43 шиллинга. Таким образом для патриотических британских рантье создается удобная позиция: они загребают свои $8^0/_0$ прибыли из Чехо-Словакии и в то же время призывают английских рабочих к жертвам ради более высоких «национальных» интересов, предлагают им согласиться на понижение заработной платы перед лицом «неумолимой силы экономических законов».

Нынешнее положение Великобритании живо и многозначительно характеризует Черчилль в своей бюджетной речи накануне всеобщей забастовки. 26 апреля 1926 г. за пять дней до нападения на горняков, на их и без того отчаянно низкий уровень жизни, накануне столкновения всех сил государства и рабочего класса по вопросу о дальнейшем снижении заработной платы канцлер казначейства заявил:

> *Сегодня нация богаче, чем она была год тому назад.* Прибыли, на основе которых в дальнейшем будет исчисляться подоходный налог, показывают рост и притом рост значительный.

Но в то же время в той же самой речи ему пришлось добавить:

> *Основные отрасли промышленности Англии, те отрасли, в которых занято наибольшее количество рабочих, почти все продолжают оставаться в состоянии длительной депрессии.*

Черчилль не обнаружил при этом никаких признаков по-

нимания видимого противоречия между этими двумя утверждениями. Еще того менее указал он на действительную связь между ними, на то, как второе в значительной мере вытекает из первого. Для него, как и для всех буржуазных и немарксистских теоретиков, факты представляются собранием случайных явлений. Поэтому ему легко единым духом высказать и сожаление по поводу «экономической необходимости» понижать заработную плату и радость по поводу растущего богатства «нации», читай — класса капиталистов.

§ 7. МОЖЕТ ЛИ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ МЕЖДУ ОТРАСЛЯМИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РАЗРЕШИТЬ КРИЗИС?

Здесь необходимо рассмотреть теорию, которая часто предлагается как исходный пункт для преодоления экономического кризиса Англии. Согласно этой теории общепризнанный упадок основных отраслей английской промышленности не означает упадка британского капитализма. Перед нами, говорят сторонники этого взгляда, просто неизбежный переход от тяжелой промышленности к более новым отраслям легкой промышленности. По линии развития этих новых отраслей легкой промышленности и следует искать разрешения всей проблемы британского капитализма.

Взгляд этот еще не разделяется большинством английских капиталистов, которые признают, что позиции их основаны на старых экспортных отраслях промышленности, что имперское господство может быть удержано лишь на этой основе и на основе экспорта капитала, что отход от этих позиций неизбежно означает отход на второй план. Но такой взгляд отстаивается и пропагандируется в либеральных кругах (Кейнс, еженедельник «Нэшен», «Манчестер Гардиан», «Дэйли Кроникл»). Он представляет возврат промышленников и финансистов средней руки, страдающих от империализма, к идеалу Малой Англии; и эта либеральная идея часто находит отклик в пропаганде Независимой рабочей партии, которая всегда готова подхватить любую перспективу, дающую возможность не ставить вопроса о капитализме в целом.

На чем основан этот взгляд? Указывают, что за послевоенные годы и особенно в период от 1923 г. до 1926 г.

основные отрасли промышленности переживали упадок, а в то же время второстепенные отрасли, производство высококачественных товаров, новые отрасли, как, например, производство искусственного шелка, автомобилей и химическая промышленость, шли вперед. На этом строится теория перехода Англии от тяжелой промышленности к легкой. Нынешний же кризис теория рассматривает, как болезнь переходного периода. В ноябре 1926 г. министерство труда опубликовало таблицы, в которых указаны отрасли промышленности, увеличившие число занятых рабочих, и отрасли, уменьшившие это число. Первая таблица (отрасли, показывающие увеличение) включают в себя торговлю, строительство, трамваи, автомобили, мелкие металлические изделия, искусственный шелк и т. д., вторая группа (в которой число занятых уменьшилось) включает: уголь, железо, сталь, машиностроение, судостроение, другими словами, тяжелую промышленность. Отмечается, что одновременно с этим процессом происходит перенесение промышленности в новые центры: Север, бассейны Тайна и Клайда загнивают; новые промышленные центры малого масштаба возникают по соседству с Лондоном, на Юге и в Мидлэнде.

Перед нами несомненно очень показательная линия развития. Она ведет вперед процесс империалистического загнивания, обрисованный выше. Создается особый тип империалистической промышленности: не только производство предметов питания и сырья оставляется колониям, к ним переходят вдобавок и все тяжелые отрасли промышленности во все большей мере, а на долю метрополии остается лишь легкая промышленность, производство предметов роскоши и непосредственное обслуживание империалистских паразитов. Перед населением Англии открывается таким образом мало привлекательное будущее; успех всей этой системы, очевидно, зависит от сохранения империалистского господства в целом. Он зависит от молчаливого согласия колоний терпеть свою низшую позицию и привилегии метрополии. Как только колонии восстанут против паразитизма имперского центра, вся система рухнет. Итак, в предлагаемой системе нельзя видеть прочного разрешения британской экономической проблемы на долгий срок.

Но не представляет ли эта система хотя бы временного

разрешения? Короткое рассмотрение реальных фактов покажет, что и временного решения эта система не дает.

Новые отрасли промышленности и легкая промышленность, даже при самых благоприятных условиях развития, не могут занять более, чем ничтожную долю населения, которое до сих пор находило свой заработок в тяжелой промышленности. Вся промышленность искусственного шелка вместе с промышленностью натурального шелка в июле 1926 г. давала работу 51 220 лицам, что составляет рост на 1 420 против 1923 г. Снабжение электрической энергией и т. п. занимало 87 910 человек. Даже в производстве автомобилей и аэропланов, на которые часто ссылаются, было занято менее чем $^1/_4$ миллиона человек (224 040). По сравнению с 1923 г. мы видим рост занятой рабочей силы на 31 340 человек. Этого прироста недостаточно даже для поглощения естественного прироста населения. Естественный прирост населения в настоящее время составляет около $^1/_4$ миллиона человек в год. Весь прирост рабочих, занятых во всех развертывающихся отраслях промышленности, за три года, с 1923 г. по 1926 г., составил лишь 643 090. Таким образом мы видим отставание прироста рабочей силы от роста населения, а на противодействие уменьшению числа рабочих в основных отраслях промышленности здесь нет даже и намека.

Наш вывод подтверждается также тем фактом, что в новые отрасли промышленности вливаются новые рабочие, а не рабочие, переходящие из других отраслей. Так, «Экономист» пишет:

> Что можно сказать о так называемом переходе от старых отраслей промышленности к новым? Статистика возрастного состава рабочих показывает, что новые отрасли промышленности используют скорее новых пришлых рабочих, нежели эмигрантов из других отраслей. («Экономист», 26/II — 26 г.)

Комиссия Бальфура также подвергла разбору вопрос о компенсации потерь в области производства более грубых изделий развитием производства высококачественных товаров. И комиссия пришла к выводу, что компенсация эта не в состоянии разрешить проблему:

> Новая промышленность, возникающая в молодых стра-

нах, вообще говоря, занята производством более простых товаров. В результате международная торговля не только ограничивается в объеме, но все более и более вынуждена ограничиваться кругом высококачественных товаров... *Мало вероятно, чтобы вышеупомянутая компенсация сама по себе могла бы уравновесить сокращение требований мирового рынка на простые сорта товаров.*

Все эти соображения показывают, что британское население в нынешний период должно находить себе заработок на прежней базе тяжелой промышленности или оставаться вовсе без заработка. И если необходимая организация старых отраслей промышленности, равно как социальное приспособление путем постепенного перехода к новым формам промышленности, не могут быть проведены при капитализме (а капитализм уже обнаружил свою неспособность в этом отношении), то реорганизация эта будет проведена под властью пролетариата. Либеральное мелкобуржуазное разрешение кризиса при помощи перехода к новым легким отраслям промышленности при капитализме основывается на молчаливой предпосылке сохранения империалистского базиса. Оно неосуществимо, поскольку оно игнорирует необходимое условие для сохранения империалистского базиса, именно сохранение экспорта капитала на основе тяжелых экспортных отраслей промышленности. Но если бы оно и было осуществимо, оно означало бы уменьшение работающего населения наполовину и голодную смерть для другой половины. Эмиграция в крупном масштабе оказалась невозможной для капитализма, так как она означает либо необходимость добавочных вложений капитала, либо вливание безработных без соответствующего вывоза капитала в такие страны, которые сами уже знают проблему безработицы.

Руководящие круги британского капитализма вполне ясно оценивают положение. Они вполне сознают, что экономическое положение Англии может быть восстановлено на основе экспортных отраслей промышленности или не будет восстановлено вовсе. Они знают, что вся имперская система зависит от постоянного притока новых капиталов для экспорта; если же этот источник, в конечном счете зависящий от основных отраслей туземной промышленности, иссякнет, то рухнет и вся система.

Но как раз в притоке нового капитала для экспорта наиболее ясно обнаруживаются слабости и вместе с тем опасность утраты мирового господства и господства над империей. Уже эмбарго на иностранные займы в течение большей части 1925 г. открыло путь серьезному финансовому проникновению Уолл Стрита в империю. По исчислениям министерства торговли, чистый остаток для новых заграничных инвестиций непрерывно уменьшался в течение шести лет, с 1920 г. по 1926 г.

1920 г.	252
1922 »	154
1923 »	153
1924 »	86
1925 »	54
1926 » минус	12

.Если этот отрицательный баланс для 1926 г. соответствует действительности, то это означает, что процесс понижения суммы капиталов за границей и в империи, равно как и в туземной промышленности, начался в этом году. В этом гвоздь всего положения современного британского капитализма. Капиталисты надеются сейчас изменить и улучшить это положение при помощи снижения жизненного уровня рабочих, при помощи атаки, уже предпринятой и проведенной в борьбе 1926 г. и еще предстоящей впереди.

Сохранение финансовой позиции Англии в империи и в мире зависит от обильного источника капитала для экспорта, особенно в виду обилия и роста экспорта капиталов из Соединенных штатов, который с каждым годом пробивает бреши в имперских и мировых позициях Англии. Но образование новых капиталов для экспорта в свою очередь зависит от того, удастся ли поставить английскую промышленность на доходный, «экономический», базис. Поэтому политика современного империалистского правительства Англии, например, правительства Болдуина, ставит себе две задачи: во-первых, удерживать имперскую позицию перед лицом растущих центробежных сил; и во-вторых, поставить английскую промышленность на экономический базис, а это значит ухудшать условия труда.

Таким образом центральный вопрос современного британ-

ского капитализма отнюдь не заключается в переходе от тяжелой промышленности к легкой.

Центральная проблема современного британского капитализма, вокруг которой вращается вся его внутренняя политика, — это приведение экспортных отраслей промышленности к уровню доходности, к уровню конкурентной способности на мировых рынках.

§ 8. БАНКРОТСТВО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ В АНГЛИИ.

Но каким образом можно вывести основные отрасли английской промышленности из нынешней депрессии и поставить их на уровень большей доходности?

Капитализм знает лишь один метод, и метод этот провозглашается всеми ораторами и всей прессой капиталистов: понижать заработную плату, удлинять рабочее время, увеличивать объем производства, короче говоря, усиливать эксплуатацию рабочих. Нужды нет, что процесс этот в конечном итоге может лишь обострить мировой кризис капитализма. Ближайшим образом он приносит английским капиталистам непосредственное увеличение прибылей.

Капиталисты не могут устранить те изъяны, которые в действительности тянут английскую промышленность книзу, так как изъяны эти неразрывно связаны с существующей капиталистической организацией промышленности, как она создалась в Англии.

И прежде всего капиталисты не в состоянии провести ту широкую реорганизацию, которая по общему признанию необходима. Все признают, что необходимо объединение внутри каждой отрасли промышленности, модернизация техники и перераспределение между отраслями в виду изменившихся условий. Все эти требования перерастают относительно устаревшую структуру британского капитализма, для которой характерны дезорганизованность и путаница, унаследованные от эры индивидуализма. В результате британский капитализм в организационном и техническом отношении, как показали бесчисленные правительственные комиссии, отстает от современных капиталистических стран. (В новой электрической эре Англия стоит на седьмом месте.)

Во Франции, Германии, Соединенных штатах и других странах за послевоенные годы была проведена широкая техническая реорганизация. Относительно Германии и Соединенных штатов факты общеизвестны. Что касается Франции, то мы сошлемся на одно из последних правительственных сообщений, сравнивающее 1911 г. с 1925 г.:

> Снабжение энергией из тепловых и гидравлических источников возросло втрое; добыча угля увеличилась на 25% и продолжает возрастать. Доменные и коксовальные печи обновлены и численно увеличены, первые на 25%, а вторые на 45%. Полная перестройка разрушенных областей привела к полной реконструкции или по меньшей мере к переоборудованию большинства предприятий льняной, шерстяной, хлопчатобумажной, машиностроительной, стекольной и других отраслей промышленности в самом крупном из трех промышленных районов Франции. (Далее указывается, что экспорт промышленных изделий возрос на 83% с 1913 г. до 1925 г.)

Почему техническая реорганизация могла быть проведена во Франции, Германии, Соединенных штатах и других странах, а не в Англии? Ответ мы найдем в истории более старого британского капитализма. Приоритет, когда-то представлявший преимущество, ныне является помехой. Более молодые капиталистические страны смогли взять позднее более быстрый темп развития, опираясь на более современную технику и относительно более плановую организацию. Новые колонии за пределами Европы были свободны от феодальных пережитков. Во Франции и в Германии полуреволюционные последствия войны и инфляции расчистили почву для реконструкции. Британский капитализм, напротив, связан создавшейся в течение столетий сетью индивидуальных групповых прав и интересов. В ранние годы свои капитализм столкнул бы эти препятствия со своего пути, подобно тому как права земельных собственников были сметены появлением железных дорог. Ныне британский капитализм слишком ослаблен для такой твердой линии; буржуазия уже не является восходящим классом, ей угрожает победное пришествие пролетариата; политическое положение в целом слишком деликатно для того, чтобы подвергать опасности социальную структуру, и всякий слой, поддерживающий

существующий порядок, как бы реакционен и паразитичен этот слой ни был, должен быть сохранен.

Отсюда банкротство всех планов капиталистической реорганизации в Англии. Крах всех планов послевоенной реконструкции, отказ от государственного контроля, отклонение широковещательных планов Ллойд Джорджа о перестройке промышленности, — все это означает решительный переход британского капитализма на ступень чисто реакционной упадочной силы, которая борется исключительно за свои паразитические права собственности и символизируется эрой Болдуина.

Процесс этот яснее всего выражен в судьбах угольной промышленности со времени войны. Тот же процесс виден в робких объединениях железнодорожных компаний, в известной слабости электрического закона и т. д.

Для всех, кто имеет глаза, чтобы видеть, история уже объявила с полной очевидностью, что только диктатура рабочего класса может реорганизовать английскую промышленность.

Но если капиталистические хозяева неспособны сейчас провести необходимую реорганизацию промышленности, то они еще менее способны сбросить хотя бы часть мертвого груза паразитических прав, которые тянут английскую промышленность книзу и создают ей препятствия на мировой арене. Ни в одной другой стране нет ничего подобного этому мертвому грузу.

Даже устаревшие феодальные доходы, ренты, сервитуты и т. п., которые, строго говоря, не несут никакой функции в капиталистическом обществе (как сказал в свое время Маркс, чисто капиталистическое общество национализировало бы землю), — даже вся эта ветошь ревниво охраняется, чтобы не подвергнуть опасности всю постройку. Таким образом, какой-нибудь герцог Нортумберлэндский, представитель этих устаревших паразитических докапиталистических вымогательств, ведет за собою современные консервативные легионы. В одном из недавних обследований Пью установил, что в каждом фунте цены на сталь содержится 10 шиллингов разного рода феодальных рент. Это не мешает, конечно, всей капиталистической прессе в один голос заявлять, что

в слабости британской тяжелой промышленности на мировом рынке повинна высокая заработная плата.

То же самое можно сказать об инфляции капиталов, о бумажных ценностях, представляющих финансовую спекуляцию, о разводненных акциях, выпущенных в период промышленной горячки, о закладных, о задолженности банкам и обо всем грузе непроизводительных долгов. Согласно заявлению сэра Джона Хёнтера, директора сталелитейной промышленности во время войны, железоделательная и стальная промышленность в настоящее время «обременены такою задолженностью, о которой без всяких преувеличений можно сказать, что она, пожалуй, вдвое превосходит фактическую ценность представленных ею активов». («Таймс», 28/X — 26 г.) Инфляция текстильного капитала, вследствие продаж акций и новой капитализации в период подъема, хорошо известна; указывают, что чуть ли не половина всего оборудования прядильной части хлопчатобумажной промышленности перешла из рук в руки по цене, в 6 или в 7 раз превосходящей первоначальную оценку; и этот новый капитал выжимает дивиденды из рабочих, наталкиваясь в настоящее время на возросшую конкуренцию за границей.

Но самым тяжелым бременем промышленности является военный долг, достигающий около 8 миллиардов фунтов. На 95% он размещен среди богатых слоев населения и составляет социальное бремя в размере 350 миллионов в год, или, по грубому расчету, около 20 фунтов на каждого рабочего. [1]

---

[1] Так называемые «рабочие» апологеты капитала и экономисты подчас утверждают, что военный долг не является бременем для рабочих, так как проценты по этому долгу почти целиком оплачиваются доходом от подоходного налога и налога на сверхприбыль. Таким образом, заявляют они, мы имеем дело с «чисто бухгалтерской операцией», которая представляет переход денег из одного богатого кармана в другой. Это детский самообман. Во-первых, подоходный налог был значительно расширен, как вследствие понижения необлагаемого дохода, так и вследствие уменьшения ценности денег. Подоходный налог охватывает сейчас доходы в 3 фунта в неделю (что равно 35 довоенным шиллингам) и платится значительной частью мелкой буржуазии, низкооплачиваемыми служащими и частью промышленных рабочих, которые не входят в состав получателей процентов по военному долгу. Во-вторых, тот доход, который прежде получался от подоходного налога и налога на сверхприбыль, т. е. от прямого обложения богатых, в настоящее время возвращается богатым же в форме

Наконец, британский капитализм не только не в состоянии сбросить с промышленности мертвый груз, но, напротив, он вынужден даже увеличивать его, вследствие политики возврата к золотому стандарту. Возврат к золотому стандарту вынужден международными интересами английского финансового капитала, необходимостью сохранить международную ценность фунта в борьбе с Соединенными штатами и с наступающим долларом. Но этот возврат автоматически увеличивает мертвый груз, создаваемый фиксированными в номинале доходами.

В то время как более молодые капиталистические страны относительно менее обременены в этом отношении, в то время как континентальные капиталистические страны, как Франция и Германия, в значительной мере устранили это бремя при помощи процесса инфляции (доходившего до экспроприации держателей капиталов с фиксированным доходом), британский капитализм был вынужден увеличить и без того тяжелое бремя долгов вследствие проведения той политики, которая была необходима для господствующих финансовых интересов, политики дефляции и возврата к золотому стандарту. Указанное противоречие ярко отражает дилемму британского капитализма.

Для британского капитализма открывается лишь один путь восстановления промышленности на доходном базисе, и путь этот заключается в понижении жизненного уровня рабочих.

§ 9. ОТВЕТ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Каковы практические выводы, которые рабочий класс должен сделать из предшествовавшего анализа экономического положения современной Англии?

процентов по займам. И, следовательно, должны быть изысканы другие источники доходов: увеличение косвенного обложения, падающего на рабочих, и сокращение социальных расходов на здравоохранение и образование. В-третьих, всем хорошо известно, что возросшие прибыли и дивиденды промышленности более чем покрывают рост обложения. Таким образом, после уплаты налогов доходы богатых все еще остаются выше прежнего уровня, и вдобавок они еще получают в полном объеме проценты по займам. Поэтому проценты по займам фактически являются дополнительным бременем для рабочих, эти проценты извлекаются из них усиленной эксплуатацией.

Британский капитализм достиг в настоящее время той ступени, когда он не в состоянии платить прожиточную заработную плату рабочему классу в целом. Напротив, он вынужден вести наступление на уже недостаточные ставки заработной платы, даже ценою риска революционизировать этим рабочих.

При таком положении возможны только две линии политики.

Первая — примириться со снижением заработной платы, как с «экономической необходимостью» существующего капиталистического строя.

Второй путь — *сопротивляться понижению и добиваться повышения заработной платы за счет капиталистического права собственности; на этом пути борьба перерастает в необходимость вырвать промышленность из рук класса капиталистов путем завоевания власти.*

Первая линия — это линия реформистского руководства, исполкома Рабочей партии, Генерального совета и Независимой рабочей партии.

Эта политика фактически не имеет никакого оправдания. Нет вовсе никакой «экономической необходимости» в понижении заработной платы. Есть только капиталистическая необходимость. Не существует естественной причины бедности, неспособности производить, которые делали бы необходимыми жертвы со стороны рабочих. Единственной причиной является неспособность капиталистов организовать производство. А против этого как раз и должно бороться рабочее движение. Эта политика согласия на понижение заработной платы во имя интересов капиталистов не знает в пределах капиталистического строя конца и ведет лишь к новым атакам и к новым поражениям.

Поэтому только вторая линия политики приемлема для рабочего движения в период капиталистического упадка.

В чем заключается эта политика? В ней можно различать три этапа, хотя они и не должны быть непременно разделены во времени.

Первый этап — это *оборона*. Рабочее движение должно объединить все свои силы вокруг лозунга «Долой снижение заработной платы» и «Долой удлинение рабочего времени», невзирая на разговоры капиталистов об «экономической

необходимости», о «способности промышленности платить» и считаясь лишь с тем, «что может платить класс капиталистов в целом». Эта политика восторжествовала в «Красную пятницу»; эта политика была предана Генеральным советом и реформистским руководством в мае 1926 г., и результатом этого предательства явилась катастрофа. Урок этих событий заключается в том, что единый фронт рабочего класса должен быть создан заново, вопреки реформистским вождям и их саботажу, и под новым, более сильным руководством. Работа в этом направлении является первоочередной задачей.

Второй этап — это *наступление*. Как только единый рабочий фронт будет достигнут, нельзя будет ограничиваться обороной, предоставляя капиталистам инициативу и выбор удобного для них момента нападения. Необходимо выдвинуть положительные требования, бороться за отвоевание утерянных позиций, бороться за повсеместное повышение заработков, за более короткое рабочее время в целях рассасывания безработицы, за поголовное участие рабочих в профессиональных союзах, за право контроля внутри предприятия и так далее. И опять-таки бороться необходимо, невзирая на капиталистические «необходимости», прямо вторгаясь в права капиталистической собственности. В этом единственная возможная основа борьбы в настоящий период упадка капитализма.

Третья ступень — это *борьба за власть*. Как показали уже события мая 1926 г., этот этап неизбежно развивается рано или поздно из первых двух. Все преимущества, которые рабочие могут завоевать для отдельных групп, при помощи классовой солидарности и силы, оказываются частичными и временными в период упадка капитализма до тех пор, пока у капиталистов остается власть над производством. Эти достижения не могут разрешить экономический кризис. Нет окончательного разрешения, кроме власти рабочего класса над промышленностью. Сопротивляясь требованиям так называемой «необходимости» капиталистического производства, выставляя требования, не совместимые с нормальным процессом капиталистического производства, рабочие тем самым объявляют, что они готовы принять на себя ответственность за организацию производства. И они

должны быть подготовлены к этому во всякий момент, когда представится возможность. Такова господствующая конечная цель всей борьбы. Чтобы достигнуть ее, рабочим нужно рабочее правительство, основанное на рабочих организациях и способное сделать свою волю обязательной для капиталистов.

На первых двух этапах борьбы лозунг «прожиточной заработной платы» выражает непосредственную цель борьбы рабочих. На последнем этапе борьба выходит за пределы прожиточной заработной платы и становится на деле борьбою за социализм, т. е. за такую организацию общества, при которой уничтожается вся система заработной платы, нанимателей и наемных рабочих, разделение на классы, продажа рабочей силы и вводится общественное организованное производство и общественное удовлетворение нужд всего населения.

Прожиточная заработная плата является, таким образом, непосредственной целью в повседневной борьбе с капитализмом. Она не есть конечная цель. Единственная конечная цель — это социализм, который означает разрушение капиталистических отношений и свержение власти класса капиталистов. Прожиточная заработная плата является лишь временной целью и средством мобилизации для борьбы за конечную цель.

III.

ПОЛИТИКА ПРОЖИТОЧНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ПРОГРАММЕ НЕЗАВИСИМОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Современное положение Великобритании, описанное в предыдущей главе, поднимает критические вопросы тактики рабочего движения.

Старая реформистская тактика, основанная на условиях XIX века, приспособленная к периоду восходящего капитализма и стремившаяся завоевывать уступки для отдельных отрядов рабочих путем сотрудничества с капиталистами, сейчас очевидно для всех обанкротилась. Капитализм не только не готов итти на новые уступки, он отнимает те, которые уже были даны. Реформизм же, благодаря своей тактике сотрудничества с капитализмом, неспособен встретить новое концентрированное наступление лицом к лицу.

По этой причине, как мы уже указывали, перед рабочим классом открываются только две тактические линии.

Одна — сводится к капитуляции и к принятию худших условий труда в интересах капитала. Такова современная линия реформизма.

Другая — требует перехода к новым формам и методам борьбы, соответствующим новым условиям. Она требует массового единства для обороны и наступления. Она требует ясного понимания неизбежного революционного столкновения между капиталом и рабочим классом. Эта линия исходит из революционной классовой борьбы и должна привести к завоеванию власти и к реорганизации всего общества. Это — линия коммунизма.

Условия современного капиталистического общества, в котором даже вопросы заработной платы приобрели революционное значение, все более резко требуют выбора между этими двумя путями, между реформистским капитулянтством и революционной классовой борьбой, между реформизмом и коммунизмом.

§ 1. БАНКРОТСТВО РЕФОРМИСТСКОГО РУКОВОДСТВА.

Спор о всеобщей забастовке, борьбе горняков и роли Генсовета ярко выявил позицию реформистских вождей.

Сущность этой позиции сводится к тому, что *реформистское руководство отстаивает сейчас снижение заработной платы и принятие худших условий труда.*

Вся самозащита Генсовета и его сторонников сводится к тому, что углекопы должны были принять снижение заработной платы. Доклад комиссии Сэмюэля, который официально навязывался горнякам, меморандум Сэмюэля, который был принят, как подходящая основа для прекращения всеобщей забастовки, содержали откровенное требование сокращения заработной платы. Такова была официальная политика Генерального совета, Исполкома Рабочей партии и всего реформистского руководства.

Тактика углекопов, сопротивлявшихся снижению зарплаты, осуждена в отчете Генсовета как «чисто отрицательная тактика». Даже до всеобщей забастовки видные лидеры в роде Макдональда требовали «временных жертв» во славу реорганизации капитализма. В своей речи в Порте 22 мая Кук заявил:

> Мне приходилось не раз подвергаться запугиваниям в управлении угольных предприятий. В 1920 и 1921 гг. мне пришлось вести переговоры с правительством. Но мы никогда не подвергались такому грубому давлению со стороны предпринимателей или правительства, какому мы подверглись со стороны некоторых вождей профсоюзов, требовавших, чтобы мы приняли сокращение зарплаты. *(Возглас:* Позор!*)*

Эта тактика реформистского руководства прямо противоречила тактике рабочего класса в целом. В «Красную пятницу» 1925 г., когда было объявлено, что углекопы будут сопротивляться всякому снижению зарплаты, весь рабочий класс поддержал их. На конгрессе в Скарборо в 1925 г. председатель требовал не только объединенного сопротивления попыткам снижения зарплаты, но даже борьбы за увеличение ее. 26 февраля и 14 апреля 1926 г. тактика сопротивления всякому снижению зарплаты была вновь подтверждена в публичных обязательствах. Конференция 1 мая, постано-

вившая объявить всеобщую забастовку, не только не отвергла этих деклараций, но всецело одобрила их. Таким образом, рабочий класс вступил во всеобщую забастовку с признанной целью бороться против всякого снижения зарплаты. Политика снижения зарплаты была закулисной политикой реформистских вождей (вот почему капитуляция 12 мая была не только спорным политическим или тактическим шагом, но прямым и открытым предательством рабочего класса).

Этот эпизод, обнаруживающий в такой резкой форме растущее расхождение между реформистским руководством и рабочим классом, не является отдельным эпизодом, но характеризует весь настоящий период. Наиболее дальновидные реформистские вожди признают и открыто заявляют, что судьба углекопов должна постигнуть рабочих всех отраслей промышленности. Единственной приемлемой тактикой для настоящего периода они считают тактику капитуляции и принятия худших условий труда в надежде на реорганизацию и конечное возрождение капитализма. Так, например, Макдональд писал в «Социалист Ревью» («Социалистическое Обозрение») в ноябре 1926 г., когда борьба углекопов достигла критической точки:

> Какой смысл быть слепым по отношению к очевидным фактам? Разве мы должны подобно Самсону сокрушать столпы? Разве мы не должны обращать внимания на новые комбинации капитала? Капиталисты настолько мудры, что они смотрят вперед и видят, что Самсон может потрясать столпы, но всякий камень, который выпадет из здания, падет прежде всего на его собственную голову. *Балкон с филистимлянами не упадет. А если бы он все же упал? Его поднимут, его отстроят вновь; рабочие станут слабее, чем когда-либо, и условия их жизни станут хуже.*

Это пораженчество в борьбе рабочего класса также выражено в более раннем утверждении того же писателя. Говоря о борьбе углекопов, он заявил, что «борьба вырождается в слепую драку» и что необходимо «временно отступить с целью спасти что-нибудь для нового наступления»:

> Пришло время оценить все национальное положение, включая не только угольную, *но и все остальные отрасли промышленности*. Победа, которая не приводит к про-

цветанию, есть поражение. Поражение, которое содержит возможность процветания, есть победа.

Здесь законченная философия капитулянтства для настоящего периода. Капитализм не может быть свергнут. Если бы его можно было свергнуть, он был бы вновь отстроен. Что бы ни случилось, рабочие станут слабее. Возникли «новые комбинации капитала», и они сильнее рабочих. У них есть «мудрость», они смотрят вперед не так, как слепые Самсоны-рабочие. Поэтому рабочие должны подчиниться. Рабочие должны согласиться на более низкую заработную плату, хотя прибыли класса капиталистов в целом выше, чем когда бы то ни было. Они должны принять более низкую зарплату в надежде на будущее «процветание», т. е. на экспансию капитализма. Вот и все, на что рабочие должны надеяться, по мнению вождя Рабочей партии в 1926 г.

Это — декларация банкротства реформистского руководства.

Такое банкротство реформистского руководства чрезвычайно существенная черта современного периода. Было время, когда реформисты заявляли, что они отстаивают положительные достижения: зарплату, хлеб и масло, против сумасбродных планов и мечтаний, теорий и доктрин революционеров. Это время прошло. Сейчас на знамени реформизма написано снижение зарплаты. Борьба за зарплату, за хлеб и масло объявляется ими чисто «отрицательной», чистой «теорией», доктринерством, «голым лозунгом». Именно революционеры руководят борьбой за зарплату, указывая в то же время путь вперед к последнему бою. Эта перемена указывает смену эпох, и руководство рабочего движения должно также неизбежно измениться.

Крах реформистской политики и реформистского руководства неизбежен в настоящий период. В период упадка капитализма реформистское руководство и реформистская партия уже не имеют никакой почвы. *Они могут поддерживать свое существование, лишь действуя все более и более открыто в качестве агента-провокатора на службе капиталистов,* помогая им подавлять рабочих и стабилизовать капитализм на спине рабочего класса, т. е. выполняя поручения капитализма периода упадка. (Такова роль II Интер-

национала со времени войны.) Отсюда растущее расхождение между рабочим классом, который в силу обстоятельств уходит все более влево, и реформистским руководством, которое под влиянием тех же общественных условий движется все более вправо. Отсюда и возмущение левого крыла, и механическая дисциплина, и репрессии, и отколы и исключения, производящиеся правыми вождями в качестве единственного способа сохранить свое положение.

Первые стадии этого процесса обнаружились при крахе некогда могущественной либеральной партии (второе десятилетие XX века). Либеральная партия некогда вела за собой рабочие массы (в годы прогресса XIX в.). Даже в начале XX века она смогла сохранить свое влияние вопреки возникновению независимой политики рабочего класса, проводя активную программу социальных реформ в сотрудничестве с рабочими вождями. Эта тактика либерально-рабочей коалиции и социальных реформ резко оборвалась в 1914 г., доказав правильность учения Маркса о решающих факторах капиталистического развития и опровергнув фабианскую либерально-рабочую теорию непрерывного «прогресса». Либеральная партия, партия классового сотрудничества, разбилась о скалу империализма и не выдержала противоречий капиталистического развития. Либерализм в Англии со времени войны, а на континенте и с еще более раннего времени, почти всецело заменен партиями, опирающимися на независимое рабочее движение.

Сейчас мы видим вторую ступень этого процесса в отношении реформистского руководства, которое сменило либеральную партию и пытается продолжать либеральную политику, опираясь на рабочее движение. Это руководство представлено Макдональдом, Сноуденом и Томасом в Англии и современной социал-демократией за границей. На этой ступени процесс идет еще быстрее, именно потому, что реформистские вожди вынуждены опираться на рабочее движение. Вследствие этого всякое усиление классовой борьбы приводит их в оппозицию к их собственным последователям и ослабляет их положение.

Уже война ярко обнаружила, что они являются слугами капитализма. После войны, когда капитализм поколебался и завоевание власти рабочим классом было возможно по

всей Европе, реформистские социалисты спасли капитализм, соединившись с капиталистами и белогвардейцами, чтобы задушить рабочие восстания, и проповедуя реконструкцию капитализма, как необходимую задачу. В Великобритании они доказывали, что путь к процветанию открыт, если рабочие будут «больше производить». В результате этой политики реакция победила в Западной и Центральной Европе. В Англии результат тактики: «производи больше» при капитализме свелся к перепроизводству и безработице. Этот путь привел не к процветанию, а к кризису.

Экономический кризис вызвал растущее недовольство рабочих, отразившееся в гигантском росте числа голосов, поданных за Рабочую партию. Этот процесс достиг такой высокой точки уже к концу 1923 г., что он заставил буржуазию согласиться на образование первого «рабочего правительства» с Макдональдом во главе, чтобы предотвратить большие опасности в будущем. (В действительности это было коалиционное правительство.) Реформисты в «рабочем правительстве», благодаря своей тактике сотрудничества с капиталистами, неспособны были действовать в интересах рабочих и бороться с кризисом. Они могли быть лишь орудием в руках финансистов, проводя такие меры, как план Дауэса, порабощающий германских рабочих, подготовка возврата к золотому стандарту в Англии и репрессии по отношению к Индии.

Поэтому опыт макдональдовского рабочего правительства не только не уменьшил недовольства рабочих, а, напротив усилил его, вызвал новое разочарование и обострил классовую борьбу. Развилось массовое движение влево, ищущее новых орудий борьбы. Рабочий класс, очутившись перед лицом наступления капитала и репрессий консервативного правительства, достиг нового подъема борьбы во всеобщей забастовке и забастовке углекопов в 1926 г.

С тех пор закон о профсоюзах, война с Китаем и наступление на Советский союз вновь обнаружили беспомощное подчинение реформистских вождей капиталистам и фактическое сотрудничество их с правительством Болдуина. Рабочие все более убеждаются на опыте, что в настоящий период упадка капитализма реформистская тактика может привести лишь к предательству борьбы пролетариата.

Банкротство реформистского руководства, открытое и всеми признанное банкротство, необходимость найти что-нибудь на смену макдональдизму — вот обычная предпосылка всех «новых» тактик последнего времени.

§ 2. НОВЫЕ МАСКИ РЕФОРМИЗМА.

Реформистское руководство видит, что возмущенные массы покидают его, что ему грозит опасность потерять над ними всякую власть. Вследствие этого реформистское руководство пытается примениться к изменившемуся положению, выбрасывая «новые» тактические лозунги и даже выделяя «новых» вождей так называемой «левой» окраски. Они попрежнему оставляют фактическое руководство в руках правых реформистских вождей. Их роль сводится к тому, чтобы запутать и извратить новые революционные тенденции масс.

Так возникает *центризм*. Центристы появляются на авансцене в периоды революционного развития масс: в 1919—1921 гг., а за последнее время в 1925/26 г. после падения макдональдовского рабочего правительства. Они признают, что реформизм («постепеновщина» или «макдональдизм») окончательно дискредитирован. Но они не желают видеть, что единственный другой путь — коммунизм или революционная классовая борьба. Они все еще принадлежат душой и телом, социальными и политическими взглядами к старой бюрократической машине, они могут работать лишь в рамках капитализма. Они боятся резкого раскола или борьбы против руководящего правого крыла. Но в то же время они не хотят терять связи с новыми тенденциями рабочих. Поэтому они со всей энергией пытаются создать некий чудесный «третий путь», который будет ни коммунизмом, ни макдональдизмом, который будет обещать все и практически не обяжет их ни к чему. [1] Их повседневная тактика остается

---

[1] Наиболее ярким выражением этой путаницы является мэкстонизм. Вот как председатель Независимой рабочей партии выражает свои политические взгляды в противовес и макдональдизму и коммунизму:

«Независимая рабочая партия считает, что ни одна из этих теорий не является истиной. Перед рабочим классом стоит третья возможность.

Этот третий путь состоит в том, чтоб завоевать политическую власть при помощи обычной политической машины, приобрести инду-

той же самой, но они на словах пытаются делать уступки новым революционным силам. Они знают, что бесполезно выступать со старыми обещаниями реформ. Поэтому они пытаются найти какую-то третью «новую» тактику.

Отсюда возникает куча «новых» тактик и «новых» формул, которые в действительности являются весьма слабым отражением революционного развития масс.

Эти тактики имеют ту общую черту, что они пытаются найти способ быстро изменить существующие условия путем той или иной специфической реформы, но без необходимости поднимать вопрос о власти.

Одни предлагают денежные реформы и контроль над кредитом. Они утверждают, что можно отделить капиталистический контроль над кредитом от монополии капиталистов на средства производства. Поэтому они считают, что парламентская реформа в отношении кредита может направить производство на общественные нужды, не поднимая вопроса о завоевании власти рабочим классом и об экспроприации капиталистов.

Другие предлагают определить законодательным путем минимальную заработную плату, ввести добавочную зарплату на многосемейность, учредить пенсии для матерей и т. д. Все эти меры, по их мнению, должны поднять долю

стриальную мощь путем усиления профсоюзов, усилить экономическую власть путем усиления кооперативного движения. Он стремится координировать и сочетать эти движения, как никогда прежде. Он стремится вдохновить их революционными, а не эволюционными целями. Он пытается завоевать энтузиазм масс в пользу этого объединенного движения и дать ему жизнь, сделав прожиточный доход элементарным правом всякого человеческого существа» (Дж. Мэкстон «Макдональдизм, коммунизм и Независимая рабочая партия» «Нью Лидер» 7/1 — 27 г.)

Неудивительно, что это изумительное определение предлагаемой «новой тактики» вызвало хор протестов со стороны членов самой Независимой рабочей партии. Они спрашивали, что же определенно означает так называемая «третья возможность», означает ли это вообще что-нибудь, и если да, то чем она отличается от макдонольдизма и существующей политики рабочей партии со времени ее основания?

Ясно, что в этом желании вызвать к жизни «третью возможность», отличающуюся от дискредитированного макдональдизма и не впадающую в отверженный коммунизм, больше притворства, чем дела. Всякая серьезная попытка отойти от макдональдизма неизбежно привела бы честного исследователя в лагерь коммунизма.

рабочих в общественном продукте или «перераспределить национальный доход», как будто вопрос о распределении может быть разрешен административными мерами, отдельно от вопроса о власти над производством. Они не понимают, что, поскольку капиталисты владеют средствами производства, попытки «справедливого» перераспределения неизбежно осуждены на поражение. Мероприятия этого типа на практике приводят к результатам, очень отличающимся от первоначальных намерений. Они в действительности понижают доход рабочих, увеличивая власть капиталистов над ними.

Третьи предлагают эксперименты с производственными гильдиями или артелями внутри капитализма, как начало новых социальных форм. Они не понимают, что, поскольку власть остается в руках класса капиталистов, эти эксперименты являются лишь любительскими попытками сравняться с капиталистами. Такие попытки могут закончиться либо настоящим «деловым предприятием», либо банкротством.

Четвертые, наконец, усиленно предлагают капиталистам меры реорганизации, международные картели, агентства по продаже, общественный контроль, высокую заработную плату, развитие внутреннего рынка и т. д. Как будто бы капиталистическая анархия может быть превращена в организованное прозводство на пользу общества при помощи разумных доводов и планов, в то время как корни анархии, частная собственность и прибыль остаются неизменными.

Все эти предложения имеют одну общую основу, а именно веру, будто возможно преобразовать капитализм при помощи рационального плана. Поэтому считается, что ближайшая задача не разрушение капитализма, как необходимая предпосылка к реорганизации производства, не свержение власти класса капиталистов и их экспроприация, но что реорганизация капитализма является первым шагом перехода к социализму. Задача социализма, следовательно, не грубая материальная борьба против имущего класса за овладение средствами производства, но задача убеждения в желательности некоего разумного плана, который может быть принят при помощи легальных капиталистических путей. Эти планы, по словам их авторов, «созидательны», а не разрушительны, т. е. они должны созидать, а не разрушать капитализм.

Отсюда ясно, что все эти планы принадлежат к арсеналу реформизма. Они отличаются от макдональдизма лишь большей утопичностью. Они рисуют более фантастические, яркие картины немедленного и всеобщего счастья, достигаемого при помощи некоей панацеи, тщательно обходя вопрос о классах. В конце концов макдональдизм тот же самый утопический внеклассовый социализм, доросший до «ответственности». Это значит, что он встретился лицом к лицу с задачей управления при капитализме и должен применяться к безобразным неизбежным последствиям этой задачи. Критика макдональдизма с точки зрения этого утопического социализма есть просто безответственная критика. При всяком действительном повседневном вопросе сторонники этих новых тактик стоят бок о бок с Макдональдом и борются против сторонников классовой борьбы.

Все эти предложения могут быть сгруппированы и названы *новым реформизмом, т. е. попыткой приспособить реформизм к периоду упадка капитализма.* Старый реформизм рисовал простую и наивную картину постепенного улучшения условий жизни вплоть до социалистического рая. Новый реформизм признает факт капиталистического упадка и банкротства старого реформизма. Он рисует пламенную и фантастическую картину внезапной реорганизации, он сбрасывает в одну кучу социалистические идеи с капиталистическими фактами и игнорирует или затемняет вопросы власти и классовой собственности.

Новый реформизм является последним оплотом правого крыла против наступления рабочего класса. И орган этого нового реформизма — Независимая рабочая партия.

§ 3. НЫНЕШНЯЯ ПОЗИЦИЯ НЕЗАВИСИМОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Независимая рабочая партия, представительная партия реформистского социализма в Англии, за последние годы переменила ориентацию. После 1924 г., после падения макдональдовского рабочего правительства, она во всех своих печатных органах и во всех выступлениях высказывала критические замечания и неодобрение «макдональдизму» и «постепеновщине». Она требовала политики «социализма»,

говорила о развале капитализма, требующем смелой тактики, и нападала на взгляды, считающие, что рабочее правительство должно «управлять по поручению капитализма». Преследуя эту линию, партия развернула ряд новых предложений уже известного нам типа, который можно назвать «новым реформизмом». Она выдвигала их в качестве «созидательных» предложений, взамен нынешней политики. В частности ряд предложений был выработан и опубликован под общим названием «Политики прожиточной заработной платы». Эта программа прошла целый ряд воплощений и изменений и сделалась центром пропаганды под лозунгом «прожиточная заработная плата» и «социализм в наши дни».

Независимая рабочая партия — это партия Макдональда, Сноудена и большинства вождей рабочей партии. Ее членами состоят 107 из 155 рабочих членов парламента. Она господствует над органами рабочего движения; огромное большинство должностных лиц Рабочей партии, профсоюзов и множество отдельных лиц из средних классов, поддерживающих Рабочую партию, состоят ее членами. Если же какая-нибудь организация может считаться ответственной за всю политику рабочего движения, это — Независимая рабочая партия. Тем не менее Независимая рабочая партия сейчас постоянно критикует политику рабочего движения и в частности политику Макдональда. Это чрезвычайно знаменательно. Это рисует банкротство реформизма в настоящий период.

Когда Независимая рабочая партия пытается отвергать политику Рабочей партии Макдональда, она отвергает свою собственную политику.

Эта видимая непоследовательность в действительности легко объяснима и не является признаком сколько-нибудь серьезных расхождений между обеими партиями. Независимая рабочая партия в прошлом была главным орудием пропаганды реформистских вождей при построении Рабочей партии. Со времени окончания войны, однако, Рабочая партия существует, как вполне организованная партия, со своими индивидуальными членами и собственным аппаратом. Вследствие этого серьезно обсуждался вопрос, не выполнила ли Независимая рабочая партия свои функции и не должна

ли она быть распущена, поскольку практически ее цели совпадают с целями Рабочей партии. Было, однако, решено, что она может продолжать свое существование в качестве орудия пропаганды для проповеди «чистого социализма» внутри Рабочей партии. В то же время главные вожди, достигшие своих «высоких ступеней» в Рабочей партии, занялись преимущественно государственной политикой Рабочей партии и держались подальше от мелких дел и от слишком тесной связи с рядовыми членами Независимой рабочей партии. Вследствие этого Независимая рабочая партия все более становилась выразительницей оппозиционных чувств, безвредного энтузиазма и девственной «чистоты» социалистического евангелия, не загрязненного ежедневными компромиссами Рабочей партии. На деле же она продолжала поддерживать тактику Рабочей партии.

Таким образом, разногласия между Независимой рабочей партией и Рабочей партией на деле являются обычным разделением труда внутри реформизма. Независимая рабочая партия — предохранительный клапан, «совесть», глашатай благочестивых протестов и необходимый спутник повседневного официального предательства и оппортунизма. Независимая рабочая партия, в качестве пропагандистской организации, свободной от «ответственности» официального положения, может более быстро симулировать отзывчивость на давление и чувства рабочего класса, тщательно избегая в то же время обязывать себя какой бы то ни было конкретной политикой. Но, как только возникает серьезный вопрос, немедленно обнаруживается истинная функция Независимой рабочей партии, как механизма, помогающего правому крылу. Так, например, после горячих и звонких протестов партийной печати против Макдональда и макдональдовского рабочего правительства, ежегодная конференция большинством двух третей проголосовала резолюцию, которая безусловно одобряет политику макдональдовского рабочего правительства, и переизбрала Макдональда, в качестве своего представителя в Рабочей партии. [1] В то же время

---

[1] На конференции 1927 г. Независимая рабочая партия, наконец, исключила Макдональда из своей делегации в Рабочей партии и не наметила его в качестве казначея (т. е. члена Исполкома) Рабочей

Независимая рабочая партия активно поддерживала реакционную тактику исключения коммунистов и левых организаций и раскалывала рабочее движение. «Левый» флирт партийного руководства остается на поверхности; на практике партия остается правой организацией рабочего движения. Она помогает разводить водой и делать более приемлемой нынешнюю тактику правого крыла, облекая ее центристскими фразами.

Поэтому новые левые тенденции Независимой рабочей партии должны приниматься с большой осторожностью.

Так называемое «левое» (на деле центристское) руководство, господствующее в настоящий момент в Независимой рабочей партии, пытается использовать левое настроение и тенденции рабочего класса не с целью вести подлинную борьбу против реформистского предательства, но с целью запутать, извратить их при помощи пустых фраз и разработанных программ для отдаленного будущего. Это руководство является величайшей опасностью для успеха левого крыла рабочего класса. Это не часть левого движения рабочего класса, а главный враг, с которым левое крыло должно бороться, чтобы приобрести силы и завоевать победу. Открытые правые предатели не смогли бы долго сохранить свои позиции в рабочем движении без помощи этих «левых» сторонников. Эту роль в настоящее время выполняет Независимая рабочая партия.

партии. Решение было принято 312 голосами против 118. Но со стороны вождей Независимой рабочей партии это был чисто внешний жест. Они не только официально и очень длинно разъяснили, что сохраняют величайшую личную преданность по отношению к Макдональду; они заявили вдобавок следующее: 1) жест был предпринят исключительно как заведомо неимеющий значения; выдвижение Макдональда Независимой рабочей партией не нужно, так как 29 других организаций выставили его кандидатуру в прошлом году и потому положение его можно было считать обеспеченным; 2) председатель и секретарь Независимой рабочей партии «видели мистера Макдональда и объяснили ему» все это; 3) после всего этого конференция постановляет, что «решение конференции не мешает делегатам Независимой рабочей партии на ближайшей конференции Рабочей партии голосовать за кандидатуру Макдональда на пост казначея... От имени национального совета партии Броквей заявил, что, по его мнению, ни один член совета не желает, чтобы Макдональд ушел с поста казначея». («Нью-Лидер», 22/IV — 27 г.)

Чтобы выполнять эту роль успешно, Независимая рабочая партия нуждается в политике, имеющей левую окраску, но лишенной всякого серьезного содержания. Она должна обещать все и не обязывать ни к чему. Она должна казаться «передовой», враждебной компромиссам, «социалистической», а на деле быть вполне совместимой с полной поддержкой повседневной политики реформистского правого крыла.

Такая политика содержится в планах и проектах нового реформизма, в тех блестящих предложениях, которые рисуют видение нового неба, новой земли, совершенно не сообразуясь с подлинной реальностью и с жизненными вопросами классовой борьбы.

Выражение этой политики, выражение всей роли и позиции Независимой рабочей партии содержится в политике прожиточной заработной платы, которая является сейчас центром всей пропаганды партии и выставляется в качестве «созидательного» третьего пути, отличающегося и от макдональдизма и от коммунизма.

§ 4. ЧТО ПРЕДЛАГАЕТ НЕЗАВИСИМАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Политика прожиточной заработной платы была впервые принята на конференции 1925 г., затем пересмотрена и одобрена в измененном виде на конференции 1926 г. Изменения формы и выражения этой политики не только в подробностях, но и в главных частях за последние три года очень значительны. Они показывают, что эта политика носит более пропагандистский, чем практический характер. В то время как я пишу настоящие строки, официальным выражением этой политики служит резолюция конференции 1926 г., озаглавленная «Социализм в наши дни».

Резолюция начинается с общей декларации, что капитализм («старый порядок») «разваливается» и что вследствие этого «необходима сознательная и решительная социалистическая политика». «Независимая рабочая партия поставила перед собою задачу завоевать социализм для нынешнего поколения». Нужна политика, которая «быстро провела бы нас через переходный период».

Путь ко всему этому ведет, по заявлению партии, через «прямое наступление на бедность»; и далее это наступление

расшифровано, как требование прожиточной заработной платы. «Все рабочее движение должно поэтому сосредоточить всю свою энергию для достижения национальной прожиточной заработной платы» (впоследствии это выражение было переправлено на «прожиточный доход»). Это «первое требование справедливости»; «если мы смело подчинимся его логике», то оно сможет «быстро привести нас к осуществлению социалистического государства».

Излагается ряд мероприятий, необходимых для осуществления прожиточной заработной платы: национализация банков, импорта, транспорта, энергии и земли; общественный контроль над производством «для удовлетворения потребностей рабочих». Эти меры «заложат фундамент нового социалистического государства».

Затем рассматриваются средства проведения в жизнь этой программы, и вносится следующее предложение:

а) Рабочее движение должно выделить комиссию, которая должна фиксировать размер «прожиточной зарплаты». (В резолюции 1925 г. предлагалось, чтобы комиссия была назначена правительством Болдуина.)

б) Рабочая партия в парламенте должна «объяснить, что она проведет эту программу, как только вернется возможность стать у власти».

в) Профсоюзы должны «поддерживать каждую группу рабочих, получающих недостаточную зарплату и борющихся за достижение уровня цивилизации, который будет установлен в качестве национального минимума». Кроме того профсоюзы должны готовиться принять участие в управлении промышленностью, «когда необходимая экономическая реорганизация будет проведена».

Таковы предложенные средства.

В заключение члены Независимой рабочей партии призываются «воспитывать народ для понимания необходимости быстрой и основательной перемены».

Добавление, включенное в резолюцию под заглавием «одинаковые возможности для детей рабочих», требует добавления к зарплате на детей. Эти добавления должны выплачиваться из прямых налогов и явиться приступом к «необходимому перераспределению национального дохода по потребностям». Это перераспределение «сократило бы роскошь

*

богатых с целью завоевать для детей бедняков равные экономические возможности жизни».

Такова резолюция в целом. [1]

Независимая рабочая партия опубликовала агитационный памфлет, где популярно объясняет политику прожиточной заработной платы («Путь труда к власти»). Здесь эта политика обрисована следующим образом:

> Коротко говоря, мы предлагаем, чтобы экономическое и политическое движение совместно выработали стратегию для лобовой атаки на бедность. Мы должны стремиться завоевать для каждого рабочего прожиточный доход.
>
> Прожиточный доход может быть достигнут путем: а) расширения различных общественных услуг — образование, здравоохранение, жилище; б) выплаты каждой матери в рабочей семье недельной пенсии для содержания ее детей. Эта пенсия должна получаться из прямого обложения высоких доходов; в) обеспечения каждому рабочему прожиточной зарплаты.
>
> Рабочее движение само должно выделить комиссию, чтобы определить, какой зарплаты требует цивилизован-

---

[1] Окончательная редакция, опубликованная в отчете о конференции 1926 г., содержит некоторые существенные изменения по отношению к тексту резолюции. Главные изменения заключаются в том, что «прожиточная заработная плата» в значительной мере, но не целиком, заменена, повидимому, лучше звучащим выражением «прожиточный доход». Это изменение несомненно должно удовлетворить капризные вкусы и дать более «социалистическую» внешность всему плану. Насколько изменение глубоко, видно из того, что: 1) выражение «прожиточная заработная плата» остается неисправленным в нескольких местах и употребляется, как вполне равнозначащее с выражением «прожиточный доход»; так, например, в разделе, озаглавленном «Рабочая комиссия по прожиточной зарплате», говорится, что комиссия должна «разработать прожиточный доход»; 2) из текста резолюции видно, что дело все время идет о «рабочих, получающих зарплату», «зарплате», «более высокой зарплате» и т. д.; 3) все прения на конференции и вся текущая пропаганда имеет дело исключительно с «прожиточной заработной платой».

Эта попытка социалистов из Независимой рабочей партии прикрыть действительность наемного рабства пышным титулом «прожиточного дохода» находит себе параллель в попытке этих самых социалистов прикрыть действительность империализма титулом «Британского союза народов».

ный уровень жизни. Рабочее движение должно поддержать те профессии, которые борются за достижение этого уровня.

Когда Рабочая партия снова станет у власти, она должна, даже если она будет в меньшинстве, предпринять первые шаги для осуществления этой политики. Она должна включить детские пенсии в свой первый бюджет и найти силы, чтобы заставить реорганизоваться те отрасли промышленности, которые неспособны еще выплачивать прожиточную заработную плату.

Поскольку высокая денежная зарплата будет бесполезной, при отсутствии средств контролировать цены, необходимо национализировать банки. Кроме того государство должно взять на себя ввоз главных предметов сырья и продовольствия.

Далее, поскольку промышленность не может стать более производительной без дешевой энергии и транспорта, необходимо социализировать копи, электрические станции и железные дороги. Для реорганизации сельского хозяйства необходима национальная собственность на землю.

Таким образом требование прожиточного дохода, если смело довести его до конца, толкает нас к национализации основных отраслей промышленности и выработке основного плана социалистического общества.

В этом обзоре немедленные реформы выставлены на первый план, «социалистические» предложения становятся более отдаленной целью.

Очевидно, сущность этих предложений основана на следующих предпосылках:

1) Переход к социализму идет не через завоевание власти рабочим классом, но через ряд изменений внутри капиталистического общества, изменений, которые должны дать лучшие условия всем и подготовить путь к социализму.

2) «Прожиточной доход» или «лобовая атака на бедность» могут быть осуществлены целиком или отчасти при помощи ряда реформ внутри капитализма: налоги, обучение, здравоохранение, социальные услуги и реорганизация промышленности.

3) В то же время этот идеальный процесс реорганизации

потребует национализации земли, транспорта, банков, торговли и важнейших отраслей промышленности — все это в качестве средства для «прожиточной зарплаты».

4) Таким образом «основной план социалистической промышленности» будет заложен совершенно независимо от классовой борьбы и завоевания власти рабочим классом.

В этих предложениях содержатся все характерные черты нового реформизма или центризма: смешение воедино реформ в рамках капитализма, которые должны привести к немедленному улучшению, с общими идеями социализма, выставляемыми в качестве разумного плана реорганизации общества, без упоминания о классовой борьбе или завоевании власти. Все это вместе выдвигается в качестве идеала без всякой связи с фактическим положением вещей, с действительными тенденциями развития капитализма и с той борьбой, которую на деле ведут рабочие.

Это смешение несовместимых понятий и тактических лозунгов является характерной чертой центризма. Необходимо проследить до конца некоторые наиболее важные черты этой мешанины. Только таким образом станет ясной их полная пустота, бесчестность и безответственность. Мы увидим, что порой эта тактика описывается, как тактика социализма и ликвидации класса капиталистов. Прожиточная зарплата объявляется только «рычагом», который должен заставить рабочих бороться за социализм, не понимая этого. Как будто рабочие нуждаются в уловках, чтобы вступить в борьбу, требующую величайшей сознательности, дисциплины и подготовки. В другой связи прожиточная зарплата считается достижимой внутри капитализма. Она должна принести благосостояние рабочим и в то же время более высокую прибыль капиталистам. Порой заявляется, что эта политика может быть осуществлена только при помощи самой отчаянной и тяжелой борьбы, не виданной в истории Англии. Но действительные вопросы классовой борьбы и завоевания власти не рассматриваются никогда. А иногда опять-таки говорится, что эта политика может быть осуществлена при помощи сотрудничества всех классов, при общем доброжелательстве и доверии. Таким образом путаница и противоречия продолжаются без конца.

Что эта путаница означает для борьбы рабочего класса?

Именно эта путаница является величайшим врагом подлинной классовой организации и борьбы. Путаница разбивает ряды рабочих, оставляет рабочих неподготовленными, скрадывает подлинные вопросы и предает борьбу при каждом кризисе. Открыто реакционные реформистские вожди быстро дискредитируются событиями. Но их спасают и удерживают на местах двуличные центристы, которые ежеминутно говорят противоречивые фразы: то они на словах играют левыми чувствами, то следуют за капиталистами на практике и таким образом преграждают рабочим путь к ясности. Самый опасный враг революционного прогресса рабочего класса находится именно среди этих лево-центристских путаников.

Упомянутые предложения Независимой рабочей партии были впервые выдвинуты в апреле 1926 г. В мае разразилась всеобщая забастовка, величайшая борьба английского рабочего класса. Независимая рабочая партия не подготовила к этой борьбе никакой политической линии и до конца не верила, что эта борьба придет.

§ 5. ХОЧЕТ ЛИ НЕЗАВИСИМАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ СОЦИАЛИЗМА ИЛИ КАПИТАЛИЗМА?

Первый вопрос, который возникает при изучении этих предложений, — хочет ли Независимая рабочая партия капитализма или социализма?

Если Независимая рабочая партия стремится к социализму, тогда встает решающий вопрос о завоевании власти рабочим классом, что только и может сделать такую перемену возможной. Но предложения обходят именно этот вопрос.

Если Независимая рабочая партия стремится к реорганизации капитализма, тогда весь план является лишь одной из утопических реформистских схем, которые пытаются завоевать всеобщее счастие внутри капитализма и целиком игнорируют капиталистическую экономику и реальность капиталистической власти.

К чему же стремится Независимая рабочая партия? Изучение ее пропаганды покажет, что Независимая рабочая партия имеет в виду две цели: — к одной она идет на словах, к другой на деле. Употребляется социалистическая фразео-

логия, практические предложения сводятся к укреплению капитализма.

Прежде всего рассмотрим пропаганду политики прожиточной заработной платы, как политики «социализма», осуществимой лишь при условии свержения капитализма.

Политика прожиточной зарплаты пропагандируется под лозунгом «социализма в наши дни».

В передовой статье «Боевая политика», опубликованной после партийной конференции 1925 г., Брейльсфорд, один из главных авторов плана, старательно объясняет, что прожиточная зарплата *невозможна* при капитализме. Этот лозунг принят лишь в качестве другого названия для социализма. Он пишет:

> С открытыми глазами мы требуем невозможного.

И в пояснение добавляет:

> До тех пор пока промышленность организована в виде конкурирующих между собой фабрик и копей, *пока небольшой класс собственников взимает свою дань — проценты, ренты и прибыли,* пока энергия миллионов рабочих растрачивается в производстве предметов роскоши, *до тех пор общество будет бессильным дать прожиточную заработную плату.*

Отсюда делается вывод:

> Требовать прожиточной заработной платы попросту значит требовать социализма. («Нью Лидер», 18/IV — 25 г.)

Здесь мы имеем ясную позицию. Прожиточная заработная плата объявляется невозможной при капитализме не только при существующей организации капитализма, но при всякой форме реорганизованного капитализма, при всякой форме капитализма вообще, «поскольку небольшой класс собственников взимает свою дань в виде рент, процентов и прибылей», т. е. поскольку ренты, проценты и прибыли существуют. Отсюда делается правильный вывод, что если «прожиточная заработная плата» означает улучшенные условия для всех рабочих, то этот улучшенный уровень жизни может быть завоеван лишь путем завоевания социализма, т. е. общественной организации производства и отмены ренты, прибыли и процентов. Это ясная позиция. «Прожиточная зарплата» становится просто синонимом социа-

лизма. Очень скверный синоним, поскольку социализм означает отмену наемного рабства и купли-продажи рабочей силы, в то время как лозунг зарплаты вызывает мысль о сохранении капитализма.

Но это лишь одна сторона пропаганды прожиточной заработной платы. Очень часто прожиточная зарплата выставляется в качестве немедленно достижимой цели до всякого завоевания социализма. Достижение этой цели кажется вполне возможным при капитализме, если только слегка реорганизовать капитализм. Тогда выражение «заработная плата» принимает свое подлинное значение. Политика Независимой рабочей партии становится простой политикой реконструкции капитализма. На нее возлагается задача излечивать недуги капитализма и создавать условия для последующего мирного продвижения к социализму.

Так, например, объявляется, что «коренная идея» этой политики сводится к «увеличению *покупательной силы масс*» («Путь труда к власти»). Это увеличение покупательной силы без устранения власти класса капиталистов над производством объявляется «единственным радикальным средством против безработицы». («Нью Лидер», 12/III — 26 г.)

> Мы не видим никакой возможности вырваться из депрессии и безработицы 1926 года, если мы не начнем с увеличения способности масс к потреблению. («Нью Лидер», 8/I — 26 г.)

Выход и мыслится в рамках капитализма. И все основные черты плана, как-то: зарплата, покупательная сила и т. д., также остаются в рамках капитализма.

Полемизируя с капиталистической печатью, «Нью Лидер» в передовой статье о «прожиточной зарплате» вкратце характеризует весь план следующим образом:

> 1) Мы предлагаем увеличить покупательную силу масс на внутреннем рынке путем обязательного введения общей минимальной зарплаты во всех отраслях производства (пособия на детей должны быть добавлены к основной зарплате). Снижение учетного процента и некоторое расширение кредита вызовут расширение производства товаров для внутреннего рынка. Этот рынок уже сейчас дает работу двум рабочим из трех. Его расширение поглотит всех безработных.

> 2) До обязательного введения новой скалы зарплаты необходимо изучить и реорганизовать отрасли хозяйства, по которым увеличение зарплаты должно больнее всего ударить. Некоторые из них, в частности сельское хозяйство, потребуют поддержки из государственных фондов. Взамен этого государство должно будет установить условия контроля над промышленностью.
>
> 3) Наконец, фонды для этих временных мероприятий государственной помощи должны быть получены от прямого обложения высоких доходов и прибылей, получаемых наиболее доходными отраслями промышленности, работающими на внутренний рынок. («Нью Лидер», 29/V — 25 г.)

В этом законченном плане капиталистической реорганизации даже национализация промышленности исчезла. Вместо нее выдвинулся целый аппарат пониженного учетного процента, общегосударственного минимума зарплаты, временной государственной помощи, слияния предприятий, более высоких прибылей и доходов и т. д.

Таким образом, прожиточная заработная плата выставляется в качестве меры, выгодной классу капиталистов и способной увеличить его прибыли. В летней школе Независимой рабочей партии в 1926 г. (по отчету партийного органа) мистер Брейльсфорд разъяснял эту политику таким образом:

> Мистер Брейльсфорд безбоязненно защищал политику Независимой рабочей партии. Партия стремится непосредственно увеличить покупательную силу рабочих, рассчитывая таким образом оживить отечественную промышленность *и принести немедленную волну процветания в страну. В процветании даже капиталисты имели бы свою долю,* и приближение к социализму проходило бы в атмосфере доверия и хорошего настроения. («Нью Лидер», 29/VII — 26 г.)

Здесь мы уже далеко отошли от «невозможности» прожиточной зарплаты, «поскольку небольшой класс собственников взимает свою дань в виде ренты, процента и прибыли». Капитализм изображается в виде идиллической картины. Все противоречия капитализма, вся действительность классовой борьбы исчезли. Независимая рабочая партия выступает в

своей подлинной роли проповедника всех либеральных мифов о капиталистической гармонии и капиталистическом прогрессе.

Подобным же образом, агитируя за прожиточную заработную плату, мистер Уитли совершенно ясно заявил, что национализация может быть отложена *до обеспечения прожиточной зарплаты.*

> Это предложение предполагает ту идею, что государство должно иметь власть определять заработную плату и доходы, *даже когда промышленность находится в частных руках*... Иначе можно выразить ту же самую мысль в таком виде: мы должны начать наше построение социализма, социализируя... покупательную силу рабочих до *того, как мы приступим к национализации средств производства.* (Дж. Уитли, «Путь к социализму», «Форуорд», 30/X — 26 г.)

> Мистер Уитли, если мы правильно понимаем его речь, пришел к выводу, что *национализация той или иной отрасли промышленности может подождать* до тех пор, пока она приобретет потребителей, способных покупать те товары, которые она производит. И это означает прежде всего атаку на бедность. (Т. Джонстон, «Форуорд», 23/X — 26 г.)

Таким образом, «прямая атака на бедность», которая в пасхальной резолюции Независимой рабочей партии 1926 г. «требовала», как необходимых предпосылок, национализации банков, импорта, копей, железных дорог, электрической энергии и земли, в октябре превратилась в такую «атаку на бедность», для которой национализация вовсе не необходима. Совершенно ясно, что эта чудесно приспособляющаяся политика заключает в себе гораздо больше дешевой избирательной агитации, чем серьезной экономики, не говоря уже о социализме.

Поистине, картина *идиллического капитализма*, при котором такие мелочи, как бедность, безработица и т. д. легко излечимы, без необходимости прибегать к неприятным лекарствам старомодных социалистов, которые воображали, что причина всех этих зол кроется в самом существе капитализма! Рай растущих прибылей для капиталистов и «общегосударственного минимума заработной платы» для всех ра-

бочих «в атмосфере доверия и хорошего настроения». Это подлинное тысячелетнее царство Независимой рабочей партии, которое Генри Форд, Сельфридж, «Таймс», Федерация британской промышленности, Болдуин, Черчилль и Джойнсон-Хикс могут радостно приветствовать.

Но в политике прожиточной заработной платы имеется также ясно различимый элемент *практического подхода к капитализму,* — особенно когда дело идет о подробностях. И существует менее идиллическое зато вполне практическое понимание прожиточной заработной платы, совместимое с тем, *что капиталистическая промышленность может платить.* Тот же мистер Брейльсфорд, например, пишет:

> Если бы мы говорили о прожиточной зарплате в 8 или в 12 фунтов в неделю для каждого рабочего, то сельскохозяйственный рабочий вполне справедливо смеялся бы над нами. На настоящей ступени развития было бы немногим честнее говорить о зарплате в 4 фунта для каждого рабочего. Все богатство, производимое в нашей стране, в настоящий момент, сколь беспощадно вы ни делили бы его, не могло бы предоставить такую зарплату для всех. Наша страна бедна при теперешнем ее управлении. До тех пор, пока промышленность не подвергнется решительной реорганизации, она не сможет платить подлинной прожиточной заработной платы. *Всякая цифра, которую мы можем немедленно и честно обещать, будет означать большую прибавку к основной заработной плате только для мужчин и женщин, занятых в наихудше поставленных отраслях промышленности.* («Нью Лидер», 8/I — 26 г.)

Здесь прожиточная зарплата, «которую мы можем честно обещать ввести немедленно», вполне совместима с коммерческой способностью капиталистов платить. Требовать больше значило бы, что промышленность должна быть «решительно реорганизована» (т. е., что капиталистов следует прогнать и передать власть рабочим). Было бы «нечестно» предлагать это «немедленно». Таким образом, прожиточная заработная плата, которая будет выдвинута в качестве практического предложения, составляет такую сумму, какая может быть уплачена после того, как все требования капиталистов будут удовлетворены, т. е. рабский минимум. Эта по-

литика является прямой противоположностью социалистической борьбы, которая сознательно старается всяким своим требованием вторгаться в капитализм вместо того, чтобы ограничивать себя «честным» практическим минимумом, годным для наемных рабов.

Но зато эта политика вполне соответствует современной линии капиталистической политики заработной платы. Современный капитализм все более стремится довести всех рабочих, квалифицированных и неквалифицированных, до общего минимума. «Таймс», орган наиболее последовательно выражающий господствующую капиталистическую политику, недавно заявил, будто «все согласны», что минимальная заработная плата должна быть первым обязательством промышленности. Такая зарплата должна соответствовать *«одной из наиболее низких цифр, установленных арбитражем»* («Таймс», 16/VII—25 г.). Такая минимальная зарплата даже в форме закона может очень легко стать частью ближайшей фазы развития капитализма, как средство снизить общий уровень жизни рабочих. (В каждой отрасли промышленности, кроме тех, где профсоюзы очень сильны, ссылка на государственный минимум будет употребляться с целью доказать, что все разумные требования удовлетворены.) Политика Независимой рабочей партии и «Таймса» таким образом приходит к практическому согласию.

Из всего этого видно, что мы имеем величайшую безграничную путаницу, поскольку дело идет о пропаганде политики прожиточной заработной платы. С другой стороны, когда дело доходит до практических подробностей, вся политика приобретает ярко выраженный капиталистический характер. В одних случаях заявляется, что прожиточная заработная плата — возможная реформа при капитализме, ее можно «честно обещать» еще до решительной реорганизации промышленности. В этом случае прожиточная заработная плата ничего общего не имеет с социализмом. В других случаях прожиточная зарплата объявляется «недостижимой» при капитализме. Она требует для своего осуществления уничтожения «небольшого класса собственников» и отмены процентов, ренты и прибыли, т. е. свержения капитализма. Таким образом она превращается в синоним (очень скверный и фальшивый) социализма.

Эта путаница и противоречия в изображении схемы Независимой рабочей партии настолько бросаются в глаза, что сперва может показаться, будто здесь есть какая-то ошибка, что дело идет о различных схемах и политиках, или что разные школы и последователи разных школ защищают взаимно противоречащие взгляды. Но дело обстоит не так. Никакого спора не ведется. Противоречивые взгляды выражаются теми же самыми людьми в разных случаях, часто на протяжении одной и той же статьи. Эта противоречивость никого не обижает. Не делается никаких попыток выяснить разногласия, отделить здоровое от нездорового, вырваться из бесконечной сети громких фраз. Другими словами, путаница не является случайностью, ожидающей выяснения. *Путаница является сущностью схемы.* Без этой путаницы схема не могла бы выжить ни одной минуты. *Если ее разложить на ясные требования, она немедленно выявится либо как бесполезное повторение социалистических фраз, либо как беспочвенная мечта о тысячелетнем царстве капитализма.*

Эта путаница, на которую авторы схемы смотрят с таким завидным равнодушием, так явно выдает ее характер *агитационного маневра,* что не стоило бы терять на нее времени, если бы отдельные стороны и идеи, связанные с ней, не имели бы реального значения. Эти идеи (повышение покупательной силы, разрешение вопроса о безработице, расширение внутреннего рынка, как мера разрешения экономического кризиса, прожиточная заработная плата в качестве психологического рычага социализма, перераспределение национального дохода и т. д.) постоянно всплывают в связи с текущими вопросами и извращают подлинные проблемы, вызывают подлинные затруднения и ослабляют политику рабочего класса в отношении к современному капитализму.

Поэтому мы предлагаем рассмотреть, является ли пропаганда прожиточной заработной платы средством реконструкции капитализма, способным разрешить вопросы безработицы, бедности и т. д. при капитализме, путем расширения внутреннего рынка, организации торговли, кредита и т. п. мерами.

IV.

МОЖЕТ ЛИ ПОЛИТИКА ПРОЖИТОЧНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РЕКОНСТРУИРОВАТЬ КАПИТАЛИЗМ?

Шоу, духовный отец ревизионистской путаницы и оппортунизма в английском социалистическом движении, написал, благословляя политику прожиточной заработной платы Независимой рабочей партии, следующие слова:

> Мы должны заставить капитализм работать, пока мы не заменили его социализмом... Вот почему памфлет Независимой рабочей партии о прожиточной зарплате по необходимости посвящает много места методам, которые заставили бы капитализм работать прилично до тех пор, пока мы не будем готовы обойтись без него. Когда это будет ясно понято, наши невинные юнцы, которые воображают, что социальные системы могут меняться в один день простым прокламированием, может быть прочтут эту работу с тем терпением и вниманием, которого она заслуживает. (Бернард Шоу. «Социализм и прожиточная заработная плата», «Нью Лидер», 15/X — 26 г.)

Здесь в немногих строках содержатся все ревизионистские ошибки и вся путаница, составляющие корень политики Независимой рабочей партии.

Ревизионисты верят, что можно «заставить капитализм работать» и что социалисты обязаны этим заниматься. Не понимая ясно ни капитализма, ни законов общественного развития, они рассматривают зло и противоречия капитализма, не как неизбежное последствие классовой системы, которая может быть изменена лишь путем пришествия другого класса к власти, но как отдельные изолированные случайности «проблемы» и «ошибки политических деятелей», которые могут быть исправлены соответствующей пропагандой и просвещением и которых можно избегнуть, если капиталисты станут «более мудрыми», т. е. будут слушаться советов ревизионистов. Отсюда политика сотрудничества с капита-

листами — коалиция, внимание к административной машине, погоня за социальными реформами ценою поддержки капитализма во всех более важных вопросах. Отсюда враждебность к классовой борьбе — поддержка капиталистической законности и порядка, подавление рабочих восстаний, единый фронт с белой гвардией. Ревизионисты воображают, что это «практическая», «созидательная» политика. Они неспособны смотреть на революционеров иначе, как на нетерпеливых «невинных юнцов», которые не понимают необходимости практической работы и хотят достигнуть рая в один день.

Попытка «заставить капитализм работать» (очень отличная от попытки бороться за то, что может быть завоевано внутри капитализма, что является в то же время собиранием сил и движением вперед к конечному свержению капитализма) срывается каждый раз при столкновении с действительным капитализмом, точно так же, как мечты фабианских салонов разбились, налетев на утес 1914 г. *Препятствием на пути к социализму являются не столько «невинные юнцы», которые слишком торопятся достичь социализма в один день. Их нетерпение, в сочетании с практическим пониманием общественных сил, может стать лучшим двигателем борьбы. Вот «невинные старцы», которые после полустолетия неудач все еще воображают, что они могут «перестроить капитализм»*, которые теряют время и силы, отвлекая рабочее движение от практических задач действительной борьбы к фантастическим и бессмысленным схемам, прикрывающим прислужничество капитализму, — они, действительно, задерживают движение рабочего класса к социалистическому обществу.

§ 1. СОФИЗМ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА.

Центральная ось, вокруг которой вращается вся политика прожиточной заработной платы, как политика реконструкции капитализма, заключается в *теории, что нынешний кризис капитализма может быть разрешен при помощи более высокой зарплаты и расширения внутреннего рынка.*

Так, памфлет «Путь труда к власти» заявляет:

> Машины стоят потому, что массы не имеют возможности покупать. Ничто не заставит эти колеса вращаться

вновь, кроме свежей струи покупательной силы. Единственный верный путь поднять зарплату сапожника — дать возможность углекопу, сельскохозяйственному рабочему и другим покупать больше сапог.

Таким образом выходит, что одни наемные рабочие при капитализме производят для того, чтобы удовлетворять потребности других. Прибыли капиталистов делаются или могли бы делаться, если бы они были умнее, из заработной платы, которую они сами платят рабочим. Единственное затруднение заключается в том, что капиталисты из эгоизма или «недостатка воображения» платят недостаточную зарплату рабочим и таким образом порождают бедность рабочих, депрессию и низкие прибыли для самих себя. Это явно глупая политика, от которой просвещенная Независимая рабочая партия спасет капиталистов. Такова новая теория Независимой рабочей партии о системе заработной платы и о функциях капитализма.

Эта теория подлинного разрешения капиталистического кризиса путем увеличения покупательной силы стала догматом официальной рабочей политики и социал-демократии во всех странах.

Было время, когда рабочее движение считало, что безработица есть неизбежное последствие капитализма и может быть излечена лишь социализмом. Теперь это подверглось «ревизии». Не только имеются другие решения, но единственное действительное решение находится в рамках капитализма. Такая позиция, очевидно, в основном сходится с позицией рабочего правительства, когда премьер Макдональд заявлял:

> Вы можете возиться с безработицей. Но в конце концов единственная вещь, приносящая реальную помощь, — это нормальные условия торговли. (Макдональд. Прения по вопросу о безработице в палате общин, 29/V — 24 г. По отчету «Таймс», 30/V — 24 г.)

Точно так же вожди Всегерманского объединения профсоюзов, вернувшись из новой обетованной страны социал-демократии, из Америки, пишут в своей книге:

> Добиваться более высокой зарплаты не только социально необходимо. От выполнения этого долга зависит целиком прогресс промышленности.

Здесь также поработала ревизия старой социал-демократической программы. Новое евангелие Форда, евангелие экономического спасения при помощи высокой зарплаты заменило старые марксистские взгляды о неизбежном углублении экономических противоречий и об относительном ухудшении положения рабочего класса в целом.

Наиболее грубое выражение новой модной пропаганды мы находим опять у мистера Уитли, который выкладывает свой мешок обещаний, смущая даже своих коллег:

> Поднятие уровня жизни автоматически создало бы рынок для наших слишком обильных товаров... Проблема безработицы была бы разрешена... Народ был бы экономически освобожден... Социализация средств производства, как средство улучшить производство, тогда прошла бы безболезненно. Вместо того, чтобы притти к социализму через голод, наш народ, как Брейльсфорд сказал в Маргэте, вошел бы в социализм через эру процветания. («Форуорд», 30/X — 26 г.)

Таким образом повышение заработной платы не только расширит внутренний рынок, «разрешит проблему безработицы» и создаст «процветание» без всякого социализма, оно также «экономически освободит» народ в то время, как капиталисты останутся владельцами орудий производства.

Стоит отметить, что некоторые группы капиталистов ведут подобную же пропаганду, хотя и с особыми целями, которые впоследствии будут разъяснены. Самый видный из таких капиталистов американец Генри Форд:

> Депрессия может быть излечена лишь покупательной силой, а источник покупательной силы заработная плата... Эта мысль — расширить покупательную силу, платя высокую заработную плату и продавая по низким ценам, — создала процветание нашей стране. (Генри Форд. «Сегодня и завтра».)

Условия, создавшие новое евангелие, ясны. Старая реформистская пропаганда разбилась, натолкнувшись на капиталистический кризис. Как мы уже говорили, сегодняшняя практическая политика реформистов неизбежно сводится к снижению зарплаты. Необходимо создать новый миф, чтобы не потерять всякого влияния на рабочих и удержать их от определенных революционных выводов. Такой миф создается

в виде грядущего «возрождения капитализма», которое даст изобилие всем. Бесполезно обещать высокую зарплату, которая будет отвоевана у капиталистов, поскольку реформистские вожди явно не хотят борьбы. Поэтому необходимо обещать высокую заработную плату, которая будет достигнута путем соглашения с капиталистами в качестве средства возрождения хозяйства и обеспечения более высоких прибылей капиталистам. Пропаганда американских капиталистов и их экономика высокой зарплаты дают почву для этих реформистских теорий. Американский капитализм все еще находится в стадии подъема и поэтому может еще в течение некоторого времени рисоваться, как некая Мекка.

Какова база этого нового евангелия?

Практическая база — это американский пример, который, несмотря на всю свою неприменимость в Европе, имеет некоторую пропагандистскую цену, как «практический» пример — разумеется, лишь до изменения условий. О нем ниже. Теоретическая же база — опять-таки «теория недопотребления», утверждающая, что причина безработицы и кризиса кроется не в капитализме как таковом, а только в недостаточной зарплате, которую капиталисты платят рабочим. Если бы платилась более высокая заработная плата, все было бы хорошо.

> Большая доля, чем обычно в нашем обществе, должна итти к массам, получающим зарплату, и меньшая доля — к классу предпринимателей и капиталистов. («Прожиточная заработная плата», стр. 10.)

Рассуждение, повидимому, идет по следующему пути:

1) Кризис капитализма заключается в неспособности найти рынки, могущие поглотить продукт современных возросших производительных сил.

2) Если бы заработная плата была увеличена, внутренний рынок расширился бы.

3) Поэтому разрешение кризиса капитализма заключается в увеличении заработной платы.

Здесь мы имеем идиллическое разрешение вопроса без борьбы, дающее выгоды всем и задержанное только глупостью и «отсутствием воображения» капиталистов. К несчастью, достаточно беглого рассмотрения, чтобы доказать, что это идиллическое решение является идиллической бессмыслицей.

Кто платит рабочим зарплату? Капиталисты.

Кто продает рабочим товары за их зарплату? Капиталисты.

Могут ли капиталисты получить больше от рабочих в уплату за товары, которые они им продают, чем они платят рабочим в виде зарплаты? — Разумеется, нет.

Капиталистам предлагают платить больше из одного кармана, чтобы иметь удовольствие получить это обратно в обмен на товары в другой карман. Было бы проще предложить капиталистам сделать прямой подарок рабочим.

Капитализм, однако, работает лишь ради прибылей. Поэтому здесь нет решения вопроса.

Отдельные отряды капиталистов, «обслуживающие» потребление рабочего класса, могут получать прибыль, продавая рабочим, т. е. из зарплаты рабочих. *Но класс капиталистов в целом не может извлекать прибыль из продажи рабочим, т. е. из той зарплаты, которую он сам платит рабочим.* Это элементарно и не требовало бы повторений, если бы великое разрешение капиталистического кризиса при помощи покупательной силы рабочих не провозглашалось сто раз на день с каждой социал-демократической трибуны.

Откуда получается прибыль капиталистов? Как раз из той части продукции, которая не идет рабочим. Если бы эквивалент всей массы новой продукции в год (т. е. после отсчета ценности, необходимой для восстановления средств производства, — новая ценность, созданная трудом рабочих в течение года) превращался в заработную плату, т. е. возвращался к рабочим, произведшим их, то не было бы прибыли. При таких условиях капиталисты не занимались бы производством, не было бы предприятий — другими словами, такая гипотеза невозможна при капитализме. Только при общественно-организованном производстве рабочие могут пользоваться (социально) полным эквивалентом новых ценностей, которые они производят. При капитализме рабочие на свою зарплату никогда не смогут покупать больше, чем часть новых ценностей, которые они создают. Никакие предложения изменить величину этой части не смогут отменить того факта, что это только часть и что остается излишек, который должен быть реализован другим путем с целью дать прибыль. *Искать разрешения проблемы в продаже излишка*

рабочим и заявлять, что это есть разрешение кризиса сбыта капитализма, является поэтому бессмыслицей.

Другими словами, прибыль происходит как раз от *неоплаченного* труда рабочих, от прибавочной ценности или новой ценности, производимой рабочими сверх того, что необходимо для обновления средств производства и для поддержания их жизни, от прибавочной ценности, присваиваемой капиталистами в силу их собственности на средства производства. Извлечение максимума этой прибавочной ценности и реализация ее в денежной форме составляют всю цель и проблему капитализма. Часть массы продукции, представляющей прибавочную ценность (прибавочный продукт), по самому определению не может быть продана рабочим, поскольку они не получают зарплаты за нее. Объем прибавочного продукта постоянно растет с ростом производительных сил и с расширением капиталистического производства, углубляя таким образом капиталистическую проблему сбыта. Считать, что проблема может быть смягчена, если капиталисты при помощи более высокой зарплаты дадут рабочим возможность покупать большую часть массы продукции, это значит предлагать, чтобы капиталисты уменьшили свой излишек. Чем меньше будет их излишек, тем «меньше» будет и проблема.

Разумеется! Если отнять у миллионера его миллион, у него исчезнет необходимость заботиться о сохранении этого миллиона. Между тем вряд ли этот мудрый совет заставит его отказаться от миллиона. *Смысл существования и конечная цель, неизбежная движущая сила, вся пружина конкурентной борьбы капитализма ведет не к уменьшению, а к увеличению прибавочной ценности до максимально достижимой точки.*

Где же, в действительности, этот прибавочный продукт, являющийся товарной формой прибавочной ценности, продается, реализуется в денежной форме и превращается в ренту, процент и прибыль? Он может быть продан тремя различными способами: 1) для потребления капиталистов; 2) для расширения производства (в форме средств производства); 3) на иностранных рынках, причем уплата получается либо в форме ввоза товаров, либо в форме вложения за границей капиталов. Первое (потребление капиталистов) неиз-

бежно ограничено естественными пределами. Накопление — главная цель капитализма — может удовлетворяться только из второго и третьего. Следовательно, все стремление капитализма идет в направлении второго и третьего: в направлении иностранных рынков и выгодных новых вложений капитала, главным образом за границей. В передовой капиталистической стране, подобной Великобритании, эти два источника, а не внутренний рынок, составляют практические факторы разрешения проблемы с точки зрения капиталистов.[1]

Таким образом, мы имеем полный контраст между точкой зрения капитализма на практике в Великобритании в отношении характера проблемы и необходимых средств и мифическими надеждами реформистских социалистов.

Капиталисты видят единственный выход в расширении внешних рынков. Путь к этим рынкам они находят в удешевлении производства. Путь к удешевлению производства заключается в сокращении заработной платы. Отсюда наступление капиталистов на уровень жизни рабочих.

Реформистские социалисты проповедуют в качестве выхода расширение внутреннего рынка. Путь к этому они видят в повышении заработной платы. Это решение не имеет никакого отношения к капиталистической действительности, к которой реформистские социалисты применяются в своей практике (уговаривают рабочих принять сокращение зара-

---

[1] При развитом капитализме экспорт капитала «оплачивает» экспорт товаров. Меморандум Федерации британской промышленности в 1925 г. говорит следующее о довоенном экономическом базисе британской промышленности:

> Процветание британской промышленности до войны зависело в первую очередь от непрерывно расширяющейся внешней торговли, возможной благодаря постоянному вложению большой доли британского капитала с целью развития до сих пор отсталых стран.

Разумеется, вся структура должна в конечном счете привести к потреблению. Но эта точка может быть весьма отдаленной на практике (железные дороги дают экономический эффект через 20 лет). «Потребление» может принять форму колониальной войны или другого непроизводительного расхода, оплаченного будущим трудом порабощенной колониальной нации. Прибыль капитализма получается в процессе непрерывного расширения системы. Форма конечного потребления безразлична. Капитализм управляется не общественными выгодами, а более высоким уровнем прибыли.

ботной платы, отвлеченно проповедуя политику высокой заработной платы).

Каким образом реформистские социалисты изображают в качестве практического выхода при капитализме линию, столь явно противоречащую действительной линии и движущей силе капитализма на практике? Ответ заключается в том, что они используют принципы социалистического решения и пытаются применить его к условиям капитализма, упуская маленькую «подробность» классовой борьбы и завоевания власти рабочим классом. Отсюда легкие пропагандистские эффекты их схемы и полная ее практическая нереальность в условиях капитализма.

Очевидно, что социалистическое разрешение противоречий между производством и потреблением заключается в том, чтобы использовать возросшие производительные силы в целях борьбы с бедностью масс во всем мире. До сих пор великое открытие реформистов сводится к азбуке социалистической пропаганды со времен Оуэна и Сен-Симона. Но социал-реформисты на деле выдвигают нечто другое. Они говорят о повышении покупательной силы для разрешения вопроса безработицы. Другими словами, они предлагают применить социалистическое решение к капиталистическим условиям. Именно здесь заключается их ошибка.

Социалистическое решение невозможно без необходимых условий социализма, являющихся его предпосылкой, т. е. без объединенного общественного контроля над производством, который может быть завоеван лишь при помощи завоевания власти рабочим классом. При капитализме не существует объединенного общественного контроля, а имеется лишь конфликт интересов. Даже соглашения капиталистов ведут лишь к конфликтам на расширенной основе.

Таким образом, теоретически интересы капитализма, как целого, могут заключаться в том, чтобы поднять долю, а следовательно, и покупательную силу рабочих, с целью отсрочить свой собственный крах, т. е. уменьшить свою собственную долю и сократить накопление с целью облегчить нынешнее напряжение и купить несколько добавочных лет жизни на более низком уровне. Добрая Независимая рабочая партия пытается убедить капитализм поступить так, чтобы про-

должить свою жизнь, т. е. продолжить эксплуатацию рабочего класса.

Но на свете нет единого капитализма, составляющего некое сознательное целое. Поскольку хотя бы один отряд капиталистов может извлечь хотя бы временную выгоду из сокращения издержек производства, он будет их сокращать. *Цена рабочей силы зависит от экономических и классовых сил, а не от идеальных соображений.* Даже так называемая политика высокой заработной платы в Америке, распространяющаяся на деле только на меньшинство, явилась по свидетельству всех наблюдателей не следствием сознательной социальной политики, а следствием недостатка рабочих рук, вследствие прекращения иммиграции. За последний период, в виду роста безработицы, вследствие более высокой организации производства, средняя реальная заработная плата показывает признаки снижения, и новое наступление на заработную плату в полном разгаре.

Более высокая заработная плата при капитализме (высокая реальная заработная плата) может быть получена лишь двумя путями. Либо высокая зарплата получается благодаря сильной позиции («монопольной ценности») рабочих — монопольной ценности в новой стране, где испытывается недостаток рабочих рук при быстро расширяющемся предпринимательстве, либо солидарностью в борьбе и стопроцентном участии в профсоюзах в более старой стране, подобно Англии, где капитал имеет больше рабочих в своем распоряжении, чем он может занять. Это единственно реальный путь, на котором рабочие могут получить действительную выгоду за счет капитала, увеличивая свою долю за счет прибавочной ценности. Если реформисты добиваются действительного увеличения доли рабочих за счет прибавочной ценности, они могут добиться этого лишь борьбою. Капиталисты будут противиться. Но именно борьбы реформисты не хотят, как показала их роль во время борьбы горняков, когда они отстаивали согласие на «временное» сокращение заработной платы во имя капиталистической реорганизации.

В другом случае, более высокая заработная плата при капитализме может возникнуть на основе возросшего производства, дающего более высокий уровень прибавочной ценности и таким образом скрадывающего более низкую отно-

сительную заработную плату. Такова капиталистическая теория высокой заработной платы (так называемая теория «экономности высокой заработной платы»). Объем производства увеличивается при помощи большей интенсивности труда, технического развития, сдельщины, отмены профсоюзных правил, научной организации производства и т. п. приемов для извлечения большей массы труда в то же или даже в меньшее время. В таком случае рост производства позволяет повышать зарплату, оставляя в то же время увеличенную долю прибавочной ценности.

Но если Независимая рабочая партия проповедует именно это, тогда ее политика ни в какой мере не является разрешением основного кризиса капитализма. Такая политика лишь углубляет противоречие между производством и потреблением. Увеличенное производство значительно перевешивает увеличенную покупательную силу, полученную путем повышения заработной платы, и оставляет еще большую массу товаров для реализации. Независимая рабочая партия, довольствуясь такими поверхностными общими местами, как «увеличенная покупательная сила», «внутренний рынок», «поглощение наших слишком обильных товаров», «разрешение проблемы безработицы» и т. д., даже не видит проблемы. Ей кажется очевидным, что увеличение зарплаты приводит к расширению внутреннего рынка и разрешает вопрос о реализации товаров. Между тем в этом гвоздь вопроса, даже при самом элементарном понимании капитализма. *Диспропорция между общим объемом производства и покупательной силой рабочих расширяется, а не сокращается.*

Полное непонимание *капиталистического* характера проблемы ярко иллюстрируется собственными предложениями Независимой рабочей партии. Так, например, в докладе о прожиточной заработной плате (стр. 16) авторы считают, что небольшое расширение кредита для полного использования существующего капитала и труда позволило бы расширить производство на 350 миллионов фунтов.

Исходя из существующей основы распределения, они считают, что часть, идущая на ренту, проценты, прибыли, составляла бы 200 миллионов фунтов и часть заработной платы — 150 миллионов фунтов. Но из последней цифры нужно вычесть отчисления на безработицу и помощь бедным,

которую они получали до сих пор. Поэтому «чистая прибавка покупательной силы масс составила бы, скажем, 100 миллионов».

Таким образом, при добавлении 350 миллионов фунтов к общей массе продукции 100 миллионов будут добавлены к покупательной силе масс.

Что же случится с остальными продуктами стоимостью в 250 миллионов фунтов, прибавленными к существующей массе продуктов, для которых капитализм, как всеми признано, с трудом находит рынок сбыта? — Вопрос этот даже не ставится. Между тем, очевидно, что диспропорция между покупательной силой рабочих и массой производства в этом случае не уменьшилась бы, а возросла.

Может быть, 250 миллионов фунтов пойдут на вывоз (после удовлетворения личного спроса капиталистов и их спроса на новые орудия производства)? В таком случае «расширение внутреннего рынка» означает относительно гораздо большее расширение внешнего рынка. Но это исключается. «Мы не строим нашу политику на перспективе расширяющегося внешнего рынка» (стр. 51). Здесь нет спасения. Ясно, что добавочный продукт, стоимостью в 250 миллионов фунтов, должен быть как-то поглощен путем гигантского расширения потребления капиталистов и производительного потребления на внутреннем рынке. Каким образом продукты, получающиеся в результате пуска в ход и даже расширения существующих судостроительных, железоделательных и сталелитейных заводов, будут поглощены без расширения внешнего рынка, на чисто внутренней основе, остается неясным.

«Разрешение» кризиса капитализма при помощи расширения внутреннего рынка, на основе повышенной заработной платы, смешивает две противоположные политики: 1) ограничение прибавочной ценности, что с точки зрения капитализма является не решением, а отступлением, против которого нужно бороться и к которому, следовательно, можно принудить лишь рост мощи рабочих в классовой борьбе за зарплату; 2) капиталистическая политика более высокой зарплаты для обеспечения увеличенного производства, продукт которого не может быть поглощен увеличенной заработной платой и должен итти на мировой рынок.

«Популярная» пропаганда Независимой рабочей партии исходит из первого варианта, забывая, однако, о неизбежной борьбе. Практика, подробности и подлинное значение ее политики сводятся ко второму варианту, который соответствует линии современного передового капитализма типа Форда и приводит к увеличенной эксплуатации рабочих и к углублению капиталистического кризиса. Наконец, даже эта пропаганда является мифом в отношении к действительным условиям и практике европейского капитализма, который, находясь в периоде упадка, пытается вводить «американские» методы и реорганизацию производства при сокращении заработной платы.

§ 2. АМЕРИКАНСКИЙ МИФ.

Соединенные штаты представляются реформистскому социализму в Европе живым образчиком возможности капиталистической реконструкции, которая принесет благосостояние для всех и высокую заработную плату для рабочих. В частности НРП видит в Соединенных штатах подтверждение своей теории, что высокая заработная плата, расширяющая внутренний рынок в соединении с научной кредитной политикой, может разрешить капиталистические кризисы и дать непрерывно распространяющееся процветание.

Это преклонение перед Соединенными штатами, как перед путеводной звездой реформистской и капиталистической пропаганды, естественно в период капиталистического упадка. Соединенные штаты в настоящее время являются центром мирового капитализма; капитализм движется здесь еще по восходящей линии; здесь все еще есть возможность поддерживать на время иллюзии, которые уже износились в более старых капиталистических странах; здесь поэтому неизбежно оказывается магнит для всех почитателей капитализма. Поэтому, как мы видим, не только Болдуин и вся капиталистическая пресса, но и правое крыло «социалистов» и лидеров трэд-юнионов, воспевают хвалу Америке и указывают на американское богатство, как на капиталистическое доказательство ненужности классовой борьбы, представленной Советским союзом. «Америка против Москвы», «Форд против Маркса», «американское богатство против русской

нищеты» — таковы более вульгарные лозунги кампании, которая игнорирует все действительные социальные причины, факторы и динамику капиталистического упадка.

Мы приведем один или два наиболее крайних примера этого типа пропаганды НРП. Перед нами либеральный «социалистический» писатель Норман Энджель, который пытается ответить на книгу Троцкого «Куда идет Англия?». Начав с длинного повествования о мнимом «банкротстве попытки продиктовать коммунизм в России», он переходит к изображению традиционной картины благополучия американских рабочих, как к доказательству ненужности «политической революции», завоевания власти рабочим классом для того, чтобы улучшить условия жизни рабочих.

> За последние 30 или 40 лет в Америке произошла громадная перемена в области жизненного уровня рабочих. В то время как 30 лет тому назад рабочий зарабатывал доллар или полтора доллара в день, в настоящее время он зарабатывает 3 — 4 или даже 5 долларов; сделав все необходимые поправки на изменение ценности денег, мы все же видим огромный рост. В целом ряде профессий — строительное дело, машиностроение, и другие — рабочий может жить с большим комфортом, с таким комфортом, который включает в себя собственный автомобиль. В перечисленных отраслях промышленности рабочий зарабатывает от 3 до 4 фунтов в день. Годовой заработок часто превосходит 1 000 фунтов в тех отраслях, где возможность работы постоянная, как, например, среди железнодорожников... Из каждых пяти семей, четыре по всей стране имеют автомобиль. Как бы ни относиться к этому, необходимо признать, что перед нами экономическая революция. Она не явилась результатом политической революции, она не явилась даже результатом настойчивой борьбы трэд-юнионов... своим происхождением она обязана собственным интересам нанимателя — его правильно понятым интересам. (Норман Энджель. «Должна ли Англия итти по пути Москвы?», стр. 175.)

Не станем останавливаться на фантастическом характере этой картины, которая доверчиво принимает за чистую монету самую грубую американскую рекламу и не принимает в расчет массовую нищету, детский труд и иные условия,

на которых воздвигнут тонкий слой богатства. Важнее обратить внимание на направление аргументации. Автор пытается при помощи своих примеров доказать возможность прогресса для рабочего класса Англии в пределах капитализма, на основе «собственных интересов буржуазии». Он пытается доказать, что эти «факторы представляют неизмеримо больше возможности успешного преобразования», чем тактика классовой борьбы.

Тем же способом «Нью Лидер» в статье, озаглавленной «Америка как школа для социалистов», умозаключает непосредственно от Америки к Англии, не считаясь с различием условий, и пытается обосновать американское благосостояние попросту на некоем волевом акте, на политике высокой заработной платы, которую Англия смогла бы тотчас же повторить, если бы только этого захотела:

> Нынешнее положение Америки доказывает то, что отстаивалось давно многими из нас. Именно, что общество может жить на любом желательном для него уровне. Оно может жить на уровне 30 шиллингов в неделю, на уровне 3 или 5 фунтов и так далее, или же оно может покончить самоубийством. Америка решила жить на уровне 5 фунтов в неделю, в то время как Великобритания решила покончить самоубийством. (У. Уэллок. «Америка как школа для социалистов», «Нью Лидер», 26/III — 26 г.)

Итак, американское процветание основано не на естественных и общественных силах, а на магически вдохновленном акте воли.

Такая глубоко неисторическая трактовка американского феномена типична для идеалистической школы мысли НРП. Между тем совершенно очевидно, что американское богатство и рост основаны на вполне ощутимых материальных условиях и исторических процессах, которые так же легко поддаются открытию и объяснению, как и аналогичное «чудесное» богатство и рост Англии в XIX веке.

Когда население, составляющее 7% населения мира и занимающее 5% земной поверхности, владеет развитыми естественными ресурсами, способными дать 22% мирового сбора пшеницы, 43% угля, 53% меди, 59% хлопка, 60% стали и 72% нефти; когда население это, составившееся в значительной мере из верхушки квалифицированных рабочих

и наиболее предприимчивых элементов населения старых стран, имеет возможность развивать эту огромную и богатую территорию, свободную от феодальных пережитков и исторических обломков; когда при этом оно получает поддержку со стороны капитала, накопленного в более старых капиталистических странах, и развивает страну как единую экономическую область; по мере открытия достаточных путей сообщения, переходит к массовому производству в масштабе, неизвестном старым капиталистическим странам; когда такая страна, после окончания начального периода колонизации, развивается до степени ведущей в экономическом и финансовом отношении мировой державы, непосредственно господствующей над двумя континентами и протягивающей руку к остальным, привлекает к себе половину мирового запаса золота, на этой основе расширяет кредит и извлекает дань со всего мира, — тогда все эти условия неизбежно выражаются в периоде гигантски ускоренного производства и экспансии, объедки от которых попадут также на стол рабочих привилегированной страны и преимущественно на долю высшего слоя рабочих.

Но это не значит, что страна эта в какой-либо мере изъята из действия общих законов капиталистического развития и из сферы последних противоречий капитализма. Не изъята эта страна и из противоречий мирового капитализма, в которые она все более и более ввязывается именно вследствие своей экспансии. Поэтому рассматривать условия временно привилегированных рабочих, вернее, верхнего меньшинства их, в метрополии мирового капитализма и империализма, как нечто показательное для будущих судеб рабочего класса и его борьбы, а не как позднейший и кульминационный пример американского подкупа верхних слоев рабочих, — значит попросту вести политику страуса и вновь повторять заблуждения старой английской рабочей аристократии, на этот раз гораздо менее извинительное, так как весь процесс сейчас не только предсказан, но и доказан практикой.

НРП пытается объяснить американское процветание высокой заработной платой, создающей обширный внутренний рынок.

Многое объясняется тем, что ограничение иммигра-

ции и связанный с ним недостаток рабочей силы заставили нанимателей перейти к политике высокой заработной платы. Это дало им обширный внутренний рынок и позволило в полной мере развить массовое производство.

Здесь перед нами фантастически неверное объяснение несомненного самого по себе факта наличия обширного внутреннего рынка, который является одним из важнейших факторов американских условий производства, дающих преимущество Америке перед европейскими странами. Совершенно верно, что преобладающая роль внутреннего рынка для американской промышленности (экспорт в настоящее время составляет лишь около 10% всей американской продукции, а для промышленных изделий даже меньше — 4,3% в 1923 г.) составляет коренное отличие по сравнению с английскими условиями. А это лишает всякой почвы попытку непосредственно перенести американские методы в Англию. Именно этого различия НРП совершенно не учитывает. Между тем совершенно ясно, что даже самая высокая в мире заработная плата не в состоянии была бы создать в Англии внутренний рынок, сравнимый с американским и дающий такую же возможность для массового производства. (Сводя различие условий к минимуму, нужно все же отметить, что население Англии вдвое меньше населения Америки.)

Но фактически неверно, что объем американского внутреннего рынка объясняется или хотя бы преимущественно объясняется высокой заработной платой промышленных рабочих. Из 41,6 миллиона самодеятельного населения Соединенных штатов в 1920 году 12,8 миллиона, или менее $^1/_3$, было занято в промышленности; 10,9 миллиона или почти столько же было занято в сельском хозяйстве и лесном деле; 1 миллион в горном деле, 3 миллиона на транспорте и остальные 14 миллионов в торговле и услугах. Таким образом, обширный внутренний рынок Америки основан на комбинации следующих факторов: 1) фермеры; половина населения живет сельским хозяйством; в этом одно из основных отличий от английских условий, и к важности этого отличия мы еще вернемся; 2) промышленные рабочие, которые естественно не могут купить более, чем часть своего продукта; 3) посредники и лица, занятые в паразитических услугах;

они лишь отражают объем американского богатства и прибылей, но своей численностью они создают обширнейший рынок; 4) буржуазия, поскольку она расходует свои прибыли непосредственно на предметы потребления, а не на услуги (3 группа) или на новые вложения капитала.

Что представляет каждая группа в смысле покупательной силы, т. е. в смысле относительного значения для внутреннего рынка? В 1924 г. президент Кулидж заявил, что «ежегодные расходы федерального и местного правительства составляют 10 миллиардов долларов; эта сумма равна тому, что почти все американские фермеры, взятые вместе, выручают за свой годовой продукт или же 93 процентам всей заработной платы в промышленности. Расходы эти составляют 1 доллар из каждых 6 долларов народного дохода».

Из этого следует:

1) $^1/_6$ (или точнее 18%) американского народного дохода идет на заработную плату в промышленности.

2) $^1/_6$ народного дохода поступает в руки фермеров.

3) Поэтому $^1/_3$ народного дохода поступает к непосредственным производителям.

4) Остальные $^2/_3$, следовательно, идут в: а) транспорт и торговлю; б) услуги; в) прибыли, ренту и комиссии.

Итак, заработная плата промышленных рабочих, даже если включать в нее фантастические оклады высокооплачиваемых директоров и т. д., составляет максимум 18% внутреннего рынка. Если даже считать всех наемных рабочих во всех отраслях, составляющих 63% населения, то общие доходы их, согласно данным правительственной статистики доходов на 1924 г., составляют 39,5% всего народного дохода, или немного свыше $^1/_3$.

Промышленные рабочие, следовательно, даже получая самые высшие ставки, о которых говорят баснословные отчеты, не могли бы составлять и не составляют более чем один и притом не наиболее важный фактор объема американского внутреннего рынка. Фермеры составляют рынок, примерно, такого же объема. Значение их более важно, чем видно из цифр об их доле в национальном доходе. Дело в том, что фермерам постоянно не доплачивают за их продукты. Движение цен с 1914 г. ярко иллюстрирует этот факт. Если принять за базис 100 цены 1909 — 1914 гг., то уровень цен

сельскохозяйственных товаров составлял в ноябре 1926 г. 130, тогда как соответствующая цифра для неземледельческих товаров была 161. Различие этих двух цифр вскрывает растущую эксплуатацию американского фермера промышленным капитализмом. Орудием в этом процессе является высокий покровительственный таможенный тариф на промышленные изделия. (Возможно, что интересы банковских капиталистов, занятых международной эксплуатацией, начнут разрушать этот тариф, если окажутся достаточно сильными.) Итак, на деле фермеры дают в обмен на промышленные изделия большее количество товаров, чем можно было бы думать по количеству денег, переходящих в их руки. *Эксплуатация фермерского населения является одной из важнейших основ американского промышленного процветания.*

Но кроме того картина высокой заработной платы в промышленности, рисуемая обычно пропагандой капиталистов в НРП, при сколько-нибудь серьезном рассмотрении оказывается крайне поверхностной, преувеличенной и неверной. Указываемая высокая заработная плата существует лишь для небольшого меньшинства квалифицированных рабочих, в небольшом количестве отраслей; но даже и для этой группы не пытаются ответить на вопрос, в течение какого периода своей жизни рабочий получает эту заработную плату. Не обращают внимания и на отсутствие какого бы то ни было страхования от безработицы, болезни, старости и несчастных случаев. Что же касается массы рабочих, рабочих в менее привилегированных отраслях промышленности, неквалифицированных рабочих, женщин, негров и детей, то получается совсем иная картина.

Средний заработок всех американских промышленных рабочих в 1919 г. составлял 1 155 долларов (промышленная перепись 1919 г.). В том же году официальное Бюро рабочей статистики Соединенных штатов считало, что необходимый *минимум* «для содержания семьи из 5 человек на уровне здоровья и приличия» — составляет 2 262 доллара. Таким образом, средний заработок в 1919 г. составлял 51% прожиточного минимума. Чтобы читатель не подумал, что этот прожиточный минимум является чересчур высоким, «американским» жизненным уровнем, следует объяснить, что рабочий бюджет, из которого исключены все расходы на

отдых, книги, сбережения и т. д., представляет собой не идеальный или чисто американский уровень жизни, а «низший уровень здоровья и приличия, ниже которого семья не может опуститься без опасного физического и морального вырождения». С тех пор, с 1919 до 1925 г., произошло повышение реальной заработной платы, которое на основе официальных цифр принимается в 25—30%. Принимая наиболее благоприятные цифры, мы приходим к выводу, что *в 1925 г. средний заработок рабочего был на 20—30% ниже официального прожиточного минимума для семейства из 5 человек*. Ничтожное меньшинство получает высокую зарплату, в то время как бедность масс увеличивается. В виду исключительного богатства Америки, богатства, основанного на почти безграничных естественных ресурсах и на изобилии современных научных и технических сил, этот результат кажется нам не слишком блестящей рекламой для способности капиталистов к социальной организации. Этот результат опровергает ходячее мнение, будто капитализм переменил шкуру в Америке или перестал жить разорением и вырождением народных масс.

Еще более важно, чем абсолютное движение и размер заработной платы, относительное движение ее, которое всегда служит подлинным показателем положения рабочего класса. Пропаганда типа «Дейли Мэйль» или Нормана Энджеля доказывает сенсационный прирост заработной платы и увеличение ее доли в национальном богатстве. Каковы же факты?

Между 1890 и 1914 гг. не было увеличения реальной заработной платы, напротив, было снижение. Статистики выяснили, что реальная зарплата упала с 635 долларов в год в 1889 г. до 568 долларов в 1914 г. (У. Э. Уоллинг. «Американский труд и американская демократия», стр. 220.)

> С середины 1908 г. до середины 1925 г. покупательная сила заработной платы продолжала оставаться на более низком уровне, чем в период 1890—1907 гг. (Британская Энциклопедия, 12 изд., т. 32, ст. «Заработная плата», отдел Соед. штаты, стр. 914.)

В той же статье указано, что «значительная часть неквалифицированных рабочих Соединенных штатов получала даже в 1921 г. заработную плату, совершенно недостаточ-

ную для приличного существования». Указывается, что 75% работниц и по крайней мере 6 миллионов взрослых мужчин находятся ниже такого уровня.

Остается период 1914 — 1925 гг. (действительное повышение заработной платы происходило только в 1921 — 1923 гг.). «Промышленный бюллетень» показывает повышение общей средней заработной платы за этот период на 27%. Международное бюро труда в специальном этюде об этом вопросе заключает:

> Выдающийся фактор состоит в том, что реальная заработная плата в Соединенных штатах Америки в 1924 и 1925 гг. приблизительно на 20 — 30% выше, чем в 1914 г. («Изменения заработной платы в 1914 — 1925 гг.», Международное бюро труда, 1926 г.)

Британская правительственная миссия в Америке сообщает:

> Согласно отчету федерального департамента труда, среднее повышение стоимости жизни за 1906 г. составляло 75,5% по сравнению с 1914 г. Средний заработок почти во всех случаях увеличился по крайней мере на 100% за тот же период, так что, говоря вообще, рабочий в Соединенных штатах сейчас живет лучше, чем в 1914 г. (Отчет делегации в Америке, 1927 г., стр. 33.)

Если стоимость жизни составляет 175, принимая единицу за 100, а номинальная заработная плата 200, это означает повышение реальной заработной платы на 14%.

Таким образом, между 1890 г. и 1925 г. реальная заработная плата в Америке возросла максимально на 25%, согласно же цифрам британской миссии — на 14%. При этом оставляется без внимания падение между 1890 г. и 1914 г., что дало бы подлинную среднюю цифру еще меньшую, быть может, лишь 10%. Вот и вся правда, кроющаяся за рекламой. Доллар Энджеля превратился не в 3 — 4 или 5, но в 1¼ доллара за 35 лет!

Теперь сравним с этим рост национального богатства за тот же период. Нэшиональ Сити Банк в Нью-Йорке публикует следующую таблицу роста американского богатства между 1900 г. и 1924 г.:

	1900	1914	1924
	В тысячах млн. долларов		
Богатство	88	186	320
Капитал фабрик и заводов	9	22	44
Ценность продукции	11	24	43
Ценность экспорта	1,4	2,3	4,3

Итак, между 1900 г. и 1924 г. американское богатство возросло на 263%. Экспорт увеличился на 207%. Ценность фабричного производства на 388%. Но реальная заработная плата возросла на 25% или по сведениям британской миссии на 14%.

Между 1900 г. и 1924 г. реальное богатство (учитывая изменение стоимости денег) увеличилось на 96%. В тот же период реальная зарплата увеличилась на 14 — 25%. Богатство увеличилось в 4 — 6 раз больше, чем заработная плата.

Так марксистское предсказание о ходе капиталистического развития и накопления, об относительном уменьшении доли рабочего класса не только не опровергается американским примером, как думает Независимая рабочая партия, но получает в нем наиболее яркое историческое подтверждение.

Но отсюда следует, что противоречия капиталистического развития, которые уже ослабили и грозят парализовать европейский капитализм, также неизбежно ждут и капитализм американский.

Рост продукции фактически не поглощается заработной платой, доля продукции, покупаемая рабочими, даже сокращается. Увеличивающаяся норма капиталистического накопления и рост производительных сил приводят к необычайно ускоряющемуся расширению производства. Отсюда следует, что проблема рынков, которая только что начала серьезно беспокоить американский капитализм, должна быстро становиться все более острой. Экспансия, выход на внешние рынки, едва только началась. Хотя американский экспорт чрезвычайно велик по своей абсолютной ценности и превышает вывоз всех других стран, он ничтожен в отношении ко всему производству. Все наблюдатели согласны, что объем экспорта должен быстро увеличиваться. Американские фабриканты, по их собственным словам, лишь начали «царапаться» в двери экспортных рынков.

Однако уже в 1924 г., когда только 8% американской промышленной продукции шло за границу, эти 8% составляли ценность в 4 470 миллионов долларов, или 894 миллиона фунтов. В то же время английский вывоз составлял 743 миллиона фунтов. Уже эти 8% очень ощущаются на мировом рынке. Что же произойдет, когда эта цифра станет быстро увеличиваться? В то же время финансовые операции того же самого американского капитализма собирают все более растущую дань в виде задолженности всего мира. Эта задолженность может уплачиваться только товарами, в то время как движение товаров все более тяжко давит в противоположном направлении. Здесь мы имеем узел мирового и американского капитализма, который не может быть развязан в пределах капитализма. Американский капитализм не только не представляет собой мирного разрешения трудностей капитализма, как думают европейские реформисты. *Американский капитализм является движущей силой будущего мирового кризиса, в сравнении с которым 1914 г. покажется бурей в стакане воды.*

Капитализм в Америке, если понять специальные условия, определяющие его структуру, не отличается в основном от всего мирового капитализма. Только его бесконечно бо́льшие масштабы придают ему подавляющее мировое значение. Здесь существуют те же основные противоречия, разделение на классы, накопление и бедность, ведущие к тем же основным результатам. Безграничность его материальных и человеческих ресурсов делает его более грубым и варварским, несмотря на его «передовую» научную внешность, чем кто-либо из его предшественников. Он беспощадно расхищает свои национальные ресурсы. Открыто и цинично выявляет испорченность и беззаконие своей плутократической государственной машины. Он обходится без самых элементарных социальных реформ, без охраны здоровья рабочих, без пенсий для стариков, без защиты детей. В 1920 г. 1 060 858 детей в возрасте от 10 до 15 лет работали в этой стране беспримерного богатства. Американский капитализм обнаруживает милитаристскую жестокость в своей классовой тирании еще до того, как возникает вопрос о сознательном рабочем классе, стремящемся завоевать власть (в 1924 г. по сведениям Американской федерации труда частные агентства

капиталистов содержали 135 000 промышленных шпионов, агентов-провокаторов и вооруженных охранников. Известны кампании за «открытые мастерские», запрещение профсоюзов, кровавые конфликты в угольных, железных и стальных районах). Короче говоря, этот социальный рай характеризуется теми же контрастами, только на более широкой основе и с более анархическим презрением к человеческой жизни и ценностям, создаваемым человеком.

Социалисты, которые хотят молиться перед этой лживой иконой, должны были бы прочесть статью американского либерально-прогрессивного журнала «Нью Репюблик» на тему о новом британском самообмане. Статья говорит о «теории американского процветания, которая быстро распространяется в Англии», и о стремлении объяснить это процветание не простой эксплуатацией огромных естественных ресурсов, но каким-то магическим новым принципом управления, классового сотрудничества, высокой заработной платы, кредита, машинизации и т. д. Предполагается, что, угадав этот принцип, можно было бы немедленно воспроизвести в Англии американское благосостояние. Статья привлекает внимание к тому, что 1) само это изображение американской промышленности неточно и 2) что «американские» методы не привели бы к процветанию Великобританию. Американский капитализм все еще так богат естественными ресурсами и так молод, что он может позволить себе безграничную расточительность, свойственную существующей системе собственности. Британский капитализм не может себе этого позволить. Какой серьезно осведомленный человек поверит, что эти специальные меры могли бы с успехом применяться в британской угольной промышленности без фундаментальной реорганизации системы собственности?

Не унизительно ли, что американский либеральный орган должен доказывать эти элементарные истины британским «социалистам»?

§ 3. ИЛЛЮЗИИ ФОРДИЗМА.

Система принципов и теория, равно как техническая практика и организация современной промышленной экспан-

сии Америки, выражена наиболее совершенно и в наиболее передовой форме в «фордизме».

Капиталистическая пропаганда рекламирует фордизм по всему миру, как «последнее слово» капитализма, как торжествующий ответ социализму и марксизму, как залог великой будущности капитализма. «Форд versus Маркс» — таков лозунг обычной капиталистической апологетики. Под таким заглавием «Обсервер» в трехколонной статье приветствовал работу Энджеля, которую мы уже цитировали, как «общественное событие», не столько за ответ Троцкому, как за исключение социализма из программы Рабочей партии. Фордизм превратился в модное знамя современного капитализма. «Евангелие от Форда» о высокой заработной плате и высоком уровне производства должно питать надежды в жертвах капитала и представляет собою лучший суррогат теории и программы, какую может дать капитализм. В то же время фордизм вызвал жадное внимание социал-реформистов, так как он якобы доказывает возможность капиталистической реконструкции при высокой заработной плате и отменяет необходимость революции для улучшения положения рабочих. Так, германские профсоюзы, как бы в ответ на посылку делегации британских трэд-юнионов в Россию в 1924 году, послали свою делегацию в Америку в 1925 г. В органе Рабочей партии мы встречаем хвалебную рецензию на последнюю книгу Форда:

> Мистер Форд напоминает нам... вдумчивого рабочего вождя... Предприятие здесь является богом, благодетельным международным богом... Рабочие и мастера на фордовских предприятиях в гуще нашего капиталистического мира напоминают нам тех античных поэтов и мудрецов, которые не могли попасть в рай, но которых Данте все же поместил отдельно и в покое... Окружающий ад не причинял им страданий. («Дэйли Геральд», 9 IX — 26 г.)

Таким образом, фордизм почти социализм. Он уже вне нашего капиталистического мира. Наши «социалисты» не видят в фордизме наиболее организованного и сознательного выражения капитализма, не видят в нем прямого и даже главного врага рабочих.

Политика Независимой рабочей партии особенно близка к фордизму. Фордизм со своей доктриной высокой заработ-

ной платы и расширения покупательной силы является практическим выражением в капитализме принципов, развитых в политике прожиточной заработной платы. Писатели Независимой рабочей партии видят в фордизме подтверждение своей политики. Так, в «Нью Лидер» мистер Брейльсфорд также писал на тему «Форд versus Маркс» и пришел к заключению, что Форд опроверг Маркса. Американский предметный урок является прямым опровержением того, чему учил Маркс.

> Если это капитализм, то это такая разновидность его, которая разрушила основные принципы, послужившие Марксу для его предсказаний. Такому капитализму уже нельзя предъявить обвинение, что он создает бедность самым своим успехом. Ему можно предъявить обвинение разве в том, что он является неограниченной автократией.

Фордистская политика высокой заработной платы может быть немедленно воспроизведена в Англии, за вычетом автократичности фордизма:

> Подобно тому, как мистер Форд от средней зарплаты в 2,40 долларов дошел до своего максимума в 5 и 6 долларов, также и мы можем поднять нашу цивилизацию с 2 фунтов в неделю до 4 фунтов в неделю, как только мы решим это сделать... Наше счастье, что ни один английский Форд не предупредил нас здесь, потому что если социалисты применят этот принцип, то они сделают это, заменив «тузов» контролем всего общества. (Брейльсфорд. «Форд versus Маркс», «Нью Лидер», 1/X — 26 г.)

Здесь критика исходит из этики. Практическую сущность фордистской политики признают здоровой, считают эту политику «ответом» марксистскому пониманию капитализма, т. е. в системе Форда видят реформистскую замену революции. *Поскольку внутри капитализма имеется практический базис для схемы Независимой рабочей партии, этим базисом является фордизм.*

Что такое фордизм и почему Генри Форд является признанным представителем и знаменосцем современного прогрессивного капитализма? Генри Форд является олицетворением американской капиталистической экспансии. Эпоха

Форда совпадает с эпохой интенсивной промышленной экспансии, предшествовавшей нынешнему, по преимуществу финансовому периоду (который со стороны Форда встречает ожесточенную оппозицию). Далее, он открыл за свою четверть века совершенно новую отрасль промышленности — автомобильную промышленность. Это обстоятельство имеет первостепенное значение. Девственный характер этой отрасли производства означал, что он может начать из ничего (т. е. быстро умножать вложенный капитал и строить свое богатство, которое по некоторым сведениям составляет 1 700 миллионов долларов). Таким образом, Форд становится чрезвычайно удобным типичным случаем для капиталистической пропаганды как раз теми своими чертами, которые отнюдь не являются типичными для капитализма в целом. Совершенно ясно, что Форд не мог бы стать Фордом на основе железных дорог, угольных копей, банков и т. д. или какой-нибудь старой крупной отрасли промышленности, куда он не мог бы проникнуть без огромных первоначальных капиталов.

Наконец, и это самое важное, Форд является пионером всей новой техники промышленного капитализма. Эта техника в самом простом своем выражении является техникой экономии на обширном обороте, т. е. низких накладных расходах, на тщательном разделении труда, максимальном использовании машин и энергии, интенсификации человеческого труда, использовании всех ресурсов науки на всех ступенях производственного процесса, тщательном отборе материалов, устранении расточительности, стандартизации изделий и т. д. На этой основе возникает возможность платить высокую заработную плату за повышенную продукцию при низкой окончательной цене, побивающей конкурентов, при очень низкой прибыли на каждую проданную единицу, но при гигантской прибыли на весь оборот. Эта техника массовой продукции порождает целую систему соответствующих принципов, ставящих на голову старые примитивные меркантилистские взгляды — «покупать дешево и продавать дорого», как единственный путь к богатству. Такой торгашеский расчет совершенно дискредитирован. Промышленник делает просвещенное лицо, проповедует «служение обществу», высокую зарплату и низкие цены, как свою цель, а

прибыль как случайность, и делает открытие, что его прибыль оказывается выше, чем когда-либо. «Совершенно невозможно, применяя эти принципы, не достигнуть гораздо больших прибылей, чем если бы прибыль составляла главную цель». (Форд. «Моя жизнь и достижения».) Вот что придает доброжелательный, прогрессивный, почти филантропический характер фордизму и привлекает к нему реформаторов, так как он почти социалистичен по духу. В действительности фордизм просто вполне развитая иллюстрация марксистского принципа, что основной источник прибыли капитализма не жульничество (рыночная торговля, обман, дешевая покупка и дорогая продажа — все это второстепенно), а лежит в сфере производства, в научной эксплуатации непосредственных производителей.

Фордизм, таким образом, является техникой и теорией массового промышленного производства при капитализме. Но эта техника научного массового производства связана с индивидуалистической основой частного присвоения продукта и отрицает социальную организацию. Противоречие между этими двумя сторонами фордизма, как мы увидим, представляет его банкротство.

Для нашей цели необходимо рассмотреть фордизм в двух отношениях: 1) как метод эксплуатации рабочего класса; 2) как социальную теорию или предполагаемую «практическую» основу социальной организации.

Как метод эксплуатации рабочего класса, фордизм представляет более передовую, более интенсивную форму эксплуатации. Высокая зарплата более чем покрывается высокой продукцией. В результате получается увеличение прибавочной ценности. Сам Форд заявляет:

> Наши прибыли после уплаты хорошей заработной платы показывают, что *хорошая заработная плата* наиболее прибыльный способ делать дела. (Форд. «Моя жизнь и достижения».)

Брейльсфорд считает, что это опровержение марксизма. В фордовой высокой заработной плате он видит «полное опровержение» «марксова анализа и построенных на нем предсказаний хода капиталистического развития, т. е. растущего противоречия между классами, накопления и концентрации капитала и ухудшения положения пролетариата,

ведущего к росту противоречий между производительными силами и потреблением, росту конкуренции, обострению классовой борьбы и неизбежному кризису.

Это предполагаемое опровержение марксизма, повидимому, основано на старом ложном понимании «теории обнищания», на идее, будто Маркс учил, что абсолютная бедность рабочих должна непрерывно увеличиваться. Это чистейшая путаница. Маркс совершенно ясно указывал, что реальная заработная плата может расти в условиях расширяющегося капитализма, но что решающий вопрос заключается в движении *относительной зарплаты,* в положении рабочих сравнительно с развитием общества в целом и с накоплением капитала.

> Ни номинальная заработная плата, т. е. сумма денег, за которую рабочий продает себя капиталисту, ни реальная зарплата, т. е. сумма товаров, которые он может купить на эти деньги, не исчерпывают отношений, заключающихся в понятии — заработная плата. Заработная плата определяется прежде всего своим отношением к барышу, к прибыли капиталиста — это так называемая относительная заработная плата...
>
> Прибыли могут быстро расти лишь в том случае, если цена труда, относительная заработная плата, уменьшается столь же быстро. Относительная заработная плата может падать, хотя реальная заработная плата поднимается одновременно с номинальной заработной платой, с денежной ценностью рабочей силы, если только она не поднимается в той же пропорции, как и прибыль.
>
> Если поэтому заработок рабочего растет с быстрым ростом капитала, общественная пропасть, отделяющая рабочего от капиталиста, все же расширяется, и власть капитала над трудом также увеличивается... Материальное положение рабочего улучшилось ценою его социального положения. (Маркс. «Наемный труд и капитал».)

Это описание вполне подходит к условиям фордизма и американского капитализма, где: 1) незначительное улучшение материальных условий рабочих сопровождалось тяжелыми условиями рабства, полуотмены профсоюзов и права свободной ассоциации, чрезвычайно тяжелым трудом с научными машинными ускорителями и полным невниманием к со-

циальному обеспечению; 2) богатство, как мы видели, увеличилось от 4 до 6 раз больше, чем заработная плата за последние 25 лет (1900 — 1925 гг.).

Каким способом можно извлечь повышенную прибавочную ценность в том случае, когда реальная заработная плата повышается, а рабочее время не удлиняется? Одно из двух: либо, во-первых, путем увеличения производительности труда при помощи новых машин, организации и т. д., что ведет к уменьшению необходимой рабочей силы и к росту относительной прибавочной ценности, либо, во-вторых, путем интенсификации труда (при сохранении той же продолжительности рабочего дня) путем ускорения трудовых процессов, хронометража, сдельной работы, конвейеров и т. д., другими словами, путем увеличения абсолютной прибавочной ценности.

Необходимо лишь несколько вникнуть в условия труда рабочих у Форда, чтобы увидеть, что имеет место не только первый процесс, но и второй — непосредственное увеличение абсолютной эксплуатации. Хорошо известно ускорение трудовых процессов, за которым может угнаться лишь меньшинство рабочих, хотя и для них вследствие этого непрерывная и длительная работа становится невозможной. По своему эффекту оно равнозначно снижению реальной заработной платы. Так, например, один фордовский рабочий пишет:

> В плавильном отделении гонка, которой подвергаются рабочие, ужасна. Год тому назад один рабочий в час производил 35 штук. В настоящее время производство раздуто до 80 штук на человека в час. Выдерживать такой темп становится невозможным. И если тот или иной рабочий его не выдерживает, то его увольняют. Никто не знает, когда настанет его очередь.
>
> Нас заставляли ускорять работу, обещая повышенный заработок, но на деле ускорение принесло нам безработицу.

Когда производство ускоряется с 35 до 80 штук и в то же время соответственно не повышается реальная заработная плата (как известно, Форд не платит сдельно), то очевидно, что реальная заработная плата в расчете на единицу трудового усилия фактически понижается. Но даже если бы реаль-

ная заработная плата и повышалась соответственно, то все же крайняя степень интенсивности работы превращает получаемую заработную плату лишь в доход от хищнического использования лучших лет наиболее сильного и способного меньшинства рабочего класса и вовсе не представляет действительного дохода среднего рабочего при среднем рабочем дне.

Однако понижение реальной заработной платы на практике принимает даже более открытые формы. Много шума поднято вокруг шестидолларового минимума в день для всех рабочих на заводах Форда, и эта реклама доверчиво повторяется повсюду Независимой рабочей партией. Однако действительная заработная плата отнюдь не представляется этой теоретической цифрой. Действительную заработную плату можно исчислить, лишь взяв год в целом; увольнения настолько часты, что лишь в виде исключения рабочий остается у Форда в течение целого года. Но и для тех, которые удерживаются, постоянная возможность заработка не обеспечена. В 1914 г., когда еще не было минимума зарплаты, оборот рабочей силы при штате в 14 000 человек составил 53 000 или почти 100% в три месяца. И сейчас положение немногим лучше. Оборот достигает 36 — 72% в год, или в среднем свыше 50%. Другими словами, свыше половины фордовских рабочих увольняется в течение года. Поэтому вышеуказанная дневная заработная плата является совершенно неверным индексом годового заработка среднего фордовского рабочего.

Кроме того наличие случайных рабочих еще более уменьшает уровень дневного заработка. В своей последней книге «Сегодня и завтра», вышедшей в 1926 г., Форд заявляет (на 1-й странице), что предприятия его «дают непосредственно работу 200 000 человек, из которых ни один не получает меньше шести долларов в день»; а далее (стр. 36) говорится: «За нынешний год предприятия Форда выплатили заработную плату в размере около 250 миллионов долларов». Небольшой арифметический расчет покажет, что 250 миллионов долларов, разделенные между 200 000 рабочих, дают среднюю годовую заработную плату 1 250 долларов на человека, или 4 доллара на рабочий день. Следует напомнить для сравнения, что прожиточный минимум исчислен Бюро труда Соединенных штатов в 1 600 долларов (исчисление 1919 г.

с поправкой на изменение стоимости жизни к 1925 г.). Таким образом мифические 6 долларов сокращаются на практике до 4.

Более того, фордовский минимум заработной платы первоначально в 1914 г. был установлен в 5 долларов (стр. 9). В настоящее время (1925 г.) он равен 6 долларам. Это составляет повышение на 20%. Между тем по статистике Бюро труда стоимость жизни в Соединенных штатах возросла с 1914 до 1925 г. на 69%. *Таким образом, мы видим понижение минимума реальной заработной платы фордовских рабочих на 30%*.

Наконец, непосредственное снижение заработной платы и нападение на жизненный уровень рабочих фактически имеет место за фасадом шестидолларового минимума. Так, мистер Форд заявил в интервью от 24 ноября 1926 г.:

> Мы отдали распоряжение нашим Отделам труда принять на работу как можно скорее 5 000 мальчиков в возрасте от 16 до 20 лет, дать им работу взрослых и платить им «независимую заработную плату».

В то же время взрослые рабочие массами увольняются, переводятся на половинное время, так как работу их делают занятые полное время и получающие «независимую» заработную плату мальчики. Итак, самая старая и грубая форма капиталистического наступления на уровень жизни рабочих — замена взрослых несовершеннолетними с более низкой оплатой — практикуется сейчас «просвещенным» капитализмом Форда, которого английские «социалисты» размалевывают перед рабочими как образец.

Лишь на фоне всей социальной структуры страны в целом, на фоне положения всего рабочего класса Америки можно увидеть социально-реакционный характер фордизма, несмотря на большой технический прогресс, связанный с ним. Если фордизм в качестве системы эксплуатации рабочего класса представляет просто наиболее интенсивную и научную форму, то в качестве теории и системы общественной организации фордизм является крайним выражением капиталистической анархии.

Сущность фордизма, как уже отмечено, заключается в сочетании крупного массового производства с индивидуальным присвоением дохода и по одному этому означает отри-

цание социальной организованности. В пределах своего собственного предприятия Форд достаточно ясно видит общественно-кооперативный характер массовой организации производства:

> Современная крупная промышленность движется вперед благодаря объединенной мысли и энергии многих людей. В частных делах мы находимся в атмосфере конкуренции, тогда как крупное производство вводит нас в атмосферу кооперации.

Но лишь только дело доходит до общественной организации, обычный индивидуалистический базис выступает во всей своей скудости:

> Фундамент морали — это право человека на продукт его труда.
>
> Природа запретила Советскую республику. Ибо она пыталась отрицать природу. Она отрицает прежде всего право на плоды труда.

Этот аргумент от индивидуального присвоения приводится при наличии трестифицированного производства. Держатель акций треста, расходуя свой доход от этих акций, «пользуется правом на продукт своего труда», но когда рабочие хотят коллективно использовать то, что они сами производят, то это называется «отрицать право на плоды труда».

Из этого ясно видно зияющее противоречие между массовой научной организацией производства внутри предприятия данного капиталистического треста и полным безразличием ко всякой форме общественной организации за пределами предприятия, во всем остальном мире, разумеется, за исключением тех организаций, которые преследуют цель подавлять рабочих и защищать капиталистические права собственности. Противоречие это составляет ядро фордизма, как и всякого капитализма вообще. В фордизме оно лишь выступает с большей ясностью, так как интенсифицированное массовое производство, с одной стороны, достигает крайних размеров, а безразличие к общественной организации, с другой стороны, выступает более открыто и грубо.

Соединенные штаты представляют сейчас наиболее яркое выражение капиталистической социальной системы. Основные черты ее тщательно представлены в такой, например, работе, как книга Стюарта Чэза «Трагедия расточитель-

ства». В этой книге автор показывает на основе официальных или предпринимательских обследований, что нормальная средняя безработица достигает около 2 000 000; что из двух с половиной миллионов строительных рабочих 600 000 постоянно лишены работы; что в производстве одежды 31% рабочего года потерян, а в обувной промышленности 33%; что в то же самое время в богатейшей стране мира работают сотни тысяч детей; что несчастные случаи в промышленности составляют 25 000 в год со смертным исходом и 700 000 случаев, приводящих к потере трудоспособности более чем на 4 недели. 75% этих случаев по общему признанию можно было бы предотвратить соответствующими мерами охраны; на рекламу тратится 1 200 миллионов; 800 миллионов долларов тратится на патентованные лекарства, в производстве которых занято 400 000 человек; 750 миллионов на парфюмерию и косметику и лишь 15 миллионов или $^1/_{50}$ доля последней цифры на искусство; что отношение между производительными рабочими и лицами, занятыми в торговле и распределении, составлявшее в 1850 г. 80% к 20%, в 1920 г. было уже 50 к 50, вследствие чего на продажу продукта приходится затрачивать больше, чем на производство его; и, наконец, что на основе всех этих и многочисленных подобных исчислений общие потери в существующей экономической организации Америки составляют 50% всей имеющейся в наличии рабочей силы.

Таким образом, научная организация, столь интенсивная и активная внутри отдельного капиталистического предприятия, совершенно исчезает, если взять совокупность всех предприятий. Форд гордится тем, что калькулирует издержки каждой составной части производственного процесса с точностью до десятитысячной части доллара, исключая тем самым даже минимальные потери; но в экономическом целом, в котором предприятие Форда является лишь типичной прогрессивной частью, расточаются ресурсы и человеческие усилия, оцениваемые в миллиарды долларов. *Другими словами, фордизм при всей своей научности недостаточно научен; и он не может быть действительно научным, оставаясь в узких пределах индивидуальной частной собственности, которая является богом Форда.*

В действительности фордизм прямым путем ведет к уси-

лению капиталистических противоречий и анархии. Массовое производство влечет за собою постоянно растущий объем продукции, для которой так называемая «высокая заработная плата», как мы уже видели, может дать лишь сокращающуюся долю рынка. На производство первого миллиона фордовских автомобилей потребовалось 20 лет. В течение следующих $5^1/_2$ лет было произведено 4 миллиона, дальнейшие три года дали 5 миллионов. В настоящее время производственная способность оценивается в 2 миллиона машин в год; но эти производственные возможности уже не могут быть целиком использованы. Постоянно растущее накопление прибыли толкает на беспрерывную экспансию. Согласно данным «Нью Репюблик» 23/III — 27 г., предприятия Форда за 22 года дали 924 миллиона долларов прибыли, из которых 750 миллионов были вложены в новое оборудование. Распространите эту цифру, прибавьте к этой цифре соответствующие цифры других американских концернов и концернов других стран. Добавьте возрастающую «американизацию», введение научных методов массового производства и т. д. в Германии, Франции, Англии. Не трудно сказать, каковы будут последствия в капиталистических условиях, т. е. таких условиях, когда каждый отдельный концерн стремится получить для себя максимальную прибыль.

В последних словах своей книги Форд пытается легко отделаться от этого вопроса:

> Но что же впереди? Не идем ли мы навстречу перепроизводству?
>
> Никто ничего не может сказать относительно будущего. Нам незачем гадать о нем.
>
> Быть может у нас получится перепроизводство, но оно возможно не ранее, чем весь мир получит то, чего он хочет. А если это случится, то мы, конечно, будем лишь довольны.

Здесь капиталистическая проблема производства, реализации и прибыли превращена в банальную естественную экономику потребностей и их удовлетворения. Однако нынешний кризис Форда показывает, что на практике с этой проблемой разделаться не так легко. Объявление о пятидневной неделе было лишь предвестником приближающейся бури. Вслед за красочным изображением фордовского рая, «Дэйли

Геральд» все же был вынужден напечатать следующее письмо от одного механика фордовских предприятий:

> Положение уже сейчас очень скверное в Детройте, свыше 60 000 человек ходят без работы и к разного рода благотворительным учреждениям взывают о помощи голодающим людям.
>
> В течение нескольких месяцев мы работали на предприятиях Форда сокращенное время, 2, 3, 4 дня в неделю.
>
> Положение здесь сейчас ужасное.

«Если это капитализм, — заявлял Брейльсфорд в 1926 году, — то это такая разновидность капитализма, которая устраняет основной принцип, послуживший Марксу для его прогноза. Этот капитализм уже нельзя обвинять в том, что своими успехами он создает бедность». «60 000 людей ходят без работы в городе, — пишет фордовский механик в 1927 г., — и к различным местным благотворительным учреждениям взывают о помощи голодающим людям». Пусть читатель судит, кто лучше понимал характер всякого капитализма, фордовского в том числе, Брейльсфорд в 1926 г. или Маркс в 1847 г. [1]

В пределах капитализма помимо пролетарской революции есть только один выход из обостряющейся конкуренции трестов. Выход этот — война. Достойно внимания, что последняя стадия фордизма уже наступила и была отмечена самим Фордом как раз в тот момент, когда Брейльсфорд писал в «Дэйли Геральд» и находил в фордовской концепции «благодетельного бога». Нью-Иоркский корреспондент «Таймса» сообщает:

> Убежденный в том, что международные банкиры и политики сознательно разжигают войну против Соединенных штатов, мистер Генри Форд заявил, что его намерение обеспечить массовое производство аэропланов воз-

---

[1] С тех пор, как это было написано, мы имеем новые сведения о дальнейшем развитии фордовского кризиса. По данным «Дэйли Геральд» от 7 сентября 1927 г., 75% фордовских рабочих работали по 2 или 3 дня в неделю в течение 8 месяцев, с ноября 1926 г.; благотворительные учреждения Детройта сообщают, что 3/4 обращающихся за помощью состоят из фордовских рабочих и их семей. Будущее покажет, удастся ли Форду временно преодолеть кризис, но линия развития капитализма в целом здесь уже ясно указана.

никло исключительно из решительного желания видеть свою страну в кратчайший срок подготовленной к обороне. В пространном интервью, которое он дал «Нью Иорк Америкэн», он указал, что враждебные силы хотят нажить капитал, вызывая ненависть к Соединенным штатам в Англии и во Франции, с целью вовлечь эти страны во враждебную комбинацию, направленную против Америки. Развивая свои огромные ресурсы в направлении производства аэропланов и нитратов для взрывчатых веществ, Соединенные штаты могут защитить себя от атаки.

Массовое производство военных аэропланов и взрывчатых веществ. Таков достойный исход фордизма и разрешение фордовского кризиса. И в этой линии НРП видит опровержение марксизма, на это она призывает английских рабочих возлагать свои надежды!

§ 4. ИЛЛЮЗИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Теория восстановления капитализма при помощи фордизма и американизации находит себе международное дополнение в теории мирового объединения капиталистов и установления гармонии при помощи международных картелей и Лиги наций.

Если внутри страны восстановители капитализма из рядов НРП считают возможным лечить растущие противоречия, классовое расслоение и упадок при помощи повышения заработной платы, расширяющего внутренний рынок, то на международной арене они надеются разрешить конфликты гигантских трестов и империалистские противоречия при помощи международных соглашений между трестами.

Так, доклад о «Прожиточной заработной плате» заявляет в очень краткой заключительной главе, названной «Экспортные отрасли промышленности»:

> Мы намерены всеми средствами поддерживать политику международных соглашений. Будущее угольной промышленности и быть может тяжелой промышленности вообще зависит прежде всего от разграничения внешних рынков при помощи международных соглашений. В этом напра-

влении идут сейчас отрасли тяжелой промышленности на континенте, и возможно, что в ближайшем будущем они урегулируют внешние рынки угля, железа, стали и некоторых стальных изделий. Английская промышленность должна в конце концов принять участие в этих соглашениях.

Равным образом и Сноуден приветствует образование международных объединений, как шаг, заслуживающий одобрения и поддержки социалистов:

> Эти международные объединения отнюдь не являются препятствием для социализма. Напротив, согласно нашей экономической теории они представляют необходимое предварительное условие для социализма. И социалистическая политика должна не возражать против них, а, напротив, скорее содействовать им.

В наиболее крайней форме это одобрение выражено у Вандервельде, который открыто отожествляет политику Второго интернационала с политикой международного капитала, заявляя по поводу манифеста банкиров следующее:

> Язык международных финансовых кругов почти тот же, что и язык Социалистического интернационала.

Вся полнота веры социалистов в возможность гармонической международной организации капиталистов проявляется в подчас высказывавшихся опасениях, что эти международные капиталистические объединения при отсутствии «демократического» контроля станут в ближайшем будущем всемогущи и сделают бессильными существующие государства. А из этого делается вывод о необходимости подчинить международные капиталистические объединения «общественному контролю», который должен осуществляться организациями в роде Лиги наций (таков смысл предложения так называемого рабочего меморандума, переданного Женевской экономической конференции в 1927 г.).

> Век конкуренции уходит в прошлое. Будущее может принести с собою огромные международные картели, контролирующие пищу, которую мы едим, одежду, которую мы носим, орудия, которыми мы работаем, заработки, которые мы получаем. Создадутся картели, перед могуществом которых сила государств окажется ничтожеством.
>
> Возможности мировой трестификации безграничны.

> Можно предвидеть, что собственность на жизненные средства всего человечества перейдет в руки кучки людей, более могущественных, чем какое-либо правительство, способных производить все, что они захотят, при помощи лишь незначительной части рабочих всего мира. Эта кучка людей будет держать в своих руках никем не оспариваемую власть над экономическими судьбами мира. (Мэкстон. «Станем ли мы рабами мировых трестов». «Нью Лидер», 25/III — 27 г.)

Перед нами здесь реформистская (каутскианская) теория единого мирового треста или ультра-империализма. Здесь господствует уверенность в том, что капитализм в состоянии преодолеть и преодолевает свои внутренние противоречия и развивается в единое международное гармоническое и мирное целое, причем на социализм падает задача «демократизировать» его. Эта вера приводит к полной слепоте по отношению к реальности, к нынешним конфликтам и задачам борьбы рабочего класса. *На основе этого мнимого рая, этого мирного трестифицированного интернационализма, исключающего конкуренцию и конфликты, построено все здание устойчивой прожиточной заработной платы и капиталистического процветания в Англии.*

Об этом мифе международной капиталистической гармонии или ультра-империализма писал Ленин в 1915 — 1916 г.:

> Разговоры Каутского об ультраимпериализме поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала ослабляет неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их.

Показав действительные противоречия империализма, он продолжает:

> Сопоставьте с этой действительностью, с гигантским разнообразием экономических и политических условий, с крайним несоответствием в быстроте роста разных стран и проч., с бешеной борьбой между империалистическими государствами — идеи Каутского о «мирном» ультраимпериализме. Разве интернациональные картели, которые кажутся Каутскому зародышами ультраимпериализма, не показывают нам примера раздела и передела

мира, перехода от мирного раздела к немирному и обратно? Разве американский и прочий финансовый капитал, мирно деливший весь мир при участии Германии, скажем, в международном рельсовом синдикате или в международном тресте торгового судоходства, не переделяет теперь мир на основах новых отношений сил, изменяющихся совсем не мирным путем?

В 1892 г. Германия производила 4,2 миллиона тонн чугуна против 6,8 в Англии; а в 1912 г. — уже 17,6 против 9,0, т. е. гигантский перевес над Англией. Спрашивается, на почве капитализма какое могло быть иное средство, кроме войны, для устранения несоответствия между развитием производительных сил и накоплением капитала — с одной стороны, разделом колоний и «сфер влияния» для финансового капитала — с другой. (Ленин. «Империализм», стр. 90, 92 и 94. Изд. Петр. совета, 1919 г.)

В другой статье за тот же период Ленин показывает, каким образом «теоретически», «абстрактно» линия развития капитализма стремится к одной универсальной монополии, но в то же время такой вывод был бы «абстрактным, упрощенным и неверным», потому что диалектически растущие конфликты, через которые ведет путь к единству, делают достижение этой цели невозможным:

Не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному единственному тресту, всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно *раньше,* чем дело дойдет до одного всемирного треста, до ультраимпериалистического всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность. (Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм». Записки Инст. Ленина, вып. I, стр. 13.)

Соображения, приведенные здесь Лениным, во-первых, о

неравномерном развитии капитализма и, во-вторых, о *невозможности* при нынешних условиях какого-либо устойчивого гармоничного международного соглашения или распределения, лишь усилились и углубились вследствие событий последних 10 лет.

Комбинации и соглашения широкого масштаба, которые приветствуются реформистами и пацифистами, как сигналы новой эры, являются лишь ступеньками в росте более широких антагонизмов. Видеть поверхностное соглашение и не видеть более глубоких антагонизмов, выражающихся даже в дипломатии и маневрировании при заключении соглашений, значит ложно истолковывать все положение и весь настоящий период капитализма. Война уже показала крах сотен международных капиталистических комбинаций, существовавших до войны (и в свое время также вызывавших приветствия реформистов). Эти комбинации погибли из-за более глубоких антагонизмов, воплощенных в более постоянных и основных политико-экономических единицах, в империалистических государствах. Видеть настоящий центр тяжести в этих временных экономических соглашениях, которые могут распасться в один день, а не в основных империалистических мировых группировках, каждая из которых тесно связана с машиной финансового капитала и государственной власти, значит дойти до крайней слепоты «экономизма». В настоящий момент международные соглашения, переговоры, переделы развиваются более быстро, чем когда-либо. Стальной картель, манифест банкиров, Пан-Европа, свободная торговля внутри империи, Лига наций, Пан-Американизм и т. д.— вот движения, типичные для нынешнего периода. Но каждое из них в отдельности и все вместе показывают все более ясно, что они являются лишь формами проявления капиталистических антагонизмов: здесь континентальный блок и Англия, там Америка и Европа, здесь капиталистический мир и Советскй союз. Так называемое «международное» движение обнаруживает не начало международного единства, а лишь продолжение и расширение капиталистических конфликтов в других формах, показывая таким образом, что интернационализм может быть осуществлен лишь на пути к социализму, т. е. на путях классовой борьбы.

Итак, основная ошибка надежд Независимой рабочей пар-

тии на преодоление международной капиталистической конкуренции и анархии, при помощи международных соглашений между трестами, заключается в игнорировании реальности империалистических противоречий. Для Независимой рабочей партии и либеральных реформистов империализм является специальной политикой, отделимой от современного капитализма: между вопросом о прожиточной заработной плате и вопросом об империализме нет, по их мнению, внутренней связи. Внешняя политика империализма, политика монополистической эксплуатации и разделения сфер влияния, с последующими комбинациями и антагонизмами, насильственными аннексиями, торговыми войнами, колониальными войнами, вооружениями и возможной империалистической войной, не рассматривается как неизбежная, единственно возможная международная политика монополистического финансового капитала. Вместо нее воображается мирная международная политика финансового капитала в полном противоречии с действительностью.

Между тем можно исчерпывающе доказать неправильность теории о международном картеле, комбинате, агентстве по продаже, контрольном департаменте и т. д., как о средствах разрешения проблемы международной капиталистической конкуренции. Картель или подобное соглашение по своей сущности означает договор между различными державами на основе существующей доли продукции, капитальных затрат и относительной силы на рынке. Однако факторы этой доли постоянно меняются с изменением технических возможностей, накопления капитала и т. д. По мере изменения этих факторов происходит борьба за изменение условленной доли: прогрессивная держава требует увеличения своей доли, держава, находящаяся в упадке, противится, прогрессивная держава грозит выходом из картеля. (Все это уже случилось в первый же год существования Стального картеля.) Когда диспропорция становится слишком большой и прогрессивная держава приходит к заключению, что она может достигнуть большего в открытой борьбе, неизбежно происходит разрыв соглашения. *Таким образом международное соглашение не отменяет конкуренции, но только переводит борьбу за рынки в борьбу за квоты,* в которой «мирная» стадия является лишь стадией скрытой войны, развивающейся в свое

время в войну открытую. Более того. Картель или международное соглашение не разрешает действительной проблемы производительных сил и рынков. Картель может лишь разграничить сферы влияния и распределить доли производства между различными трестами. Когда производительные силы значительно превышают имеющиеся рынки и ведут к ожесточенной конкуренции, картель или международное соглашение может ограничить продукцию и распределить ее доли между различными концернами и группами. При помощи такого искусственного сокращения продукции он может поднять цены и поддержать прибыль на прежнем уровне. Он может таким образом создать временное решение вопроса капиталистических прибылей. Но каков характер этого решения с точки зрения производства и с точки зрения рабочих?.. *Решение получается на основе ограниченного производства, высоких цен, закрытия заводов и роста безработицы.* И это во всяком случае недолговечное «решение» защищается в качестве «социалистической» политики в период настоящего кризиса!

Короче говоря, картель не разрешает капиталистических антагонизмов. Он служит средством концентрирования международного капиталистического наступления на рабочий класс.

Можно привести пример для иллюстрации этого процесса. Возьмем европейский стальной картель, который воспевался Независимой рабочей партией, как первая «великая сила будущего, которая может оказаться величайшим событием нашего времени» и т. д. («Нью Лидер», 19/VIII — 26 г.) Мы уже видели, что в докладе о прожиточной заработной плате Стальной картель рекомендуется, как тип международных соглашений, к которым британская капиталистическая промышленность должна присоединиться с целью разрешить проблему своей внешней торговли.

Европейский стальной картель был организован 30 сентября 1926 г. Его первоначальными членами были Франция, Германия, Бельгия и Люксембург; впоследствии к нему присоединились Чехо-Словакия, Австрия и Венгрия, а в настоящий момент ведутся переговоры еще с одной или двумя странами. Первоначально максимальный общий контингент продукции в 27,5 миллионов тонн был разделен на следующие

доли: 43,5% получила Германия; Франции было предоставлено 31,1%; Бельгии 12,5%, Люксембургу 8,5%, Саарской области 4,2%. («Таймс», 2/X — 26 г.) Была учреждена система штрафов за избыток продукции. Штраф в размере 4 долларов за лишнюю тонну вносился в общую кассу. Германия с самого начала подверглась этим штрафам: в сентябре она превысила квоту на 9%, в октябре на 12%, в ноябре на 20% и в декабре на 25%. («Таймс», 26/I — 27 г.) За первые 6 месяцев ей пришлось уплатить свыше 6 миллионов долларов штрафа. («Экономист», 7/V — 27 г.) Началась борьба за пересмотр квоты. Германия грозила выйти из картеля (германские предприниматели жаловались, что их доля позволяет им производить в размере 70 — 75% их производственных возможностей, в то время как другие страны могут производить до 90%).

Каков был эффект картеля? В 1913 г. стальная продукция четырех стран, участвовавших в соглашении, составляла 26 миллионов тонн. В 1925 г. производственные возможности расширились до 32 миллионов тонн, но производство все же стояло на уровне 25,7 миллионов тонн. Из этого несоответствия возник кризис: цены были всего на 20% выше 1913 г., в то время как произошло общее повышение оптовых цен на 50%. Непосредственным эффектом учреждения картеля было повышение цен на доллар за тонну. («Таймс», 4/X — 26 г.) Значение этого факта для прибылей ясно из того, что при производстве в 27 миллионов тонн такое повышение цены означает повышение доходов на 7 миллионов фунтов. Последовало еще большее повышение цен, которое задерживается лишь конкуренцией Великобритании.

Характерная и поучительная черта Стального картеля заключается в том, что он не столько интернациональный, сколько районный. Участвующие в нем страны представляют, грубо говоря, $^1/_3$ мировой продукции. Соединенные штаты с $^1/_2$ мировой продукции и Великобритания с $^1/_{12}$ стоят вне его. Соперничество между этой группировкой и стоящими вне ее — очевидно и было подчеркнуто многочисленными враждебными выпадами со стороны британских и американских промышленников. Это соперничество не прикрывается даже попытками вовлечь британскую промышленность в картель. Переговоры в этом смысле ведутся. Но споры о квоте

весьма поучительны. Британские производственные возможности исчисляются в 12 миллионов тонн. Британские промышленники требуют квоты в 10 — 12 миллионов тонн. Выпуск стали в марте 1926 г. в Англии составлял 9,5 миллионов тонн. Континентальные промышленники предлагают 8,5 — 9 миллионов тонн. («Таймс», 7/I — 27 г. и «Экономист», 8/I — 27 г.) Вопрос об американском участии еще не возникал. Мнение Уолл Стрита таково:

> Оставляя обобщения в стороне, очевидно, что организаторы консорциума стремятся контролировать, поскольку это возможно, европейский стальной рынок и что вся комбинация направлена косвенно, если не прямо, против производителей стали в Соединенных штатах. (Нью Иорк. «Коммерческая финансовая хроника», 16/X — 26 г.)

Таким образом, пример европейского стального картеля показывает следующее:

1) Картель сокращает производство ниже производственных возможностей.

2) Картель повышает цены.

3) Картель не только не устраняет, но, напротив, концентрирует и углубляет международный империалистический антагонизм в гигантском масштабе.

Наконец, и это важнее всего, перспектива широкого развития и успеха международных картелей и других подобных соглашений наталкивается на самое тяжелое и решающее препятствие, на американский капитализм, который слишком силен, чтобы итти на такие соглашения или в Лигу наций. Послушаем по этому поводу министра торговли Гувера:

> *Установление международного регулирования цен никогда не будет принято народом Соединенных штатов...* Соединенные штаты более всякой другой нации в мире стоят сейчас за свободную конкуренцию. Для нас это стало социальным и экономическим принципом. (Официальный отчет в «Юнайтет Стэтс Дэйли», 31/III — 27 г.)

Короче говоря, величайшая иллюзия веры в международную капиталистическую гармонию заключается именно в слепоте к величайшим фактам мировых империалистических антагонизмов.

На основе вышеприведенных соображений можно легко понять, каковы перспективы разрешения проблемы британской внешней торговли и тяжелой промышленности при помощи рецептов Независимой рабочей партии о международных картелях, агентствах по продаже и т. п. И все же доклад о прожиточной заработной плате спокойно предлагает, чтобы все отрасли тяжелой промышленности были полностью загружены. Поглощение повышенной продукции должно обеспечиваться международными соглашениями. Миф прожиточной заработной платы для важнейших отраслей британской промышленности целиком построен на этой зыбкой основе.

§ 5. РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ НА ПРАКТИКЕ.

Основная концепция политики прожиточной заработной платы, как и всей современной реформистской политики, заключается в том, будто возможно организовать капитализм социально на общественной или этической основе, не затрагивая собственности класса капиталистов на средства производства. Анархия капитализма должна быть преодолена при помощи разумной схемы. Немного доброй воли и предусмотрительности, общественной организации и общественного контроля превратят капитализм в систему, работающую для общего блага и постепенно развивающуюся в социализм без необходимости грубой классовой борьбы и опасных резких перемен. Такова сущность «конструктивного» социализма, который является лишь выражением бегства от революции.

Действительность, однако, отлична от этой схемы. Организация производства на общественные нужды не совместима с капитализмом, поскольку линия социальных нужд и линия наибольшей прибыли не совпадают. Внутри капитализма не может быть социальных регуляторов, кроме сталкивающихся воль двух классов. Воля класса капиталистов является волей к прибыли и регулирует производство, лишь в видах достижения прибыли. Воля рабочего класса является волей к социальной организации и прозводству для потребления, но она может реализовать себя, лишь вырвав власть и контроль над производством у капиталистов. *Вслед-*

ствие этого научная реорганизация производства при капитализме превращается в реорганизацию не для общественных нужд, но для более интенсивной эксплуатации рабочих. Научная организация превращается в фордизм. Международная организация превращается в международный картель. Подлинное значение того и другого для рабочего класса уже было рассмотрено.

В погоне за химерой гармонически регулируемого капитализма Независимая рабочая партия покидает почву действительной борьбы рабочего класса и превращается в своей практической политике в служанку капитализма. Всякий проект капиталистической реорганизации в широком масштабе (в роде доклада угольной комиссии или болдуиновского проекта развития имперской торговли) встречает горячую поддержку Независимой рабочей партии. Именно здесь утопизм Независимой рабочей партии превращается в преступное предательство рабочего класса.

Капиталистическая реорганизация на практике чрезвычайно отличается от идеалистических теорий социальной добродетели. Капиталистическая реорганизация на практике является попыткой приспособить капитализм к условиям упадка, к условиям интенсивной конкуренции, послевоенных разрушений, взваливая бремя капиталистической дезорганизации на плечи рабочих. Таков экономический базис процесса «стабилизации», который являлся определяющей чертой капиталистической политики в течение последних 5 — 6 лет и который продвигается к своей высшей точке, к «рационализации» или «американизации» в настоящий период.

Что такое рационализация? Этот термин первоначально получил права гражданства в Германии для обозначения научной организации производства, при максимальной централизации, устранении лишних устарелых и неэкономных предприятий и заводов, введении новых машин, электрификации, экономии и ускорении труда, применении научного исследования к производству и т. д. Америка, Германия, в меньшей степени Франция стали главными базами этого процесса капиталистической рационализации. Техническая отсталость Великобритании (за исключением некоторых новых отраслей промышленности, как автомобильная, хими-

ческая) задержала развитие в этом направлении. В Англии капиталистическая реорганизация приняла по преимуществу элементарную форму прямого наступления на зарплату рабочих. Но и здесь имеются признаки нового типа развития, как, например, предложения Сэмюэля об организации угольной промышленности, активно поддержанные Независимой рабочей партией, и новые течения в текстильной промышленности.

Рационализация в подлинном смысле этого слова, т. е. научная организация производства и экономия труда, является сущностью социализма. Только социализм может организовать производство на действительно научной основе, т. е. для удовлетворения потребностей. Но такова только социалистическая рационализация, о которой здесь речи не идет.

Капиталистическая рационализация использует технический прогресс для того, чтобы углубить международную конкуренцию и увеличить эксплуатацию рабочих. Ее форма централизации — трест и картель. Развитие машин и открытие новых источников энергии служат не для облегчения бремени труда, но для создания безработицы и усиления интенсивности труда для остающихся рабочих. Увеличенный выпуск изделий создает не изобилие и процветание, но интенсивную международную конкуренцию и экономический кризис.

Гибельное действие капиталистической рационализации на рабочих очевидно даже в Америке, где наличие восходящего капитализма создает наиболее благоприятные условия для ее применения. Усиленная норма эксплуатации, относительное уменьшение заработной платы, беспощадное изнашивание рабочей силы и отказ от самых элементарных требований социального обеспечения и профсоюзной охраны труда показывают действительный характер процесса. Даже в Америке, несмотря на ее процветание, увеличенный выпуск изделий ведет лишь к уменьшению числа рабочих.

Согласно данным Федерального резервного управления выпуск изделий промышленности в 1925 году был на 30% больше, чем в 1919 г., и на 5% больше, чем в 1923 году. В то же время количество рабочих было

меньше, чем в 1919 и 1923 г., и их заработки меньше, чем в 1923 году. («Нью Репюблик», 26/I — 27 г.)

Таковы последствия рационализации в процветающей Америке.

Но в Европе, где условия существенно иные, где большая бедность ресурсами, политические и экономические противоречия между отдельными странами, военные долги и репарации, недостаток технического оборудования представляет собою изначальное препятствие, процесс рационализации или американизации сильно отличается от мифической картины фордизма и обрушивается гораздо более тяжелыми ударами на рабочий класс. В Европе интенсивное ускорение трудовых процессов сопровождается не высокой зарплатой и более коротким рабочим днем, но более низкой зарплатой, худшими условиями труда, более длинным рабочим днем, локаутами и безработицей. Это развитие всего яснее обнаруживается в Германии, где со времени принятия плана Дауэса процесс рационализации осуществлен наиболее полно.

В Германии рост производительных сил, благодаря введению нового оборудования, был огромным со времени войны. Так, например, в угольных копях с 1914 до 1924 г. число механических двигателей возросло с 16 816 до 68 953, а число лошадиных сил этих двигателей увеличилось с 42 262 до 127 367. («Бёрзен Курьер», 6/I — 25 г.) Число доменных печей уменьшилось с 1922 по 1926 г. с 219 до 208, но производительная способность каждой доменной печи возросла на 60%, а общая производительная способность на 32%. («Дейче Альгемейне Цайтунг», 24/III — 26 г.) Производительность электрических станций с 1913 по 1925 г. возросла с 2 095 600 киловатт до 5 938 400 киловатт. (Вышеприведенные цифры, как и большинство сведений об экономическом положении Германии, заимствованы из специальной работы проф. Варги — «Путь германского капитализма» в «Инпрекоре», 5/XII — 26 г., и в последующих номерах этого журнала.) [1]

Кроме того сильно увеличилась интенсивность труда.

---

[1] На русском языке см. книгу тов. *Варги*, Англия и Германия, изд. „Моск. Раб.“

В Рурских угольных копях дневная добыча рабочего увеличилась с 942 *кг* в 1913 г. до 946 *кг* в 1925 г. и даже до 1 135 *кг* в третьем квартале 1926 г. (Последняя цифра является красноречивым комментарием роли германских реформистских вождей во время борьбы английских горняков.) Выпуск чугуна на 1 рабочего возрос на 26% между январем 1925 г. и осенью 1926 г.; выпуск стали за то же время возрос на 33%. Обследование хлопчатобумажной прядильной промышленности христианскими профсоюзами показало увеличение числа веретен на 12% при увеличении числа рабочих на 2% и увеличении числа директоров на 45%.

Но при всем росте производительных возможностей и при всей интенсификации труда не удалось целиком использовать возросшие производительные силы. В сентябре 1926 г. на съезде промышленников в Дрездене руководящий промышленник Дуисберг заявил, что в машиностроительной промышленности используется 50% производительных сил, в железоделательной промышленности 60%, в стальной — 70%. Проблема рынков этим, однако, не была разрешена и тем менее может быть разрешена, что новые процессы развиваются и в других странах. Вместо этого рационализация пошла по пути закрытия излишних предприятий и концентрации производства в наиболее прибыльных предприятиях.

Что означает этот процесс для рабочих? Для занятых рабочих, при росте интенсивности выпуска, реальная зарплата ниже довоенной, и рабочий день во многих случаях удлиняется. В июле 1925 г. реальная зарплата углекопов составляла 93% довоенной; машиностроителей — 89%; текстильщиков 82%. («Изменение зарплаты с 1914 по 1925 г.», Международное бюро труда.) Но процесс рационализации привел к гигантской безработице. По профсоюзным данным безработица, которая в 1907 — 1913 гг. составляла в среднем 2 — 3%, в декабре 1926 г. стояла на уровне 17,2%. Официальные цифры безработных, получивших пособие в феврале 1926 г., превышают 2 миллиона, т. е. превышают почти вдвое число зарегистрированных безработных в Англии за то же время. За лето 1926 г. безработица упала до 1 308 000 к октябрю, но поднялась до 1 745 000 в декабре. Номинальное уменьшение безработицы в значительной части фик-

тивно, так как большое число безработных перестало получать пособие по безработице и было переведено на пособие бедным, в то время как свыше 120 000 чел. было занято на общественных работах. На 15 декабря 1926 г. число лиц, ищущих работу на бирже труда, составляло 2 007 435. *Итак, рационализация означает два миллиона безработных германских рабочих.* Какова перспектива, что эти «излишние» рабочие вновь найдут работу? Сами промышленники понимают, что в Германии, как и в Англии, постоянная армия безработных будет значительно превышать довоенную. Английский официальный отчет о германских условиях приходит к выводу:

> Хотя некоторая часть безработных будет поглощена по мере возрождения промышленности, а другие смогут стать самостоятельными, все же нужно признать, что значительное количество безработных останется в течение очень долгого времени. (Доклад о финансовых и экономических условиях Германии 1925/26 г.)

Такова картина капиталистической рационализации или реорганизации на «научной» «американской» основе.

В Англии технические условия не созрели для того, чтобы поднять производительный аппарат до германского уровня без весьма значительных затрат, таких затрат, какие класс капиталистов при своих широких международных интересах и возможностях вложения капитала за границу вряд ли согласится понести. Но это означает лишь, что капиталистическая реорганизация в Англии еще тяжелее бьет по рабочим, на которых возлагается все бремя посредством сокращения заработной платы, удлинения рабочего дня и массовой безработицы. Это капиталистическое наступление на рабочий класс не лишено признаков процесса рационализации в смысле трестирования, ускорения трудовых процессов, закрытия малодоходных предприятий, замены квалифицированных рабочих неквалифицированными и все увеличивающимся использованием детского труда. *Наступление на горняков, доведение их зарплаты до голодного уровня, удлинение рабочего дня и увольнение не менее 200 000 углекопов — такова форма капиталистической рационализации в Англии,* признак нового периода и лучший символ капиталистической «научной» реорганизации. Политика, которую Кейнс реко-

мендует для текстильной промышленности, политика объединения и закрытия неэкономных предприятий при сохранении тяжелого бремени раздутых капиталов идет в том же направлении. Сэр Джошуа Стэмп, экономист и председатель крупнейшей железнодорожной компании, также требует:

> беспощадного закрытия старых и работающих лишь наполовину фабрик при помощи слияний и т. п. и консолидации производства в целиком загруженных предприятиях. («Таймс», 3/XI — 26 г.)

Таковы практические последствия капиталистической реорганизации. В условиях капитализма реорганизация не может принять другой формы. Все сторонники реорганизации при капитализме, как бы ни были идеальны их стремления, на деле поддерживают именно такую рационализацию. История Независимой рабочей партии за последние годы иллюстрирует это положение. Поддержка доклада угольной комиссии, защита международного агентства по продаже угля, как средства разрешения угольной проблемы, восторг по поводу болдуиновского электрического закона, реклама болдуиновских предложений о внутриимперской торговле — все это показывает Независимую рабочую партию в ее подлинной роли апостола капиталистической реорганизации и прислужника капиталистической политики. Отсюда неизбежно следует практическое единство с капитализмом, бегство от борьбы рабочего класса при всяком серьезном кризисе и отказ от единого рабочего фронта. Постоянная гармония в публичных выступлениях Монда, Сноудена, Томаса, Гарвина, Гендерсона, Болдуина и Независимой рабочей партии является только последовательным выражением этой в основе единой политики. Независимая рабочая партия переводит на идеалистический, социалистический фабианский язык капиталистическую политику. Утопические мечты Независимой рабочей партии остаются мечтами: практическая политика ее неизбежно превращается в практическую политику капитализма.

Эта практическая гармония капитализма и Независимой рабочей партии получила соответствующее выражение в завтраке в отеле «Савой», организованном «Вестминстерской Газетой» 1 декабря 1926 г. Здесь министры, представи-

тели крупного капитала и предприниматели, капиталистические политики и видные представители профсоюзов и Независимой рабочей партии объединились за едой и речами во имя промышленного мира в то самое время, как углекопы и с ними весь британский рабочий класс были доведены до последней степени отчаяния, порабощения и голода. Бен Тернер, ветеран и вождь Независимой рабочей партии, сказал:

> Мы имеем федерацию британской промышленности. Почему эта федерация и конгресс трэд-юнионов не могут встретиться и совместно поискать лучших условий для промышленности и для нации.

Бен Тернер и Крэмп говорили о «прожиточной заработной плате», как о решении, которое даст «справедливый доход» капиталу. «Вестминстерская Газета» с похвалой отмечает эту новую установку:

> Быть может новые признаки промышленной мысли выразились всего ярче в одновременном подходе полковника Уилли, из Федерации британской промышленности, с деловой стороны, и мистера Бен Тернера — с профсоюзной стороны к тому, что массовое производство или трестирование может стать ключом к высокой зарплате, при сдельной оплате, и к увеличенному производству, которое поможет совместить всеобщее благосостояние с конкурентной способностью нации. («Вестминстер Газет», 2/XII — 26 г.)

Высокая зарплата... Увеличенное производство... Всеобщее благосостояние — это подлинный язык пропаганды Независимой рабочей партии.

В своей политике капиталистической реорганизации Независимая рабочая партия воображает, что благодаря ловкости своих планов она сумеет сесть верхом на капитализм и потихоньку повернуть его в направлении социализма. Но практика не всегда соответствует планам. Если будет принята политика Независимой рабочей партии, то седоком станет не Независимая рабочая партия, а капитализм; а верхом он будет ездить на рабочем классе.

V.

ПРОЖИТОЧНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ.

Политика прожиточной заработной платы защищается Независимой рабочей партией не только в качестве идеальной политики социального переустройства в будущем, но в качестве немедленной политики рабочего движения в повседневной борьбе, в качестве положительной и практической политики профессиональных союзов.

§ 1. НЕЗАВИСИМАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ.

Задачи, стоящие перед профессиональным движением в настоящее время, по общему признанию более трудны, чем когда бы то ни было. Профессиональным союзам предстоит вести отчаянную борьбу не только для выполнения своей прежней задачи — повышения уровня жизни рабочих, но и для защиты и удержания существующего уровня. Даже эта ограниченная задача оказывается свыше их сил на их нынешней основе при существующих условиях. После 1921 г. и до настоящего дня, за единственным исключением Красной пятницы, мы видели почти непрерывный ряд тяжелых поражений.

Причина исключительной трудности профсоюзной борьбы лежит в характере настоящего периода. Упадок капитализма в Англии, уже рассмотренный в первой главе, приводит к тому, что старая ограниченная борьба не может уже дать легкого успеха. Главный вопрос, который прежде скрадывался капиталистическим процветанием, теперь неизбежно встает перед рабочим классом: вопрос о завоевании власти для реорганизации общества. Этот политический вопрос становится основным вопросом для всего рабочего движения, включая и профессиональную борьбу. Но это не

значит, что экономическая борьба профсоюзов за сохранение и улучшение уровня жизни рабочих при капитализме становится хотя бы на иоту менее существенной, чем прежде. Напротив, эта борьба становится более необходимой, чем когда-либо. Борьба между зарплатой и прибылью является сейчас борьбою не на жизнь, а на смерть. Удержание заработной платы на прежнем уровне или ее повышение может быть завоевано только непосредственно за счет прибылей. Прибыли могут быть удержаны на прежнем уровне только ценою подавления и деградации рабочих. Силы всего класса вовлекаются в столкновение. Так борьба за зарплату в настоящий момент ставит в жизненной и простейшей форме все противоречие между капиталом и рабочим классом. Это первоначальная форма массовой борьбы, прокладывающая путь к последнему бою. *Экономическая борьба не только не становится менее важной, она становится более важной, чем когда-либо в период капиталистического упадка. Однако новый период требует новой тактики, соответствующей ему.*

Старая цеховщина с ее организационной и тактической путаницей уже не может противостоять современному высокоорганизованному капитализму. Первая основная черта новой тактики сводится к тому, что объединенная сила профсоюзов должна стоять за каждым отдельным выступлением (на деле сейчас уже нет отдельных узко-цеховых проблем). Разумеется, нет нужды, чтобы объединенная сила профсоюзов вступала в бой в каждом отдельном случае, но, когда дело дойдет до столкновения, их поддержка должна чувствоваться. Так, например, Красная пятница (31 июля 1925 г.) на время предотвратила целый ряд атак капитала в других отраслях промышленности. Черная пятница повлекла за собой снижение зарплаты во всех отраслях промышленности. За капитуляцией 12 мая 1926 г. последовал ряд атак в других отраслях промышленности. Атаки эти были задержаны продолжавшейся 13 и 14 мая борьбой рабочих и выдержкой горняков. Однако предательство привело к позорным соглашениям, подписанным вождями, и было увенчано новым законом о трэд-юнионах. Таким образом, успех или неудача профсоюзной борьбы со времени войны стояли в прямой связи с присутствием или отсутствием

объединенного выступления. Форма этого объединенного выступления может меняться в зависимости от обстоятельств: либо совместное наступление в борьбе за общие требования, либо общая оборона против атаки на отдельный отряд.

Второе требование профсоюзной тактики в период упадка капитализма заключается в том, что требования не должны оставаться в пределах «экономической возможности» в старом смысле, т. е. согласовываться с данными прибылями данной отрасли промышленности. Нужно быть готовым итти наперекор «нормальным требованиям» капиталистических интересов и прибылей и совершать набег на собственность капиталистического класса, как такового. При существующих условиях этому может противостоять лишь отсутствие всякой политики и принятие бесконечных снижений зарплаты. Частичный пример нового типа соглашений о заработной плате дан Красной пятницей, когда объединенное действие заставило сохранить уровень заработной платы в угрожаемой отрасли промышленности при помощи субсидии, вырванной у всего класса капиталистов. Этот пример ослабляется, поскольку субсидия, хотя и вырванная силой объединенного действия, на деле была стратегическим ходом класса капиталистов. Действительная же победа, которая могла бы быть завоевана Красной пятницей, была упущена.

В каком отношении находится требование «прожиточной заработной платы» к новым условиям и к тактике, необходимой в настоящий период? Требование прожиточной заработной платы (будь то требование повышения зарплаты или борьба против ее снижения) играет очень значительную роль в настоящий период. Это элементарный мобилизующий лозунг борьбы сегодняшнего дня. Он отражает общие интересы всех рабочих. Он подчеркивает характер требований рабочих независимо от интересов и прибылей класса капиталистов. Прежде всего он отражает стихийное сопротивление рабочих попыткам разгрома их, характерным для капиталистического упадка. Однако ограниченный временный характер этого лозунга бросается в глаза. По мере развития борьбы он неизбежно уступает место более глубоким требованиям. Прожиточная зарплата не является какой-то основной или окончательной целью. Все, что может быть завое-

вано, может быть завоевано лишь частично, временно и представляет собой лишь стадию в борьбе. Борьба не может остановиться на точке прожиточной зарплаты: она должна либо итти вперед, предъявляя более коренные требования, либо итти назад к поражению даже в вопросе о зарплате. Борьба за прожиточную зарплату развивается в борьбу за овладение производством, за завоевание власти рабочим классом.

Лозунг Независимой рабочей партии о прожиточной заработной плате, который выставляется ею, как политика профсоюзов для сегодняшнего дня, должен быть рассмотрен на фоне действительной борьбы профсоюзов в настоящий период. Краткое рассмотрение покажет, что лозунг Независимой рабочей партии о прожиточной зарплате нечто совсем иное, нежели действительная борьба за прожиточную зарплату. Это совершенно нереальная доктринерская теория, идущая наперерез действительной борьбе союзов, парализующая и ослабляющая эту борьбу.

Профсоюзная политика Независимой рабочей партии основана на глубочайшем пессимизме по отношению к возможностям какой-либо борьбы рабочего класса в настоящий период упадка капитализма. Это наиболее ясно выражено в обращении председателя партии к конференции 1925 г., где впервые были обрисованы контуры политики прожиточной заработной платы:

> Очень мало надежды на успех имеет борьба за зарплату при нынешней разваливающейся некоординированной промышленности. Мы подошли к такой ступени, когда единственная надежда постоянно поднимать уровень жизни рабочих заключается в промышленной системе, научно и экономически организованной так, чтобы потребности всех отраслей были связаны друг с другом и национальные ресурсы умело распределялись, с целью удовлетворять в первую очередь насущные потребности. Между тем единственное средство достигнуть немедленного повышения уровня зарплаты, равно как и наиболее верный способ убедить общественное мнение в необходимости национальной организации промышленности, заключается в том, чтобы рабочие, объединив силы, потребовали всеобщей прожиточной заработной платы,

в сотоветствии с потребностями цивилизованного существования, а не с меняющимися судьбами каждой отрасли промышленности. (Обращение председателя к конференции Независимой рабочей партии в 1925 г.)

Здесь дана суть той политики прожиточной зарплаты, которую НРП проповедует профсоюзам. Здесь утверждается, что профсоюзы не могут питать никаких надежд в действительных боях за зарплату. Они должны ждать, пока общественное мнение организует промышленность на научных основаниях, т. е. до победы социализма и свержения капитализма, или, вернее, до мифического реорганизованного капитализма, о котором грезит Независимая рабочая партия. В процессе этой реорганизации профсоюзам предоставлена лишь роль органов пропаганды, стимулирующих общественное мнение при помощи объединенного требования всеобщей прожиточной зарплаты. Оратор тут же спешит объяснить, что эта прожиточная зарплата должна быть представлена на утверждение все тому же общественному мнению.

А тем временем? Тем временем, пока общественное мнение еще не убеждено в необходимости полной реорганизации промышленности, профсоюзы ни на что не могут надеяться в своей напрасной борьбе за зарплату. Таким образом, сущность лозунга прожиточной зарплаты Независимой рабочей партии означает для профсоюзов банкротство, капитуляцию и пораженчество во всякой действительной борьбе. Опыт борьбы углекопов в 1926 г. только иллюстрировал это положение на практике.

Из этого полного неверия в возможность профсоюзной борьбы в настоящий период и из обожествления общественного мнения следует позиция полнейшего презрения к действительной борьбе рабочих в профсоюзах при нынешних сложных условиях капитализма:

> Безусловно нет смысла бороться за дюжину различных зарплат в стольких же отраслях промышленности, даже когда это делается при помощи одновременной атаки. Поскольку мы оставляем каждую отрасль промышленности в частных руках при нынешней беспорядочной и хищнической системе, постольку каждая отрасль промышленности будет доказывать с цифрами

> в руках, что она не может выдержать достойной зарплаты. И в каждом случае — как бы ни были могущественны рабочие организации — этот аргумент позволит обществу разбить нас. (Речь председателя на конференции Независимой рабочей партии в 1925 г.)

«Общество» всегда побеждает, «как бы ни были могучи рабочие организации». Напрасно рабочие борются, чтобы удержать или повысить свои спутанные и многообразные ставки. Даже объединенное действие («одновременная атака» — проблема защиты существующего уровня, острая практическая проблема сегодняшнего дня — обычно игнорируется) обречено на неудачу.

Таким образом Независимая рабочая партия считает, что современная профсоюзная борьба за удержание или улучшение кучи различных ставок нелогична, анархична, хаотична. Поэтому НРП прямо выступает против профсоюзов:

> Настоящее положение в высшей степени хаотично. Стачка следует за стачкой. Сплошь да рядом дело простой удачи, получит ли заинтересованная секция рабочего класса свою прибавку. Очень часто это зависит от того, кто раньше начал. После ряда стачек общественное мнение обращается против стачечника, и он либо не получает ничего, либо добивается частичной прибавки, которая не возмещает ему даже потерь за недели безработицы. Часто он получает маленькую прибавку за счет другого отряда рабочих, и таким образом это печальное дело продолжается до бесконечности. («Нью Лидер», 12/IX — 24 г.)

Здесь ясно сказалось отношение Независимой рабочей партии к профсоюзной борьбе. Если бы здесь просто критиковалась профсоюзная цеховщина и защищалось объединенное действие, это утверждение могло бы быть верным, независимо от формы, в которой оно выражено. Но на деле в форме критики цеховщины мы имеем атаку на «печальное дело» забастовки, следующей за забастовкой, что раздражает «общественное мнение». Цеховщина критикуется не потому, что она недостаточно могущественна, но потому, что она раздражает «общественное мнение». (Объединенное действие или всеобщая забастовка еще значительно более раздражают общественное мнение.) «Малень-

кая прибавка», завоеванная одним отрядом, представляется как завоеванная «за счет другого отряда». Как будто выгода каждого отряда не является успехом для всего рабочего класса. «Частичная прибавка», по мнению Независимой рабочей партии, «даже не вознаграждает стачечника за недели безработицы». Что же можно сказать тогда о простом отражении атаки без всяких «частичных прибавок», которые все же дают больше, чем вознаграждение за недели безработицы? Между тем, если этой атаки не отразить, неизбежно сильное снижение жизненного уровня.

Все это критическое выступление, короче говоря, просто отражает обычную капиталистическую пропаганду против стачек и не в последнюю очередь обычные капиталистические атаки на безумие профсоюзов, вступающих в борьбу за удержание различных ставок зарплаты. (В той же статье одобрительно цитируется мнение «Таймса» о профсоюзной политике. Это мнение названо «здоровым суждением».) Конечно, в принципе с точки зрения рабочего класса не приходится защищать различные ставки зарплаты, усложняющие и затрудняющие общую борьбу. Однако если рабочие вообще должны бороться за защиту своего жизненного уровня против наступления капитала или даже стремиться улучшить этот жизненный уровень, они неизбежно вначале должны исходить из существующей путаницы тарифов, навязанной им капиталистами. Возражать против борьбы «за дюжину различных ставок в стольких же отраслях промышленности» во имя абстрактного равенства — значит возражать против действительной борьбы рабочего класса в ее реальных жизненных условиях.

Этот совершенно внешний неисторический, нереальный чужой подход к реальным проблемам существующей борьбы рабочего класса в сложных условиях капитализма — подход, типичный для идеалистической школы, неизбежно приводит к упрощенному абстрактному, пустому «решению», которое не затрагивает ни одной реальной проблемы и только играет на руку капиталистам. Независимая рабочая партия, несмотря на свой открытый пессимизм по отношению к возможности профсоюзной борьбы в настоящий период, все же пытается дать профсоюзам некое подобие «промышленной политики». Эта «промышленная политика»

выражена следующим образом в резолюции о «социализме в наши дни», принятой на конференции 1926 г.:

Промышленная политика.

На ряду с защитой этой парламентской политики Независимая рабочая партия считает, что рабочее движение должно стоять за каждой группой рабочих, получающих недостаточную зарплату и борющихся за достижение цивилизованного уровня, которого мы требуем в качестве национального минимума. Независимая рабочая партия ждет от своих членов действительного участия в промышленной стороне рабочего движения. Они должны стремиться усиливать организации рабочих и развивать профсоюзную организацию, чтобы добиться солидарности рабочего класса. Они должны содействовать всем попыткам добиться требуемого цивилизованного уровня. Они должны участвовать в усовершенствовании профсоюзной организации. Наконец, они должны принять участие в управлении промышленностью, когда наступит необходимая реорганизация.

К чему сводится эта промышленная политика, если отвлечься от семейного вопроса об «участии» членов Независимой рабочей партии в промышленной стороне движения и от общих фраз об усовершенствовании профсоюзной организации, о солидарности рабочего класса и т. д.? Выставляются два специфических предложения:

1) Профсоюзы должны объединиться и поддержать рабочих, стоящих на уровне *ниже* национального минимума.

2) Профсоюзы должны участвовать в управлении промышленностью, когда наступит необходимая реорганизация.

Первый и решающий вопрос: какова по мнению Независимой рабочей партии роль профсоюзов в *нынешней* борьбе? Мы уже видели, что Независимая рабочая партия относится с презрением к попытке профсоюзов бороться за дюжину различных тарифов в стольких же отраслях промышленности. Что же Независимая рабочая партия предлагает взамен? Единый национальный минимум, «выраженный в ясных словах и цифрах». Профессиональные союзы должны затем объединить свои усилия, чтобы поднять до этого минимума рабочих, получающих более низкую зарплату.

Может показаться, что это чрезвычайно логичная научная систематическая форма профсоюзной борьбы, которая призвана заменить существующую путаницу. Но что это означает на практике?

Как мы уже знаем, национальный минимум первоначально должен быть очень низким, совместимым с коммерческой способностью промышленности платить. Усилия профсоюзов и объединенное действие их должны быть сконцентрированы на рабочих, получающих менее этого низкого минимума.

Однако всякий знает, что действительная и решающая борьба за зарплату концентрируется в наиболее организованных отрядах рабочих, ставки которых могут быть относительно выше, но которые являются авангардом рабочего класса, причем их сила и сопротивляемость определяют уровень всего рабочего класса. Промышленная политика Независимой рабочей партии совершенно игнорирует эту действительную борьбу за объединенную защиту существующих ставок, каковы бы они ни были. Эта премудрая промышленная политика была выработана и утверждена в апреле 1926 г. за месяц до величайшей атаки на углекопов и на весь рабочий класс. В то время уже был опубликован отчет угольной комиссии, предлагавшей сокращение существующей зарплаты. Все это действительное положение совершенно игнорируется. Вместо этого выдвигается опасное предложение, чтобы рабочий класс просто защищал рабочих, получающих менее известного минимума, самого по себе очень низкого, т. е. вся сила рабочего класса должна стоять за наиболее отсталыми неорганизованными и «неорганизуемыми» профессиями, которые наименее способны к профсоюзной организации и неизбежно выпадают из общего потока трэд-юнионизма.

Разумеется, существующие ставки зарплаты, установленные капитализмом, представляют собою хаос, который невозможно защищать, исходя из абстрактной «справедливости». Разумеется, было бы очень хорошо, если бы все профсоюзное движение вступило в единую борьбу за всеобщую минимальную зарплату. (Коммунистическая партия агитировала за национальный минимум в 4 фунта в неделю задолго до того, как Независимая рабочая партия присту-

пила в выработке своей новой тактики.) Но использовать абстрактную концепцию минимальной зарплаты *в противовес* частичной борьбе, которая неизбежна при существующем хаосе, значит играть прямо в руку предпринимателям. Такая позиция неизбежно оставляет без внимания необходимость защиты существующего уровня, каков бы он ни был, и противодействует фактическим стачкам лучше оплачиваемых рабочих на том основании, что они принадлежат к «относительно более высоко оплачиваемым профессиям». Такое фактическое противодействие стачкам лучше оплачиваемых рабочих постоянно проводится Независимой рабочей партией. Независимая рабочая партия нападала на стачку паровозостроительных рабочих в начале 1924 г. и на ковентгарденскую стачку. Тот же аргумент был использован Генеральным советом, во главе которого стояли главным образом вожди Независимой рабочей партии, в позорной защите своего предательства углекопов. [1]

---

[1] Роль Независимой рабочей партии во время стачки паровозостроителей в январе 1924 г. остается классическим примером. Паровозостроители боролись против попытки снизить их зарплату по постановлению примирительной камеры, подписанному Томасом и другими вождями (постановление о стачке было принято после закрытого голосования, давшего соотношение голосов за стачку 6 : 1). Поскольку стачка была неудобна макдональдовскому рабочему правительству, Независимая рабочая партия обрушилась на забастовщиков с ругательствами. «Нью Лидер» в передовой статье (18/1 — 24 г.) писал о паровозных машинистах, как «об относительно высоко оплачиваемых рабочих, зарабатывающих в неделю от 6 фунтов и выше». (Это исходит от действительно высокооплачиваемого журналиста Независимой рабочей партии, получающего более чем втрое больше.) «Ставкой является — восклицал «Нью Лидер», — все будущее примирительного механизма». Бромлей, который в то время еще не дезертировал, выполнял постановление союза о забастовке. За это «Нью Лидер» обзывал его в стиле капиталистической печати «горячей головой» и «эгоистом». Томас подписал постановление о сокращении зарплаты и официально призывал машинистов из Национального союза железнодорожников играть роль штрейкбрехеров по отношению к своим товарищам. Поэтому «Нью Лидер» сделал открытие, что «Национальный союз железнодорожников не в пример своему сопернику отстаивает действительно прогрессивный идеал в промышленности». Наконец, «Нью Лидер» выступил с прямым призывом к штрейкбрехерству: «В союзе мистера Бромлея не мало способных людей и хороших социалистов... Этот кризис требует от них решения. Цеховая ревность ставит в опасность не только перспективы железнодорож-

Такова излюбленная политика предпринимателей: сосредоточиться на неравенстве существующих ставок — противопоставлять благополучные отрасли промышленности неблагополучным, квалифицированных рабочих неквалифицированным, работающих безработным, — с целью вести пропаганду против наиболее организованных и лучше оплачиваемых рабочих, всегда во имя справедливости по отношению к хуже оплачиваемым, и добиваться национального минимума, чтобы уравнять выше оплачиваемых с наиболее низко оплачиваемыми, на уровне последних. Политика Независимой рабочей партии, стремящаяся определить настолько низкий национальный минимум, чтобы он мог быть коммерчески целесообразным, и первоначально дать выгоду лишь «наиболее низко оплачиваемым профессиям», затем сосредоточить внимание профсоюзов на «недооплачиваемых рабочих, стоящих ниже этого минимума, исходит из того, что рабочие, стоящие выше этого уровня, получают больше необходимого и поэтому должны быть готовы к жертвам. Эта политика вполне соответствует политике предпринимателей.

Роль профсоюзов в реорганизации промышленности первоначально упоминалась в проекте резолюции о социализме в наши дни в качестве «социалистической функции». В окончательной редакции об этом скромно умалчивается. В окончательной редакции эта роль вовсе не носит социалистического характера.

> Когда рабочее правительство придет к власти, оно утвердит эту общую цифру парламентским постановлением и создаст административный аппарат для того, чтобы по-очереди заняться профессиями, в которых заработная плата ниже минимума. Правительство может провести повышение зарплаты постепенно. Если промышленность заявит о своей неспособности платить, оно

ников, но и политические интересы всех рабочих. Если эта стачка состоится, она нанесет Рабочей партии такой удар перед лицом общественного мнения, которого не смог бы нанести ни Ротермир, ни Бивербрук».

Эта подлая атака на рабочую организацию за то, что она осмелилась бороться против сокращения зарплаты, дает подлинную картину отношения Независимой рабочей партии к борьбе рабочего класса, когда временное парламентское неудобство заставляет ее показать зубы и отбросить лицемерие «промышленной политики».

принудит ее к реорганизации, принимая хотя бы меры против разводнения капитала, объединяя мелкие неработоспособные предприятия и проводя экономию, обычную для треста.

Во время этой фазы профсоюзы, правда, не должны будут бороться за зарплату, они будут помогать рабочему правительству или его административной комиссии разрешать гораздо более жизненную задачу реорганизации промышленности. («Нью Лидер», 8/I — 26 г.)

Характер реорганизации, в которой профсоюзы должны участвовать, становится совершенно ясным. Дело вовсе не идет о социалистической реорганизации, а о чисто капиталистической реорганизации. Это вопрос об объединении мелких неработоспособных предприятий и о проведении экономии, обычной для треста. Однако во время *этой фазы* профсоюзам не придется бороться за зарплату.

Таким образом, подлинная судьба профсоюзной борьбы в глазах Независимой рабочей партии становится ясной. В этот период не строительства социализма, а реорганизации капитализма, построения трестированного капитализма профсоюзы должны отказаться от своей борьбы. Промышленный мир необходим для политики капиталистической реорганизации и поэтому для политики Независимой рабочей партии.

Разумеется, профсоюзы должны сыграть определенную роль в построении и будущей реорганизации промышленности. Но для выполнения этой роли рабочий класс должен прежде всего завоевать власть. Когда собственность на средства производства окажется в руках рабочих, тогда профсоюзы смогут выполнить свои функции в деле строительства и организации промышленности, обучая рабочих управлению и играя роль столпов будущего социалистического здания. Но если промышленность находится не в руках рабочих, а в руках класса капиталистов, тогда участие профсоюзов в деле построения промышленности и промышленной организации означает просто использование профсоюзов в деле укрепления капитализма. Независимая рабочая партия упускает маленькую «подробность» — завоевание власти. Вследствие этого ее политика превращается из политики контроля профсоюзов над промышленностью

в политику растворения профсоюзов в капитализме и в политику промышленного мира внутри капитализма.

Промышленный мир внутри капитализма, который открыто отстаивается старыми вождями Независимой рабочей партии — Макдональдом, Сноуденом, Клайнсом и т. д., просвечивает также и в «новой» политике Независимой рабо-партии.

Таким образом, профсоюзная или промышленная политика Независимой рабочей партии при внимательном рассмотрении превращается в следующее:

1) определение минимальной зарплаты, близко подходящей к «уровню наихудше оплачиваемых профессий»;

2) игнорирование и даже противодействие борьбе главной части рабочего класса, оплачиваемой выше этого уровня;

3) государственный капитализм и

4) промышленный мир.

§ 2. РОЛЬ НЕЗАВИСИМОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В БОРЬБЕ УГЛЕКОПОВ.

Факты сильнее слов. Подлинное значение политики прожиточной зарплаты для борьбы рабочего класса выявляется в живом опыте, в действительной роли Независимой рабочей партии в борьбе углекопов в течение критических 1925 — 1926 гг.

Полезнее всего начать рассмотрение этой роли со времени возврата к власти правительства Болдуина: возврат Болдуина был отправным пунктом наступления капитала.

1) *ОБРАЗОВАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА БОЛДУИНА (ноябрь 1924 г.).*

Возврат болдуиновского правительства, избранного голосованием меньшинства, после кричащей и реакционной кампании «против красных», явился началом самого интенсивного и небывалого наступления на рабочих, как в национальном, так и в международном масштабе. Британский капитализм делал отчаянные усилия, чтобы восстановить свои позиции. Коммунисты и революционное левое крыло рабочего движения с самого начала правильно предостерегали против готовящегося наступления. Их предсказания

впоследствии осуществились во всех подробностях (наступление на зарплату, начиная с горняков; наступление на законные права профсоюзов; нападение на Советский союз). Они с самого начала делали упор на задачу *подготовки* рабочего класса и на организацию объединенного действия для отражения наступления. Как же встретила Независимая рабочая партия правительство Болдуина?

Независимая рабочая партия вежливо *приветствовала* правительство Болдуина. Из его «демократического» состава она сделала вывод, что на ближайшие 4 года нет опасности наступления реакции. Эту оценку стоит процитировать почти полностью, потому что она бросает яркий свет на полную слепоту Независимой рабочей партии по отношению к реальности. История дала иронический комментарий каждому из ее суждений (курсив всюду наш):

> Все согласны, что *мистер Болдуин очень успешно справился* с деликатной задачей формирования правительства. Его правительство состоит из способных людей, а включение *мистера Черчилля* прямо *блестящее* достижение... *Мистер Остин Чемберлен,* вероятно, не будет оригинальным министром иностранных дел, но он *будет пользоваться доверием за границей...* Читая список, нельзя не понять, что *мистер Болдуин хочет избегнуть застоя или реакции...* Мы должны сознаться, что наше первое впечатление при известии о назначении *лорда Биркенхеда* министром по делам Индии было тревожным, пока мы не вспомнили его *замечательную* речь об Амритсаре.
>
> Этот список и речь мистера Болдуина в Гильдхолле *позволяет нам сделать утешительный вывод, что мы можем избегнуть четырех лет жестокой реакции, которой некоторые из нас опасались. Руководящая идея правительства, повидимому, будет заключаться в стремлении убить социализм добротой... Добрые намерения у правительства очевидно будут,* но мы предсказываем, что его опыт лишь даст в наши руки лишнее доказательство того труизма, что партия «всех интересов» не посмеет сделать ничего решительного, чтобы устранить зло, при помощи которого «интересы» правят. («Нью Лидер», передовая статья, 14/XI — 24 г.)

Вот мера способности Независимой рабочей партии руководить борьбой рабочего класса в наиболее отчаянный период ее истории против самых беспощадных и бессовестных вождей современного капитализма периода упадка.

2) *ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ ДО КРАСНОЙ ПЯТНИЦЫ*

(декабрь 1924 г. — июль 1925 г.).

При такой оценке характера болдуиновского правительства, совершенно естественно, что Независимая рабочая партия не принимала никакого участия в борьбе левого крыла и не участвовала в подготовке объединенных выступлений, при помощи ли рабочих соглашений или через посредство Генерального совета. Независимая рабочая партия предлагала рабочим другой путь для избежания грядущего конфликта: она предлагала обратиться к болдуиновскому правительству с просьбой назначить национальную комиссию для установления прожиточной зарплаты. Доклад этой комиссии должен был быть представлен на утверждение консервативного парламента. Апрельская конференция партии выдвинула именно такую тактику. Резолюция конференции гласила:

> Конференция считает, что для успеха социалистической и профсоюзной политики и в качестве средства непрерывного повышения уровня жизни рабочих, рабочее движение должно выработать объединенную тактику по вопросам зарплаты.
>
> Поэтому оно (рабочее движение) должно призвать правительство назначить национальную комиссию, которой будет поручено выработать прожиточную зарплату, соответствующую потребностям цивилизованного существования. . .
>
> Если парламент согласится с предложением комиссии, каждая отрасль промышленности, платящая своим рабочим меньше прожиточной зарплаты, должна будет подвергнуться реорганизации, которая даст ей возможность платить такую зарплату. При отказе от реорганизации парламент должен будет установить, какая форма общественной собственности или контроля должна быть распространена на данную отрасль промышленности.

> Таким образом рабочие организации смогут обеспечить прогрессивное повышение уровня заработной платы свыше основной зарплаты и ускорить переход к социальной собственности и национальной организации промышленности.

Эта резолюция игнорирует даже возможность классовой борьбы и возлагает все надежды на болдуиновское правительство и на консервативный парламент. Мэкстон, вносивший резолюцию, рисовал обычную для Независимой рабочей партии картину, как *после* определения цифры прожиточной зарплаты правительственной комиссией рабочее движение будет поддерживать рабочих, «стоящих ниже этого уровня», и таким образом «задаст работу предпринимателям в течение ближайших 12 месяцев» (как будто у предпринимателей нет своих собственных планов):

> Решив вопрос о том, какова должна быть прожиточная заработная плата, они (рабочие организации) должны оглянуться на весь рабочий класс. Всюду, где они увидят группу рабочих, стоящих на значительно более низком уровне, чем установленный, они должны предложить этой группе вступить в борьбу против своих условий труда и позаботиться о том, чтобы эта борьба была поддержана всей силой профессионального и политического рабочего движения... Переходя от одной отрасли промышленности к другой, они, таким образом, зададут работу классу предпринимателей на ближайшие двенадцать месяцев. (Громкие аплодисменты.) (Мэкстон, доклад на конференции Независимой рабочей партии, 1925 г., стр. 117.)

Некоторые делегаты жаловались на отсутствие «промышленной политики». Секретарь ответил:

> *В течение ближайшего года национальный административный совет разработает промышленную политику и представит доклад следующей конференции.* (Отчет о конференции Независимой рабочей партии, 1925 г., стр. 105.)

Независимая рабочая партия не внесла ничего в разрешение проблемы объединенного действия, в борьбу Кука, движение меньшинства и коммунистов против большинства лидеров рабочей партии. Напротив, в течение этого периода орган Независимой рабочей партии постоянно нападал на

Кука из-за угла, используя даже клевету капиталистической прессы против него (напр., обвинение его в тайных переговорах с шахтовладельцами, обвинение, от которого впоследствии пришлось отказаться. «Нью Лидер», 22/V — 25 г. и 29/V — 25 г.). Сноуден обливал Кука ядом в буржуазных газетах. Уитли, выступая в Глазго в марте месяце, заявил, что «он не думает, что рабочее движение в настоящий момент подготовлено к борьбе или даже к переговорам... Крупные профсоюзы превратились в свою собственную тень и сравнительно беспомощны». («Дэйли Геральд», 30/III — 25 г.)

Кампания коммунистов и движение меньшинства за объединенное действие в борьбе за зарплату, вызывала лишь насмешки, издевательства, ложь и клевету печати Независимой рабочей партии. Стачка сочувствия изображалась как «сентиментальная», «раздражающая» мечта, «обреченная на неудачу». («Нью Лидер», 20/III — 25 г.) Предложение о четверном согласии горняков, машиностроителей, железнодорожников и транспортников для общей борьбы за зарплату изображалось как «самоубийство», «сумасшествие». («Нью Лидер» 12/VI — 25 г.) Все время этому противопоставлялся «солидный, реалистический, практичный» план Независимой рабочей партии: обратиться к правительству Болдуина для образования национальной комиссии по прожиточной зарплате, отозваться на предложение Болдуина о промышленном мире; заявить Болдуину: «вы хотите промышленного мира, доходности предприятий, лучшей работы — первый шаг по направлению ко всему этому — установление для всех достойных физических и нравственных условий»; обратиться с «призывом к нации»; «пробудить национальную совесть». По мнению Независимой рабочей партии «кампания в этом направлении может зажечь всю страну» и т. д. и т. д. Такова была «практическая» политика Независимой рабочей партии.

3) *КРАСНАЯ ПЯТНИЦА (июль 1925 г.).*

До самого конца Независимая рабочая партия не сделала ни одной попытки взглянуть в лицо действительному конфликту, приближение которого становилось ясным для всякого, и продолжала свою пропаганду иллюзорных пацифистских выходов.

Наконец, 3 июля «Нью Лидер» принужден был высказаться

об определенном требовании сокращения заработной платы со стороны шахтовладельцев и железнодорожных компаний. Это требование сопровождалось комментарием лорда Биркенхэда, который заявил, что зарплата всех британских рабочих должна быть сокращена по крайней мере на $^{1}/_{3}$, чтобы дойти до континентального уровня. Передовая «Нью Лидер» посоветовала по этому поводу конгрессу трэд-юнионов потребовать созыва мировой экономической конференции для разрешения затруднительного вопроса:

> Эта политика и эта речь, разумеется, вызовут негодование. Но они также требуют созидательного мышления. Мы не смеем игнорировать интернациональную сторону вопроса об уровне зарплаты и безработицы. В передовой статье мы предлагаем, чтобы чрезвычайный конгресс трэд-юнионов потребовал созыва международной экономической конференции для разрешения проблемы уровней жизни в конкурирующих странах.

10 июля передовая статья «Нью Лидер» по поводу атаки на углекопов и железнодорожников сосредоточивает внимание на возможности правительственного посредничества. «Это может быть и хорошо, и плохо». Общий вывод из всей ситуации делается такой: «капитализм обанкротился».

24 июля в самый канун кризиса «Нью Лидер» озаглавил свою передовую: «Надежда на мир?» Подзаголовок: «Маячит слабая надежда на конференцию горняков с шахтовладельцами». Эта руководящая статья пространно рассуждает о позиции средних классов в случае угольной стачки и объясняет, что их «инерция» является виною за неудобства, которые им придется претерпеть.

Итак, Независимая рабочая партия не имела никакого отношения к победе Красной пятницы.

Немедленно после Красной пятницы Независимая рабочая партия выступила с громким ликованием по поводу победы. «Национальный совет поздравляет горняков. . . Независимая рабочая партия радуется солидарности организованного труда». Но поняла ли она ограниченный характер победы, неприкрытые стратегические намерения правительства в отношении предстоящей гораздо более тяжелой борьбы? Ничего не поняла. В то время как Кук и коммунисты и боевое левое крыло, боровшиеся в первых рядах, выдвинули на следующий

же день предостерегающие лозунги: «Никаких иллюзий», «Только задержка», «Девять месяцев на подготовку», Независимая рабочая партия раздавала ненужные букеты победителям. Национальный совет партии после всех поздравлений заявил, что «реорганизация промышленности в качестве общественной службы, находящейся под демократическим контролем, является единственным средством выйти из нынешнего хаоса и конфликтов».

В характерной статье редактор «Нью Лидер» Брейльсфорд сознается в полной слепоте и бессилии всей политики Независимой рабочей партии во время событий, приведших к Красной пятнице (курсив наш):

> Позади осталось время *бессилия и пессимизма. Мы были в когтях тех сил, над которыми мы были невластны*... Несколько магнатов Сити встретилось в Банке: учетный процент был снижен, и наша судьба была решена.
>
> В последние дни июля случилось величайшее событие в истории. Человеческая воля утвердила себя...
>
> *Откровенно признаюсь*, в начале конфликта я думал, *что мистер Кук поступает опрометчиво*, строя всю свою стратегию на надежде, что железнодорожники поставят все на карту ради поддержки своих товарищей в угольных копях. *Память о Черной пятнице парализовала нас всех* на годы... Но события блестяще подтвердили, что мистер Кук был прав. («Нью Лидер», 8/VIII — 25 г.)

Исповедь соответствует действительности, поскольку дело идет о Независимой рабочей партии. Но сопровождается ли она более ясным пониманием будущего? В то же время, как писалось это покаяние в прошлых ошибках, Независимая рабочая партия снова ошибалась, в расширенном масштабе, отказываясь использовать 9 месяцев субсидии для подготовки. Она вновь впадала в свою старую путаницу и парализовала борьбу рабочих, проповедуя веру в угольную комиссию болдуиновского правительства, уверенность в возможности мирного разрешения вопроса без борьбы и т. д.

4) *ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ (август 1925 г. — апрель 1926 г.).*

Последующие 9 месяцев между Красной пятницей и всеобщей забастовкой были наиболее критическим периодом в

современном рабочем движении Англии. Правительство явно мобилизовало все силы, чтобы раздавить рабочее движение. Коммунистическая партия и революционное левое крыло напрягали каждый нерв, чтобы пробудить рабочее движение к грядущей борьбе. Они встречали глухую стену оппозиции со стороны реформистского руководства, которое по собственному признанию не делало никаких попыток подготовиться до 27 апреля.

Где была Независимая рабочая партия в течение этих критических 9 месяцев? Независимая рабочая партия помогала реформистскому руководству в деле саботажа, возражая против приготовлений, против единого фронта, проповедуя возможность мирных решений, проповедуя доверие к правительству и, таким образом, на деле помогая правительственной подготовке.

Дважды, в октябре и в марте, коммунистическая партия предлагала Независимой рабочей партии вести совместную кампанию подготовки к грядущей борьбе, под следующими лозунгами: 1) национализация угольных копей, 2) прожиточная заработная плата для углекопов, 3) стопроцентное вовлечение рабочих в профсоюзы, 4) самооборона рабочих против ОМСа и фашизма. Независимая рабочая партия отказалась от единого фронта под предлогом теоретических разногласий в вопросе о конечных целях. В то же время Независимая рабочая партия предлагала слияние — не сотрудничество в элементарной кампании за непосредственные нужды, а полное слияние II и III Интернационалов. Таким образом глубокие теоретические разногласия не составляли препятствия для полного слияния. Однако они явились непреодолимым препятствием для малейшего действительного шага к объединенной работе по самым элементарным текущим вопросам.

На Ливерпульской конференции рабочей партии в октябре 1925 г. Независимая рабочая партия голосовала за политику раскола в рядах рабочей партии и за исключение коммунистов. За этим постановлением через две недели последовал арест коммунистических вождей правительством.

Вместо подготовки Независимая рабочая партия проповедовала доверие к правительственной угольной комиссии. Так, в памфлете «Путь к власти» мы читаем:

> Назначение угольной комиссии означает, во-первых, что общественное мнение понимает необходимость реорганизовать промышленность, неспособную платить прожиточную зарплату; и во-вторых, что задача спроектировать, и если нужно, подталкивать эту реорганизацию, является политическим долгом правительства. Признание этого принципа, даже если он применяется против воли, является огромным шагом вперед.

Вот мера понимания значения угольной комиссии, которая была стратегическим оружием правительства, для того чтобы подготовить снижение зарплаты углекопов.

Доклад угольной комиссии был встречен с одобрением. Макдональд в «Форуорде» находил, что это «заметная веха в истории политической мысли... наиболее строгое осуждение частного предпринимательства, которое когда-либо было опубликовано в официальном документе... Звезды на своем пути борются за нас». («Форуорд», 19/III — 26 г.) «Нью Лидер» признавал, что в «докладе формулируются два тезиса, которые по всей вероятности означают войну». Однако это не мешает газете мечтать, что «корпоративная совесть нации» сумеет ее избегнуть:

> Мы считаем, что, готовясь со всей смелостью и настойчивостью к решающей борьбе, рабочее движение должно прежде всего обратиться к здравому смыслу и корпоративной совести нации. Нация в 1914 г. взвалила на себя колоссальное бремя для защиты братского народа, находившегося в опасности... Примет ли она сейчас на себя долг солидарности или же допустит промышленную войну? («Нью Лидер», 12/III — 26 г.)

Апрельская конференция Независимой рабочей партии, собравшаяся за 4 недели до величайшего конфликта в истории британского рабочего класса, провела время, гоняясь за призраком своей политики прожиточной заработной платы. Она не удосужилась, хотя бы вкратце, попытаться остановиться на проблемах грядущей борьбы. Формальная чрезвычайная резолюция о «полной поддержке углекопов», «подтверждавшая, что единственное действительное средство для разрешения экономических проблем угольной промышленности заключается в реорганизации, согласно социалистическим принципам, была внесена, проголосована и принята *без*

обсуждения. Вносивший ее делегат горняк заявил, что «углекопы никому не доверяют. Они не нуждаются в сочувствии на словах, они хотят, чтобы другие рабочие бастовали вместе с ними». Эта грубая действительность, однако, была вежливо обойдена, и ей не позволили вторгнуться в ту фантастическую атмосферу, в которой конференция предпочитала пребывать.

Независимая рабочая партия до самого конца делала вид, что она верит, будто борьба не неизбежна.

26 марта «Нью Лидер» по поводу кризиса в машиностроительной промышленности и возможности объединенной борьбы, между прочим, заявил:

> *Есть еще время продумать подходящую стратегию.*

9 апреля:

> *Что касается нас, то мы все еще отказываемся верить, что конфликт неизбежен.*

16 апреля (выдвигая панацею объединенного агентства по продаже угля):

> Рабочее движение должно готовиться к борьбе, но если оно сумеет убедить кого следует в центральном значении этой коммерческой реформы, *нужда в борьбе может исчезнуть.*

Ответ углекопов на предложение комиссии расписывается в том же номере, как «примирительный... Он даже не содержит прямого отказа от обсуждения сокращения зарплаты».

И далее:

> *Посторонним не пристало призывать горняков к бою.*

Таким образом, Независимая рабочая партия в собственных глазах является «посторонней» в борьбе рабочих.

Наконец, 23 апреля дело изображается так:

> Вопрос, будем ли мы иметь мир или войну на будущей неделе, зависит прежде всего от того, поймут ли враждующие стороны во-время, что регулирование международного рынка является осью, вокруг которой все вертится.

Такова была способность Независимой рабочей партии к руководству в канун боя.

5) ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА (май 1926 г.).

Независимая рабочая партия, как партия, не сыграла никакой роли во всеобщей забастовке.

Отдельные члены Независимой рабочей партии действовали согласно своим индивидуальным взглядам. Многие из рядовых рабочих беззаветно агитировали за забастовку, в то время как другие в Генеральном совете предавали ее.

После предательства Независимая рабочая партия резко критиковала Генеральный совет, хотя она не сделала ничего, чтобы заранее предостеречь или как-нибудь подготовить к этому предательству. Однако ее критика не делала никаких положительных выводов относительно изменения политики или смены руководства. Впоследствии партия отказалась от своей оппозиции, что обнаружилось на специальной профсоюзной конференции по вопросу о всеобщей забастовке в январе 1927 г.

Формальное политическое неучастие Независимой рабочей партии во всеобщей стачке явилось, конечно, вполне определенным политическим актом, совершенно так же, как «неполитическая» информация капиталистической печати играет политическую роль. Независимая рабочая партия попросту прикрывала предательство, а последующая ее «критика» служила предохранительным клапаном.

6) *БОРЬБА УГЛЕКОПОВ ПОСЛЕ ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКИ (май — декабрь 1926 г.).*

Немедленно после предательства всеобщей забастовки Независимая рабочая партия начала отстаивать снижение зарплаты углекопов. 28 мая «Нью Лидер» на видном месте напечатал, в качестве главной политической директивы для углекопов, предложение Варли о разрешении кризиса при помощи снижения зарплаты. В передовой заявлялось: «возможно, что вследствие слабости Генерального совета какие-либо уступки в роде предложенных мистером Варли окажутся неизбежными».

В это же время Федерация горняков одна боролась против сокращения зарплаты и призывала рабочих отказываться грузить уголь. Официальный призыв Федерации углекопов

получил поддержку только в коммунистической печати «Нью Лидер», отдавший свою наиболее видную страницу предложениям Варли, даже не напечатал приказа федерации и только сослался на него в нескольких строках в отделе «Новости за неделю».

Так с самого начала обозначился полный разрыв между Независимой рабочей партией и борьбой горняков. Это нужно тем более подчеркнуть, что Независимая рабочая партия все время высказывала на словах полное сочувствие углекопам. Независимая рабочая партия облекла свою политику капитуляции в форму «поддержки», митингов, даже издания специальной газеты «Горняк» и т. д. Эта позиция давала ей возможность оказывать вредное влияние на руководство федерации углекопов. Во всех практических вопросах Независимая рабочая партия была врагом горняков.

Ничто не показывает этого яснее, чем отношение Независимой рабочей партии к вопросу о практической помощи углекопам, к вопросу об эмбарго на уголь. Повторное официальное требование Федерации горняков, разосланное союзам в июне, заставило Независимую рабочую партию сделать вид, что она «поддерживает» требование эмбарго для того, чтобы открыто не порвать с Федерацией горняков. В июне Национальный совет Независимой рабочей партии принял резолюцию, предлагающую «членам Независимой рабочей партии отстаивать политику отказа от перевозок угля».

Если бы эта резолюция была серьезным решением, Независимая рабочая партия была бы ввергнута в борьбу на ряду с коммунистами и революционным левым крылом. Общая борьба за эмбарго всех сил и Независимой рабочей партии, и коммунистической партии, составляющих вместе большинство рабочего движения, неизбежно победила бы всякую оппозицию и провела бы эмбарго. Но именно этого Независимая рабочая партия и хотела избегнуть. Не было предпринято ни одного шага, чтобы попытаться провести резолюцию. Номер «Нью Лидер», следующий за принятием резолюции, не упоминал об эмбарго ни одним словом. Резолюция была просто напечатана. Не было никакой кампании, ни статей, ни демонстраций, ни инструкций членам партии, как проводить борьбу в профсоюзах. Резолюция осталась на бумаге.

Действительная же пропаганда была пропагандой капитуляции («Агентство по продаже», «мирные планы Варли» и т. д.).

Таким образом, резолюция о поддержке эмбарго была чисто словесным лицемерным обманом. Это сразу стало ясно после ответа на призыв коммунистов вести объединенную кампанию за эмбарго. Коммунистическая партия немедленно после принятия Национальным советом решения о поддержке эмбарго написала Независимой рабочей партии, предлагая провести совместную кампанию (15 июня). Кук заявил: «Великолепно, я убежден, что Независимая рабочая партия отвечает». Он ошибся. Независимая рабочая партия ответила 24 июня, что вопрос будет рассмотрен Национальным советом 24 июля. Таким образом, ответ был обещан через 6 недель после вопроса, а тем временем углекопы могли быть разбиты, и вопрос был бы достойно погребен. 9 июля, через 3 недели после предложения объединенной кампании, в то время как ничего не было сделано, Национальный союз железнодорожников отверг эмбарго. Тогда 26 июля Независимая рабочая партия ответила коммунистической партии, что, поскольку эмбарго отвергнут заинтересованными союзами, сделать ничего нельзя.

Этот ответ является классическим примером лицемерного предательства борьбы рабочих. В течение трех недель, когда было еще возможно одержать победу и провести эмбарго через профсоюзы, Независимая рабочая партия молчала и скрывала свою предполагаемую политику. На конференции союза железнодорожников, которая отвергла эмбарго, коммунистическая партия смогла вести за собою оппозицию, составлявшую не менее четверти делегатов. Если бы коммунисты и независимцы боролись совместно за эмбарго, положительный результат был бы обеспечен. После того, как предложение об эмбарго потерпело поражение в профсоюзах, благодаря сознательному бездействию Независимой рабочей партии, партия выступает и ссылается на это поражение в оправдание своего бездействия!

Все время Независимая рабочая партия продолжала свою пропаганду поражения и снижения зарплаты. «Нью Лидер» от 16 июля, сообщивший в трех строках без заголовка и комментариев решение Национального союза железнодорожников об эмбарго, активно отстаивает разрешение кри-

зиса при помощи агентства по продаже угля и субсидии. «В этом случае,—пишет газета,—горняки должны будут мужественно встретить необходимость некоторого снижения зарплаты». Капитулянтские условия епископов нашли немедленную поддержку: «Мы надеемся, что всеобщее голосование среди горняков подтвердит мудрое решение исполкома» (решение исполкома Федерации горняков, рекомендовавшее принять условия епископов). («Нью Лидер», 6/VIII — 26 г.) Сопротивление горняков и готовность их к дальнейшей борьбе «изумили» Независимую рабочую партию. «К счастью, делегатская конференция может изменить результаты голосования и продолжать переговоры», писал «Нью Лидер» 20 августа.

27 августа Независимая рабочая партия, повидимому, впервые сделала открытие, что «шахтовладельцы и правительство обнаружили свои истинные намерения: они решили довести углекопов до полного подчинения». В ответ на это Независимая рабочая партия решила устроить ряд публичных митингов, чтобы «создать общественное мнение, которое сметет правительство и докажет шахтовладельцам, что дни рабства миновали».

Наконец, наступил последний кризис в октябре. Были опубликованы правительственные условия, и приходилось выбирать между капитуляцией или усилением борьбы. Независимая рабочая партия намекнула, что принятие правительственных предложений «может оказаться хорошей тактикой». Есть только две возможности, по мнению партии: либо «политический кризис» вследствие раскола между Болдуином и шахтовладельцами, что «маловероятно», либо «отступление». Возможность усиления борьбы, т. е. именно то, на что пошли горняки, не входила в поле зрения Независимой рабочей партии. В общем Независимая рабочая партия предпочла вернуться к роли постороннего:

> *Те из нас, которые не являются углекопами, могут поздравить себя, что этот болезненный выбор не нам приходится делать.* («Нью Лидер», 8/X — 26 г.)

«Мы — горняки и горняки — это мы», заявил Гозлинг в дни Красной пятницы. «Те из нас, кто не являются горняками, могут поздравить себя» — таков окончательный приговор Независимой рабочей партии, когда длинный ряд ее

реформистских капитуляций и предательств привел горняков к последнему краю нищеты и все же не сломил их боевого духа. Остается добавить, что когда делегатская конференция 7 октября приняла боевые решения, предложенные Южным Уэльсом, вопреки оппозиции вождей, Независимая рабочая партия благонравно комментировала это решение «извне»:

> Мы сожалеем об ошеломляющем решении делегатской конференции, поддержавшей отчаянное предложение отозвать из копей рабочих, следящих за безопасностью. («Нью Лидер», 15/X — 26 г.)

Последующий саботаж этого решения и окончательное поражение известны.

Невозможно без отвращения и презрения следить за действительной ролью Независимой рабочей партии в действительной борьбе рабочего класса, на ряду с ее громкими фразами о «социализме в наши дни» и «прожиточной зарплате». Между тем все это лишь практический результат иллюзорной, утопической, обманывающей самое себя теории НРП; равным образом сама эта теория является лишь выражением бездействия, скептицизма и бессилия этой партии на практике. И то и другое одинаково отражают отказ от участия в борьбе рабочих. А этот отказ превращает всякое исповедание социализма в ложь.

РЕЗОЛЮЦИЯ О «СОЦИАЛИЗМЕ В НАШИ ДНИ»

(принята конференцией Независимой рабочей партии в Уитли-Бей в апреле 1926 года.).

Независимая рабочая партия ставит перед собою цель завоевания социализма для настоящего поколения. Язва безработицы, неспособность капиталистической промышленности реорганизоваться после ударов великой войны, наш повседневный опыт усиливающейся борьбы между имущими классами и рабочими, все это показывает, что старый порядок рушится. Такая ситуация требует сознательной и решительной социалистической политики, сознательно разработанной для того, чтобы скорее перевести нас через переходный период от старой к новой цивилизации.

Поэтому Независимая рабочая партия снова заявляет о своей решимости работать для завоевания социализма в духе борьбы и созидания в каждой области, в которой необходимо произвести изменения в обществе.

Прямая атака на бедность.

Независимая рабочая партия считает, что социалистическая политика должна быть сконцентрирована на прямой атаке на бедность. Партия утверждает, что рабочие прежде всех имеют право на богатство народа, и отрицает это право за теми, кто живет собственностью, а не трудом. Полуголодная зарплата, которую сейчас платят, представляет собой не только невыносимое зло сама по себе; она является непосредственной причиной широко распространенной безработицы. Машины стоят, потому что массы не имеют возможности покупать. Поэтому Независимая рабочая партия предлагает, чтобы все рабочее движение сосредоточило свою энергию на достижении прожиточного дохода, который заключался бы для рабочих отчасти в более высокой денежной заработной плате и отчасти в развитии социального и экономического обслуживания; в удовлетворительной пище, одежде, жилищах и в условиях, необходимых для цивилизованного существования. Положение наемного рабочего должно быть защищено законным правом на труд, которое дополняется правом на полное содержание во время безработицы.

Независимая рабочая партия видит в этом прожиточном доходе первое требование справедливости, которое, если мы проведем его последовательно и смело, даст нам силу быстро притти к осуществлению социалистического государства.

Банки и импорт.

Поскольку высокая заработная плата была бы бесполезна без возможности контролировать цены, требование прожиточной заработной платы делает необходимым: а) установление национальной банковской системы, контролирующей валюту и кредит для национальных целей, и б) национализацию ввоза продовольствия и сырья. Если кредит и сырье находятся под общественным контролем, производство может быть реорганизовано для удовлетворения потребности рабочих.

Транспорт и энергия.

Если заработная плата должна быть повышена, а цены установлены на стабильном и низком уровне, то дешевый транспорт и механическая энергия (вместе с кредитом и сырьем) должны стать ключом к реорганизации и увеличению производительности промышленности. Политика прожиточного дохода приводит, таким образом, к национализации железных дорог, копей и добычи электричества.

Земля и жилища.

Прожиточный доход требует реорганизации и развития сельского хозяйства и общественной собственности на землю. Принятие прожиточного дохода создало бы такой спрос на лучшие жилища, что национальная организация строительной промышленности и производства строительных материалов стала бы необходимой.

Эта серия мероприятий заложила бы фундамент нового социалистического государства, которое, по мере своего развития, создало бы более полную жизнь для своих граждан.

Рабочая комиссия по прожиточной заработной плате.

Независимая рабочая партия предлагает, чтобы все рабочее движение немедленно организовало комиссию для установления прожиточного дохода, который представлял бы собою минимальный уровень цивилизованного существования. После этого рабочее движение должно превратить требование этого уровня в гвоздь своей политики, как в политической, так и в экономической области.

Равные возможности для детей рабочих.

Независимая рабочая партия требует, в качестве составной части прожиточного дохода, уплаты особых прибавок к заработной плате матерям или опекунам. Эти прибавки должны меняться в зависимости от числа лиц в каждой семье. Этот шаг по направлению к социальному равенству был бы началом необходимого перераспределения национального дохода в зависимо-

ти от потребностей. Он сократил бы роскошь богатых для того, чтобы дать детям бедняков равные возможности в жизни.

Парламентская политика.

По мнению Независимой рабочей партии, Рабочая партия в парламенте не должна удовлетворяться простой оппозицией действиям правительства; она должна искать всех и всяческих возможностей для того, чтобы выдвигать требования прожиточного дохода и защищать широкую социалистическую программу, при помощи которой он может быть осуществлен. Независимая рабочая партия считает, что Рабочая Партия должна открыто заявить, что она проведет эту программу в жизнь, как только вернется возможность стать у власти. Необходимо предпринять немедленные шаги для подготовки необходимой экономической реорганизации, так, чтобы рабочая партия могла быть готовой провести ее без задержки.

Рабочее правительство не должно отказываться от своей цели из за того, что оно имеет лишь меньшинство за собой. Ответственность за отказ от социалистических мероприятий должна быть возложена на противников рабочего правительства. Таким способом вопрос о народной бедности и предложения конструктивного социализма были бы выдвинуты на первый план практической политики.

Экономическая политика.

На ряду с такой парламентской политикой Независимая рабочая партия предлагает, чтобы рабочий класс становился за каждой группой недооплачиваемых рабочих, которые борются за достижение уровня цивилизации, соответствующего национальному минимуму. Независимая рабочая партия ждет от своих членов участия в соответствующих профсоюзах и полной поддержки промышленной стороны рабочего движения, с целью усилить организацию рабочих и развить профсоюзную организацию для обеспечения классовой солидарности пролетариата; а также помощи всем усилиям добиться требуемого уровня цивилизации; участия в усовершенствовании профсоюзной организации; и, наконец, участия в управлении промышленностью, когда необходимая реорганизация будет осуществляться.

Кооперативное движение.

В то же время все члены Независимой рабочей партии должны стремиться улучшить организацию кооперативного движения, имея в виду как немедленное использование его для устранения спекуляции при удовлетворении потребностей рабочих, так и будущее развитие его в качестве неразде.льной части социалистического государства.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
От издательства	3
Предисловие автора	7
I. Рабочее движение и вопрос о заработной плате	11
II. Капитализм и пониженная заработная плата.	17
1. Наступление на заработную плату	—
2. Мировой экономический кризис и Великобритания	22
3. Технический прогресс и иллюзии капиталистического возрождения	26
4. Упадок британского капитализма	30
5. Империализм и английская промышленность	33
6. Разрыв между интересами британского капитализма и интересами рабочего класса	37
7. Может ли перераспределение между отраслями разрешить кризис?	40
8. Банкротство капиталистической реорганизации в Англии	45
9. Ответ рабочего класса	49
III. Политика прожиточной заработной платы в программе Независимой рабочей партии	53
1. Банкротство реформистского руководства	54
2. Новые маски реформизма	59
3. Нынешняя позиция НРП	62
4. Что предлагает НРП	66
5. Хочет ли НРП социализма или капитализма?	71
IV. Может ли политика прожиточной заработной платы реконструировать капитализм?	79
1. Софизм внутреннего рынка	80
2. Американский миф	91
3. Иллюзии фордизма	102
4. Иллюзии международных капиталистических объединений	115
5. Рационализация или капиталистическая реорганизация на практике	124
V. Прожиточная заработная плата и профессиональные союзы.	132
1. НРП и профессиональные союзы	—
2. Роль НРП в борьбе углекопов	144
Приложение.	
Резолюция о «социализме в наши дни»	159